
ОГОНЁК
№ 16 АПРЕЛЬ 1964
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

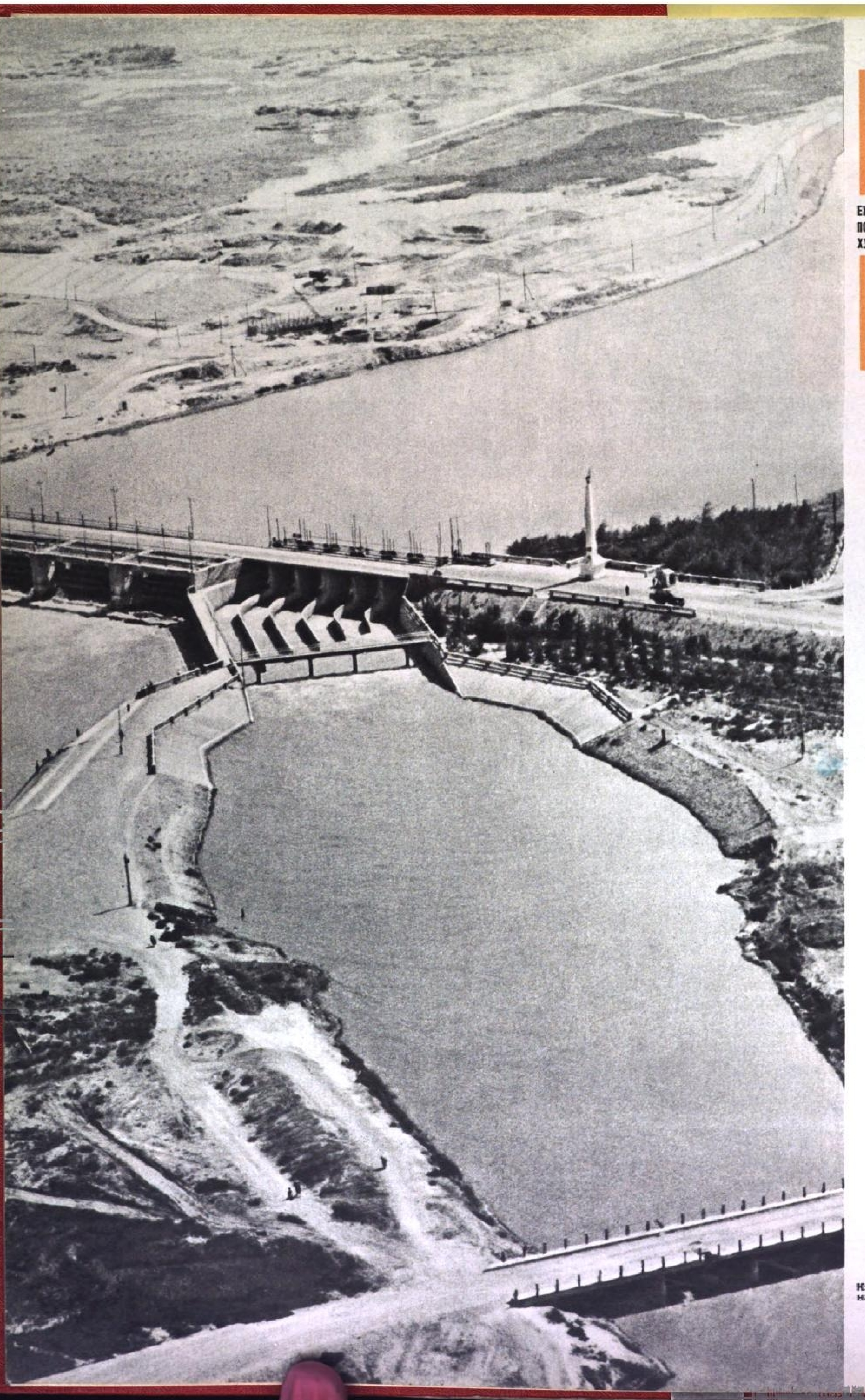
ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 16 (1921)

12 АПРЕЛЯ 1964

Кзыл-Ординская оросительная система. Казахская ССР.
Фото А. Гостева

Будапешт. Президиум торжественного заседания в честь национального праздника Венгрии — Дня освобождения. На трибуне — товарищ Н. С. Хрущев.

ЕДИНСТВО ВОЛИ, ИНТЕРЕСОВ, ЦЕЛЕЙ

С исключительной теплотой и сердечностью принимал народ Венгрии советскую партийно-правительственную делегацию во главе с Н. С. Хрущевым. В шахтерском поселке Шайосентпетер и в кооперативе «Аранькалас», в Будапеште и в Мишкольце — всюду, где побывали советские гости, их радостно приветствовали венгерские друзья, товарищи, братья. «Наша сила — в единстве, дружбе!» — сказал Никита Сергеевич Хрущев, выступая на митинге в Мишкольце. Этим словам советского премьера аплодировала вся Венгрия. В едином строю идут вперед народы наших стран, наши братские партии. Единство воли, интересов, целей сплачивает ряды борцов за коммунизм, за счастливое будущее человечества. Осуждая авантюристов и раскольников из Пекина, Венгерская **социалистическая рабочая партия, весь трудовой народ страны горячо одобряют и поддерживают принципиальную ленинскую политику Центрального Комитета КПСС, борьбу советских коммунистов за сплоченность международного коммунистического движения.**

Встречи и беседы Н. С. Хрущева с венгерскими трудящимися, с руководителями партии и правительства народной Венгрии были проникнуты духом искренней дружбы и взаимопонимания, подлинного братства.

С огромной радостью воспринял народ Венгрии весть о том, что Президиум Верховного Совета СССР присвоил звание Героя Советского Союза товарищу Яношу Кадару, Первому секретарю ЦК ВСРП, Председателю Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства. «Дружба с Советским Союзом и пролетарский интернационализм неотделимы друг от друга. Так было и так будет всегда, пока жив коммунизм»,— заявил товарищ Кадар, принимая высокую награду.

Визит советской партийно-правительственной делегации на венгерскую землю стал праздником советского и венгерского народов, светлым праздником единства.

Жители венгерской столицы приветствуют руководителей ВСРП и правительства республики, советскую партийно-правительственную делегацию во главе с Н. С. Хрущевым.

Советская партийно-правительственная делегация во главе с Первым секретарем ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР Н. С. Хрущевым возлагает венок к памятнику советским воинам, павшим в боях за освобождение Венгрии. ◀

В первый день пребывания на венгерской земле советская партийно-правительственная делегация вместе с товарищем Яношем Кадаром и другими венгерскими руководителями посетила старейшее предприятие республики — электроламповый завод «Здьешюлт иззо». ▶

12 апреля — День космонавтики

ПЕРЕД ДАЛЬНИМИ ПОЛЕТАМИ

Яркий свет мощных рефлекторов направлен на прозрачные резервуары с густой зеленой жидкостью, на поверхности которой то и дело вскипают пузырьки воздуха. Мягко работают воздушные насосы, шуршат ленты приборов-самописцев, регистрирующих температуру, содержание кислорода и углекислоты, плотность зеленой жидкости. Пахнет морем, водорослями.

Так выращивается микроскопическая одноклеточная водоросль хлорелла в научном институте, где занимаются вопросами, связанными с обеспечением жизнедеятельности людей в дальних космических путешествиях и при высадке их на другие планеты.

— Один из вариантов создания нормальных условий жизни космонавтов,— рассказывает старший научный сотрудник Академии наук СССР Евгений Яковлевич Шепелев,— это осуществление в кабине космического корабля круговорота веществ — так называемой экологической системы. При этом существенная роль отводится фотосинтезу зеленых растений, в частности, хлорелле.

Хлорелла выделяет много кислорода. Я, например, для опыта несколько часов находился в герметической кабине, так сказать, наедине с хлореллой, и чувствовал себя нормально. Но надо помнить, что хлорелла выделяет и вредные для человека примеси, например, угарный газ. Поэтому в закрытой кабине, в которой я находился, стояли специальные поглотители.

Как пища хлорелла весьма ценна. Обычно она содержит до 50 процентов белков, 25 процентов жиров и 15 процентов углеводов. Цыплята, в корм которым добавляли хлореллу, росли гораздо быстрее.

— Ну, а люди пробовали хлорелльную пищу?

— Конечно. Для опыта наши сотрудники в течение двух-трех недель питались ею. Съедали рацион, содержащий более 50 граммов сухой биомассы хлореллы в сутки. Биологические исследования, проведенные во время опыта, показали высокую калорийность хлореллы.

— А на вкус-то она какова?

— Знаете что,— Евгений Яковлевич смотрит на часы,— время к обеду, вот давайте и попробуем...

— Ну, обед-то этой штукой подменять, пожалуй, не стоит,— осторожно возражаем мы...

— Обед будет подан,— говорит с улыбкой Евгений Яковлевич.— А там хотите ешьте, хотите нет.

И действительно, нас угостили настоящим обедом. На первое — суп-пюре. На вид зеленоватый, пахнет вкусно. Попробовали, совсем неплохо. Не заметили, как по тарелке съели. На второе — лапшевник, тоже зеленоватый и тоже вкусный. На третье — желе и мороженое. Да еще бисквиты.

— Ну, как? — спрашивает нас хлебосольный хозяин.

— Отлично, только все зеленое, как-то непривычно.

— Это беда поправимая, биомассу легко обесцветить.

Хлорелла еще ценна и тем, что она чрезвычайно урожайна. С одного квадратного метра плантации можно получить в сутки более ста граммов сухого вещества. Такого урожая не дает ни одно растение.

— Все это хорошо, но ведь космонавты могут находиться в полете несколько месяцев, а то и не-

На центральной трибуне Н. С. Хрущев, Янош Кадар и Иштван Доби.

4 апреля в Будапеште состоялся военный парад по случаю 19-й годовщины освобождения страны.

На снимках: пехотинцы венгерской Народной армии. Военная техника на параде.

Фото специального корреспондента ТАСС В. Егорова, МТИ.

сколько лет. Представьте себе: изо дня в день на столе одна биомасса, хоть и в различных блюдах и очень вкусная, но...

Без сомнения, потребуется разнообразить меню какими-то привычными, земными кушаньями. Скажем, свежие щи, салат, различные овощи, свежее мясо. Как осуществить это в космическом полете?

Евгений Яковлевич проводит нас в лабораторию, напоминающую теплицу, здесь выращивают овощи. В ярком свете ламп нежно зеленеет салат, капуста, морковь, редис. Сладкий картофель — батат. Только растут здесь они совершенно необычно. Одни подвешены в прозрачных камерах. Корни свободно распластались в воздухе. На них из форсунки выбрасывается питательный раствор. Это воздушная культура растений. Другие — на гидропонике. Но вместо гравия заменителем почвы служат легкие синтетические материалы.

Автоматы поддерживают нужную температуру и влажность воздуха. Овощи растут чрезвычайно быстро. Морковь, редиска, капуста, свекла — все крупное, сочное, очень вкусное. В них много питательных веществ и витаминов.

— Подобные теплицы,— рассказывает Евгений Яковлевич,— могут быть созданы на космических кораблях, чтобы у космонавтов на столе были свежие овощи.

— Но где же космонавты возьмут столько питательного раствора? Понадобятся целые цистерны!

— А экологическая система? Круговорот веществ наподобие того, что происходит на Земле? У нас здесь, как и в кабине будущего корабля, выделения человеческого организма почти полностью утилизируются. Они ведь содержат азот, калий, фосфор, магний, железо и другие элементы, необходимые для питания растений.

В результате химических процессов у нас получается вполне пригодный питательный раствор, а также углекислота, необходимая для фотосинтеза растений. И вода.

— Кстати о воде! После сытного обеда хочется пить...

Нам дают по стакану воды.

— Какова на вкус? — спрашивает Евгений Яковлевич.

— Обыкновенная.

— Ну, значит, и космонавты обижаться не будут...

Евгений Яковлевич рассказывает, как предполагается снабжать космонавтов в полете свежим мясом. Видимо, всего удобнее будет разводить в космическом корабле кур или кроликов. Мясо у них вкусное, питательное. Куры быстро растут, особенно если им в корм добавлять хлореллы. К тому же они будут нести яйца. А кормом им могут служить остатки еды космонавтов, перемолотые кости, яичная скорлупа и другие отходы.

Нам показывают маленькую клетку, в которой производится откорм курицы. Это делает специальный механизм. Такое устройство в условиях космического полета очень удобно.

— Как видите,— говорит в заключение Евгений Яковлевич,— космонавты в пути будут обеспечены всем необходимым.

А. ГОЛИКОВ,
И. КАСЬЯН

СНОВА В МОСКВЕ

В Москве гостят картины из будапештской Национальной галереи.

Не впервые Государственный музей изобразительных искусств имени Пушкина показывает экспозицию венгерской живописи. Сейчас москвичи с большим интересом знакомятся с творчеством художников конца XIX — начала XX века.

На снимке: у картины Лайоша Деак-Эбнера «Бурлаки» всегда подолгу стоят посетители.

Фото В. Савостьянова (ТАСС).

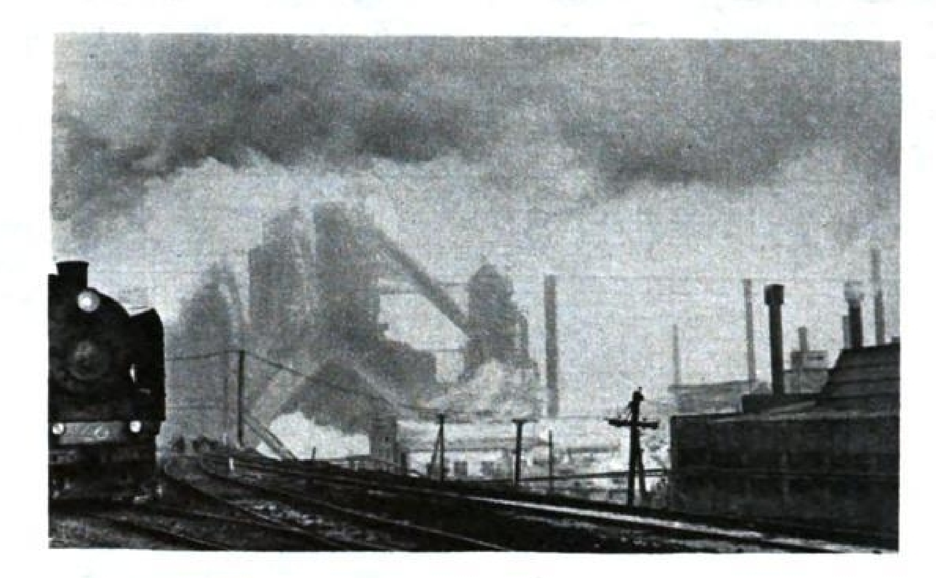
ТРУДОВАЯ ДОБ

Г

...БЛЕСТЬ

Г. КУЛИКОВСКАЯ,
М. САВИН

Главный мандат гражданина СССР. Летопись его больших и малых дел. Зеркало всей его жизни. Первыми подали мысль о создании такого разностороннего документа три простых человека из Донбасса, три человека с чистой рабочей совестью. Сегодня мы хотим рассказать об одном из них.

Раскроем его трудовой паспорт. Его еще нет, этого паспорта, но представим себе, что он существует.

Итак, первые анкетные данные. Фамилия—Перебейнос. Имя-отчество — Владимир Дмитриевич. Год рождения — 1929-й. Место рождения — запорожское село. Но тут Владимир Перебейнос был недолго, ровно столько, чтобы стать на ноги. Когда ему исполнился год, увезли мальчонку к отцу, шахтеру Донбасса, в Донецк.

Жил шахтер — там он и по сей день — на Смолгоре, с которой очень хорошо были видны зарницы, полыхавшие над старой Юзовкой. Они, вероятно, и определили раз и навсегда главную стежку Перебейноса-младшего, потому что в следующей графе — «Место работы» — значится только однаединственная запись: «Донецкий металлургический завод, мартеновский цех»,— а время поступления — 1946 год. Занимаемая должность — сталевар.

Чтобы больше не возвращаться к данным обычного старого паспорта, остается еще упомянуть о семейном положении Владимира Дмитриевича. Снимок, на котором Лена и Лора, говорит за себя. Дочки-близнецы появились на свет шесть лет назад, а сын, ученик восьмого класса Валерик, родился в сорок девятом. Клавдия Константиновна — мать ребят — работала тогда еще машинистом шихтового крана в одном цехе с отцом.

Не сразу, не скоро стал Перебейнос знатным сталеваром. Руки старших товарищей, руки многих друзей помогали ему, поддерживали его, выводили в люди. В начальной школе еще до войны была Нина Ивановна, учительница, о которой он вспоминает с неизменной теплотой; в старших классах был учитель по математике, уроки которого он особенно любил. Затем в его жизнь вошли наставники по избранной им профессии. Сначала Володя с первым своим учителем сталеплавильного дела Степаном Тимофеевичем Копытковым разбирал груды кирпичей. Это было все, что оставили немцы от мартенов. Магнезитовые—в одну груду, динасовые—в другую, шамот — в третью. Потом Михаил Алексеевич Голованов, когда печь восстановили, рассказывал ему, как она работает. И вот настал день — худенький подросток пришел на завод. Имел он девятый разряд и самые наилучшие характеристики РУ № 2, но в цех его не допустили: не хватало лет. Пришлось шестнадцатую весну добирать снова в училище. Одновременно кончал седьмой класс вечерней школы.

На заводе Володе повезло: определили его подручным к Григорию Евгеньевичу Клименко. Четыре года проработал он у него и познал тайны качественной варки легированных сталей. Ничего не таил этот сталевар высокой квалификации от своего ученика. На пятом году стал доверять ему и всю печь. Приходилось иногда Клименко отлучаться: был депутатом областного Совета.

Своим учителем называет Перебейнос и Александра Владимировича Малаху, бывшего начальника цеха, а сейчас заместителя главного инженера завода. Малаха стал вроде второго отца Владимиру — учил жить. Он и рекомендовал его в кандидаты, а потом в члены партии.

А вот и ученики Перебейноса — сталевары и подручные, которых он сам вывел в люди за годы непрерывной вахты у мартена. На этом снимке мы не смогли собрать всех вместе. Васин, первый его воспитанник, выдавал как раз плавку. Далеко-далеко от Донецка находились и болгарские сталевары — питомцы Перебейноса. Они учились у него скоростной и особо сложной, по специальным рецептам, варке стали.

Поощрения и награды. Их особенно много в старой трудовой книжке Владимира Дмитриевича. Для занесения многочисленных приказов по заводу не хватило в ней листков, и пришлось вклеивать дополнительные. Почетные грамоты, свидетельства, денежные премии. За освоение выплавок новых марок стали, за досрочное выполнение задания, за сталь, выданную сверх плана.

Есть и правительственные награды: орден «Знак почета», медали «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие».

1960 год. Бригаде присвоено звание коллектива коммунистического труда. С этого времени она становится участником всесоюзного соревнования сталеваров. В Донецк съезжаются металлурги Енакиева и Коммунарска. А потом все вместе отправляются в Рустави. Через донские степи, кавказские горы протягивает Владимир Перебейнос руку Амирану Панцулая: «Давай, дружище, соревноваться!» Заводская многотиражка проводит радиоперекличку двух сталеваров. Проходит время, и они встречаются во Дворце съездов на всесоюзном совещании гвардейцев труда. А потом снова в Москве, на сессии Верховного Совета СССР. Оба — депутаты. Один представляет Украину, другой — Грузию.

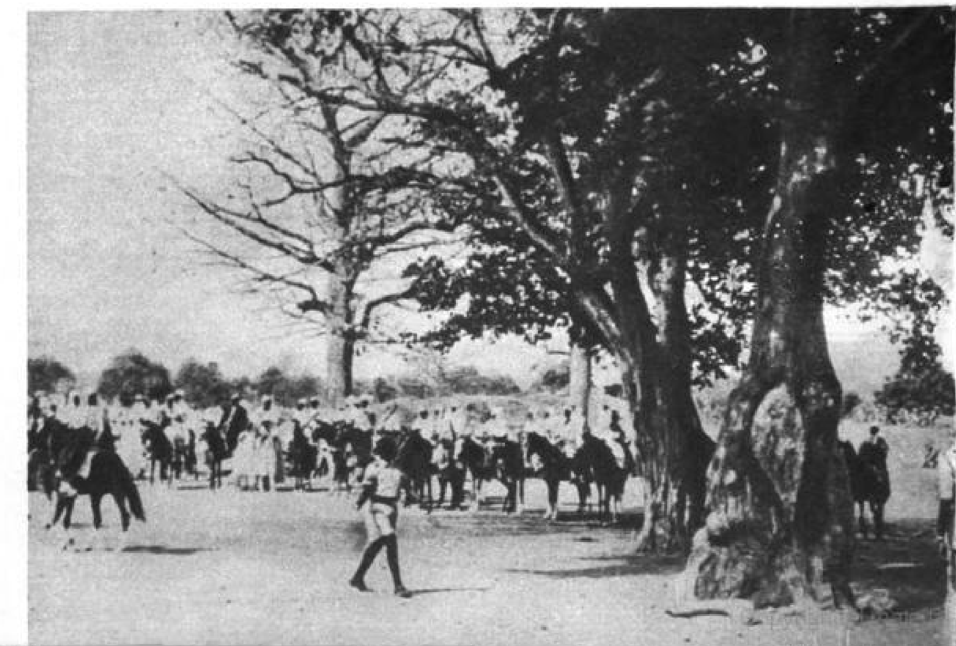
Так мы коснулись еще одной очень важной области жизни Перебейноса — общественной. Да, он депутат Верховного Совета СССР и избран им второй раз. Рабочие Донецка хорошо знают и полюбили этого энергичного и веселого человека, скромного до застенчивости и необычайно чуткого, доброго к людям, упорного до въедливости, когда речь идет о защите их интересов. Вот пришла сейчас к нему на прием Юлия Васильевна Березина, член общественного совета школы № 45. Завод шефствует над школой, а школе надо кое в чем помочь. Добился же, например, Перебейнос, что одной школе сменили на новые все парты. Добился же он вместе с мастером Бычковым, кандидатом в члены ЦК КП Украины, что сейчас на проспекте Шевченко и в других местах строятся заводские жилые дома.

Государственные дела уводят его в другой раз и за рубежи Родины. Недавно с делегацией Президиума Верховного Совета СССР ездил в Нигерию. Дивился этой жаркой стране. Фотографировал. На снимке, сделанном им, запечатлены военные игры в честь высоких гостей. А нигерийцы дивились ему: «Простой рабочий — и член парламента!» Не могли поверить, что это так, хоть доставай все справки и аттестаты, хоть сам становись к мартену, да жаль, нет у них мартенов!

Вернулся из заграничной командировки Перебейнос, сменил пиджак с депутатским значком на суконную толстую блузу и стал к печи, выдает очередную скоростную плавку.

И вот последняя страница паспорта. Может быть, на ней сделают запись о том, что три человека — мастер Бычков, сталевар Перебейнос, обер-мастер Олейник — первыми сказали о трудовом паспорте свое рабочее слово.

Дорогой Ленина

Новая история человечества началась с момента создания партии нового типа, партии коммунистов. Конец XIX века этим и был примечателен. В старом русском городе Симбирске родился Владимир Ильич Ленин, человек, вобравший в себя всю предысторию, все лучшее, что было накоплено человечеством, его передовыми деятелями в борьбе за социальную справедливость, в борьбе за создание общества без эксплуататоров и эксплуатируемых. Ленин был создателем и организатором Коммунистической партии, Ленин собирал и сплачивал ее ряды, Ленин привел к великой победе в Октябрьской революции русский рабочий класс во главе с его авангардом — Коммунистической партией.

Рядом с Лениным, воспитанная им, выросла блестящая плеяда большевиков-ленинцев, тех, кто, учась у Ленина, следуя его учению, ковал победы рабочих и крестьян России, разбивая в прах всех врагов, как внутренних, так и внешних, все пророчества и предсказания о гибели первого в мире социалистического государства. Этих героев — гражданской войны и мирного строительства — мы привыкли называть деятелями ленинского типа, ленинской гвардией.

Сейчас, оглядываясь на путь, который прошел советский народ, наша партия, социалистическое государство, мы видим: вслед за нами на путь новой жизни встали миллионы людей. Социалистическая система окрепла и продолжает крепнуть в наши дни, следуя заветам Ленина. Большой и трудный путь прошла наша Коммунистическая партия. Несмотря на попытки внешних и внутренних врагов расколоть ее единство, ослабить мощь нашей страны, она выстояла во всех испытаниях и сейчас, как никогда, крепка, монолитна и едина. Во главе нашей партии и государства стоит ленинский Центральный Комитет, возглавляемый ленинцем — Никитой Сергеевичем Хрущевым. Эта партия на своем XXII съезде приняла великую программу строительства коммунистического общества.

Биография революционера, коммуниста, большевика всегда связана с людьми, с теми, кого он ведет, у кого учится сам, кого привык слушать, чьими советами пользоваться, собирая все это, как собираются реки и моря в океаны.

В довоенные годы имя Никиты Сергеевича Хрущева особенно хорошо знали трудящиеся Москвы и Украины. Уже тогда они видели в нем человека, который привык делить с ними и радости и горе, успехи и неудачи, не зазнаваться при победах и не терять духа при неудачах. Мы знаем, какие это были годы, какие трудности сопутствовали строительству социализма в нашей стране. Когда-нибудь историки подробно расскажут и с благодарностью вспомнят имя Никиты Сергеевича, который и в тяжелые времена нарушения революционной законности, во времена культа Сталина, и в Москве и на Украине делал все для того, чтобы сохранить жизнь и честь многих и многих тысяч людей. Для этого нужны были верность ленинским принципам, большая личная смелость, преданность делу рабочего класса, понимание исторической перспективы. Когда наступила Великая Отечественная война, в ряду тех, кто с первых дней оказался на фронте, в качестве члена Военного Совета на самых ударных участках фронта, был Никита Сергеевич Хрущев. В дни тяжелейших испытаний нашей Родины на берегах Волги он был рядом с легендарными командирами и солдатами, с теми, кто создал перелом в ходе Великой Отечественной войны и погнал фашистские орды от Волги к Днепру, от Днепра к Берлину.

Осенью 1961 года на борту парохода «Добрыня Никитич» мне довелось видеть, как задумчивым взглядом смотрел Никита Сергеевич на один из крутых берегов, а потом сказал:

— Вот здесь была переправа. Отсюда пошла победа...

Это были дни пуска Волжской ГЭС имени XXII съезда КПСС. Тогда Никита Сергеевич перерезал красную ленточку новой могучей электростанции.

Нужны были прозорливость и понимание необходимости резкой перемены всего курса нашей жизни, сложившегося в годы культа личности Сталина. Окостеневшие формы, рутина, отсутствие творческой инициативы, робость некоторых партийных и советских работников, привыкших к духу мертвой схемы, к бумажным обязательствам и резолюциям,— вот что надо было ломать. Иначе страна не могла двигаться дальше, иначе все высокие слова повисали в воздухе, теряли свой смысл, становились пустым звуком. Но уже и после смерти Сталина это было не так просто сделать, ибо еще остались те, кто привык к такой деятельности, кто не хотел расставаться с рутиной и кто нес вместе со Сталиным ответственность за все беззакония, творившиеся руками кровавого Берия и его подручных. Антипартийная группа Молотова, Кагановича, Маленкова пыталась сохранить порядки, существовавшие при жизни Сталина, умалчивать о вопиющих фактах нарушения революционной законности, о гибели многих замечательных, преданных делу Ленина коммунистов.

Но сила жизни, сила нового восторжествовала. Коммунистическая партия, ее кадры, верные ленинским принципам, победили. Да и не могли не победить! Партия видела и чувствовала необходимость великих перемен, которые должны были совершиться для того, чтобы наша промышленность, сельское хозяйство, наша наука, литература и искусство вышли на новую дорогу, дорогу высокой творческой инициативы, для нового поступательного движения в строительстве коммунистического общества, сохранения мира во всем мире. Сама жизнь отбросила тех, кто пытался задержать движение истории. Восторжествовали ленинские нормы партийной жизни, и наша страна вышла на широкую дорогу. Открылись новые источники народной инициативы, люди почувствовали себя освобожденными от пут. Началась эпоха творчества, раскрытия народных талантов во всех отраслях нашей жизни. Это был великий подвиг нашей партии, ее ленинского Центрального Комитета, возглавляемого Никитой Сергеевичем Хрущевым.

На глазах удивленного человечества наша страна продемонстрировала великолепные достижения в науке и технике. Мы первыми запустили спутники Земли; сын русского народа Юрий Гагарин первым совершил исторический полет в космосе вокруг Земли, полеты героев нашего народа Германа Титова, Андрияна Николаева, Павла Поповича, Валерия Быковского, первой женщины-космонавта Валентины Николаевой-Терешковой еще и еще раз показали, что такое человек, воспитанный Коммунистической партией.

Коммунистическая партия раскрыла перед всем человечеством увлекательную картину строительства нового общества.

Советские люди в эти годы своими руками на Енисее и Ангаре, на Волге и на Днепре, на необъятных широтах нашей многонациональной Родины строят все новые и новые гиганты промышленности, трудятся над созданием новых эффективных машин и станков, неустанно работают в институтах и научно-исследовательских лабораториях.

Некоторые зарубежные досужие деятели и журналисты пытались, да и сейчас еще пытаются зубоскалить по поводу нашего сельского хозяйства. Мы и сами знаем, какие трудности мы испытываем в настоящее время, не закрываем глаза на явления, которые мешали и в эти годы вывести нашу деревню на тот уровень, который должен быть в обществе нашего типа. Мы знаем, что к 1953 году наше сельское хозяйство пришло в упадок. Те, кто бывал в селах и деревнях в то время, видели заросшие осотом поля, заколоченные дома. Люди уходили из деревни в город, бежали от земли.

Понадобились большие усилия Коммунистической партии, всего нашего народа для того, чтобы всерьез, с точным расчетом мог быть поставлен вопрос о подъеме сельского хозяйства, о его интенсификации. И какие бы трудности мы еще ни испытывали, мы видим, как преобразилась наша деревня, как изменился ее облик, сколько замечательных людей, воспитанных Коммунистической партией, выросло на широких просторах Российской Федерации, Украины, Белоруссии, Узбекистана, в прибалтийских республиках, во всех республиках и краях нашей страны.

Да, это действительно радующие сердце перспективы. Но это не только перспективы, это уже и реальная действительность. Такие люди, как Заглада, Кавун, Первицкий, Светличный, Турсуной Ахунова, Орловский, сотни и тысячи других,— это настоящие маяки нашего времени, академики, как назвал их Никита Сергеевич на Пленуме Центрального Комитета партии, люди, которые работают в деревне не по старинке, а по-новому, так, как учит их Центральный Комитет партии.

Советские люди должны жить лучше, должны жить в хороших условиях.

В последние годы мы видим, как на наших глазах вырастают новые и новые дома, магазины, школы, больницы, интернаты, санатории, дома отдыха... Мы видим, как много внимания Центральный Комитет партии уделяет заботам о благе народа: для человека, все для человека!

В промышленности, в сельском хозяйстве, в науке воспитываются новые люди, воспитываются на основах советского гуманизма; люди широкие, образованные, отлично знающие и свое дело и интересующиеся всем, что происходит в мире, в нашей стране, за ее далекими рубежами. Каждый из них — это не только специалист, знаток своей профессии, это и политик,— он отвечает за все, что происходит в нашем обществе.

Воспитание нового человека — человека, который является другом, товарищем, человека, который не боится трудностей, человека технически, профессионально образованного, широко мыслящего — стало делом нашей Коммунистической партии.

Высокая принципиальность, непримиримость к идейным шатаниям, забота о развитии литературы и искусства, о подъеме ее идейно-художественного уровня стали повседневной заботой нашей партии. Задушевные беседы, во время которых встречаются, что называется, за одним столом руководители нашей партии, писатели, художники, композиторы, театральные и кинематографические деятели; встречи, когда горячо обсуждаются проблемы современной литературы и искусства, не могут быть забыты. Партия неустанно заботится о литературе и искусстве. В область предания ушли администрирование, оглобельная критика, подзатыльники, которыми награждались во времена культа личности писатели, художники, замечательные наши музыканты. Свобода творчества, творчества, которое отдано народу, которое дорого народу! Эти встречи не меценатство, это направляющие советы, отеческий разговор с творческой молодежью, которая иногда еще не понимает, как она ответственна перед своими читателями, слушателями, насколько велико воздействие литературы и искусства на миллионы душ и сердец тех, кому сегодня и завтра строить коммунистическое общество.

Слушая Никиту Сергеевича во время встреч с деятелями литературы и искусства, мы благодарны за то, что он удивительно чутко понимает природу художественного творчества, по-ленински принципиально относится к людям творческим, направляя их работу так, чтобы они были всегда связаны с народом и жизнью. Мы знаем любовь Никиты Сергеевича к замечательным русским писателям: Некрасову, Никитину,— его любовь и знание могучей поэзии Тараса Шевченко и многих других писателей, писателей истинно народных, черпавших вдохновение для своего творчества из жизни народа. Поэтому так закономерно было посещение Никитой Сергеевичем величайшего писателя нашего времени, создателя таких книг, как «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Они сражались за Родину», «Судьба человека», Михаила Александровича Шолохова. Именно там, на берегу тихого Дона, на станичной площади, перед жителями старой казачьей станицы Вешенской, сказал Никита Сергеевич:

«Наш народ, наша партия высоко ценят, что в это замечательное время великих свершений Михаил Александрович Шолохов достойно представляет советскую литературу, достойно отражает подвиги советского народа, героизм и беззаветную преданность советских людей делу ленинской партии, которая перестраивает жизнь на основе бессмертного учения марксизма-ленинизма.

Шолохов — это выдающийся художник, талантливый и правдивый летописец нашей великой эпохи. Пожелаем ему новых больших творческих успехов».

В литературе и искусстве мы видим сейчас настоящее творческое соревнование, в котором участвуют старые и молодые писатели, деятели искусств, каждый по-своему, со своим стилем, но главное, на одной общей основе — любви к своему народу, преданности делу партии, делу Ленина.

Те, кому приходилось бывать за рубежами нашей Родины, в далеких странах Азии, Африки, в Европе и в Соединенных Штатах, в Австралии, всегда слышали от разных деятелей, коммунистов и беспартийных, от людей делового мира, реально ощущающих действительность, от деятелей науки о добром отношении к Советскому Союзу и к советскому народу. В октябре прошлого года в Австралии после того, как был подписан Московский договор о частичном запрещении испытаний ядерного оружия, я услышал в городе Брисбене слова: «Авторитет Советского Союза сейчас, как никогда, высок. Вы должны быть счастливы, что во главе вашего государства стоит такой выдающийся деятель мира, такой гуманный человек, как Никита Сергеевич Хрущев». Да, это так.

Сейчас, когда накоплен огромный потенциал ядерного вооружения, когда любая малая вспышка может привести к мировой атомной войне, осуществление политики мирного сосуществования является самой высокой и благородной деятельностью на благо всего человечества. Только закоренелые догматики, люди, не ценящие ни свой народ, ни жизнь миллионов людей, могут демагогически обвинять нашу партию, наше правительство в том, что мы якобы идем на сговор с представителями капиталистических кругов. Нет! Высокие, гуманные идеи, желание сохранить земной шар, миллионы людей на всех континентах от гибельной войны — вот основа этой реальной политики нашего Советского правительства, возглавляемого несгибаемым борцом за мир Никитой Сергеевичем Хрущевым.

Советский народ, Коммунистическая партия, наше правительство оказывают постоянную, реальную помощь не на словах, а на деле молодым государствам, которые освободились от колониальной зависимости, которые создают в настоящее время свою независимую экономику. Десятки, сотни предприятий строит наша страна в африканских и азиатских государствах. Она оказывает реальную помощь молодой героической Кубе, первому государству Америки, поднявшему флаг социализма на этом континенте. Мы знаем, как пытались оклеветать нашу страну и нашу позицию клеветники из руководства Китайской компартии во время конфликта в Карибском море; мы знаем, что сказал вождь Кубинской революции Фидель Кастро о нашей стране, о нашей партии, о Никите Сергеевиче после того, как побывал у нас в гостях.

«Одна из отличительных черт его характера, которая сразу же бросается в глаза,— говорил Фидель Кастро, выступая по Кубинскому радио и телевидению,— это его исключительная заботливость во всем, трудоспособность, большая организованность. Другая черта Хрущева, которую я мог заметить,— это исключительно умный человек. Я не художник, не портретист, а поэтому не претендую на то, чтобы нарисовать точный портрет. Я хочу лишь рассказать о некоторых своих впечатлениях.

Меня, например, поразило следующее: Хрущев, которому сейчас 69 лет, обладает исключительной умственной энергией, полной ясностью ума; это не просто большая умственная ясность, умение быстро схватывать любую мысль. Вне всякого сомнения, это один из самых блестящих умов, которые я когда-либо знал. Такое мнение у меня сложилось в результате бесед, дискуссий, которые мы вели много дней.

Другая характерная черта Хрущева — это многолетний опыт революционера-борца, политического работника, в котором прекрасно сочетаются глубокие теоретические знания с большим чувством практического опыта».

Народы Африки и Азии чтят и уважают позицию Советского государства, провозглашенную Никитой Сергеевичем Хрущевым на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций:

«Надо решительно сорвать маску с колонизаторов и обнажить истинное лицо тех, кто принес в порабощенные страны болезни, нищету, голод и смерть. Нельзя позволять колонизаторам и дальше прикрываться лживыми фразами об «оказании помощи» и о «приобщении к цивилизации», о том, что, мол, колониальные народы еще не созрели для самоуправления.

Все это — бред работорговцев и рабовладельцев. Нет, не цивилизацию они хотят привить, они стремятся по-прежнему пользоваться дешевым трудом колониальных народов и дальше эксплуатировать богатства этих стран, наживаться и жиреть за счет ограбления угнетенных народов.

Все народы сами могут управлять своими странами, надо только дать им эту возможность».

Мы знаем, какую реальную, а не бумажную помощь оказала наша страна народу Египта и другим арабским странам, героическому Алжиру в борьбе за независимость и свободу своей родины, какую реальную помощь оказывает наша страна народам борющейся Черной Африки.

Ленинские идеи живут в мире! Претворением этих идей в жизнь заняты коммунистические и рабочие партии всего мира, стоящие на интернациональных позициях, на позициях, которым чужд расизм, нетерпимость одной расы к другой.

И не случайно Москва, Кремль стали притягательными маяками во всем мире. Именно сюда, к нам тянутся сотни, тысячи людей, больших государственных деятелей и тех рядовых людей, которые хотят своими глазами увидеть, что называется, руками пощупать: что же это такое за русское чудо, коммунистическое чудо, рождающееся на широких просторах Советского Союза!

А. СОФРОНОВ

На цветных вкладках снимки В. ЛЕБЕДЕВА.

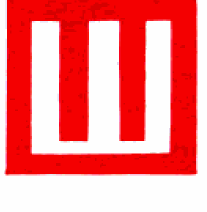

— Дело, которому я служу, великое дело коммунизма, является самым лучшим и благородным делом!

Из выступления Н. С. Хрущева во время пребывания в США в сентябре 1959 года.

Тепло встретила родная Москва бесстрашных героев-космонавтов П. Р. Поповича и А. Г. Николаева.

Сердечно беседует Н. С. Хрущев со своими землячками — колхозницами Курской области.

 Шахтерская арифметика

Мой школьный товарищ кадровый горняк Сергей Михеев как-то заявил начальнику шахты: «Так дальше работать нельзя!» А ведь Сергей Владимирович — передовик, на виду у начальства, да здоровьем и силой бог не обидел. В чем же дело?

Как подчас еще работают шахтеры? Свет лампы-надзорки упирается в толщу пыли, как в гранитную стену. Чтобы пролезть по лаве, приходится скользить на спине по узкой, круто падающей расщелине. И не два-три метра, а целых сто двадцать! Ноги и руки машинально нащупывают поперечные сосновые стойки, удерживающие кровлю от обвала, а в голове негаснущим огоньком мысль: «Так дальше нельзя! Нужно орошение забоя!» А тяжелый шахтерский труд? (Отбойный молоток работает 700 ударов в минуту.) А низкая производительность? Вот эти-то три проблемы и заставили Сергея Михеева ворваться однажды в кабинет начальника шахты и в присутствии приехавшего из Никитовки секретаря райкома (при посторонних-то!) потребовать:

— Дайте мне на участок комбайн!

Начальник шахты был поражен этой бестактностью. Неужто не знает Михеев, сколько дипломатических усилий потребовалось, чтобы убедить и райком, и горком, и трест не присылать пока на шахту испытательный образец комбайна? Неужто не понимает, в конце концов, что сей агрегат для крутопадающих пластов пока еще кот в мешке?..

— Ты что, Сергей Владимирович?

— Дайте мне комбайн!

— Так добычь же сорвешь! — не выдержал начальник шахты.— Кто же против комбайна? Вот подтянем другие участки, тогда и...

— Дайте мне этот «К-32»!

— От же ж хлопець упрямый! Ну шо вы ему скажете! — искательно посмотрел начальник на секретаря райкома.

Тот не отвел взгляд. Пришлось согласиться:

— Ну, добре, возьми, поиграйся... Только добычь — гляди!

А добычи комбайн не дал. Горючий камень упорствовал, пылюга застилала взор (орошение забоя на комбайне «К-32» предусмотрено не было), сталь машины никак не могла угрызть пласт: то отходила от груди забоя, словно испугавшись, то прижималась к нему, будто надеялась разжалобить. А сердца людей? Разные они. Начальник шахты просто-напросто сильно рассерчал. Сергей Владимирович ходил тоже нахохленный, резковатый, молча и как-то непривычно охотно подписывал заявления шахтеров о переводе на другие участки. Но от комбайна не отказывался. Упрямо повторял: «Так дальше работать нельзя».

...Молотки скользили почти вхолостую по твердейшей «Аршинке». Даже врубовая машина, которую вскоре притащил к себе на участок Михеев, не решила проблемы: брала только нижнюю пачку угля, а верхнюю надо было отбивать вручную. Какая же тут производительность? Правда, кое-что придумали для орошения забоя: протянули в лаву шланг, насадили форсунки — и, глядишь, посвободнее стало дышать. И все же пришлось обе лавы «Аршинки» закрыть, вернее, перевести в запасные, как сказал Михеев. А это не одно и то же?

Ноябрь 1960 года. Только прослышал Сергей Владимирович о выпуске первого образца комбайна «УКР-1», как тут же потребовал его на свои запасные лавы.

Не сразу эти лавы стали действующими.

...Могучий комбайн удерживается на канате и, врезаясь в почти отвесный пласт с массивными вкраплениями горной породы, вдруг отходит от него. Что делать?

Принюхиваясь (это — слово Михеева) к машине, бригадир однажды сказал:

— Несподручно работать в забое нашему стальному хлопцу, ишь, как дергается!.. Прилечь бы ему на что-нибудь для упора... Недаром же стих есть о шахтере: «Я работаю, как вельможа, я работаю только лежа»!

Никогда горняки не видели ничего подобного. Комбайн, лежа на боку, крушил пласт, як скаженный.

Были и скептики, утверждавшие, что такой сверхнормативный наклон лавы небезопасен, так как с верхней ее части бутовая порода будет падать на головы работающих. Но Михеев только усмехался. Верная догадка повлекла за собой целый комплекс идей: на участке провели измерения, сделали расчеты. На пути летящих вниз глыб встали кряжистые деревянные костры, сплошной милицейской цепью выстроилась сосновая «органка» — не проскочат! И дело пошло.

Так появилось у Михеева одно из удостоверений на рационализаторское предложение.

Однако «принюхивание» к комбайну на этом не кончилось. Рукав воздухопровода присоединялся сверху, и надо было ставить на вентиляционном штреке двух человек для подтягивания рукава по мере движения комбайна вверх.

И Михеев придумал:

— А что, если протянуть воздухопровод снизу комбайна? Тогда комбайн будет тянуть рукав вверх за собой... Вместо восьми человек в лаве останется шесть!

Снова началась поразительная своей простотой и экономичностью шахтерская арифметика. Вот она. Среднесуточная добыча «Аршинки» при работе на отбойных молотках была 146 тонн угля, теперь комбайн выдавал на-гора́ 300 тонн! Вместо 18—19 забойщиков в смену стало работать всего 6 механизаторов. Производительность каждого горняка повысилась с 2 тонн до 8 и более. А в смене, когда работал машинист комбайна Михаил Покора, и по 12 тонн не стало пределом. Заработки выросли со 140 до 350 рублей. Королевские заработки? А что ж! По труду.

Так появилось у Михеева еще одно удостоверение на рационализаторское предложение.

Управляющий трестом «Горловскуголь» Л. Д. Слипченко поручил тогда С. В. Михееву механизировать и вторую, запасную лаву. И уже в феврале 1961 года «аршинцы» вступили в соревнование с прославленными горняками Н. Я. Мамая, а в марте весь Донбасс читал их открытое письмо, призывающее дать зеленую улицу комбайнам и перейти на трехсменный режим работы на всех шахтах.

Быстро выгрызли неподатливый уголь «Аршинки» механизаторы Михеева. Дошла очередь и до пресловутого «Соленого» с чрезвычайно трудной для работы, прямо-таки карликовой мощностью пласта — менее полуметра. Попробуй развернись в этакой щели!.. И все же в ноябре 1962 года в ней во всю свою богатырскую ширь развернулись механизаторы Михеева, машинисты нового, кстати, первого в стране комбайна «Комсомолец», Алексей Бочкарев, Леонид Шурмин, Николай Шапорев.

Промышленные испытания комбайна были блестяще завершены в течение трех месяцев. И «Соленый», выдававший временами подвижникам-молотковцам нищенскую «соленую» порцию в 40 тонн за сутки, расщедрился: ежесуточно с него брали по 286 тонн.

А что с пылью? В решении и этой проблемы, столь досаждавшей Михееву (если б только ему!), также наметилось заметное продвижение.

Михаил Покора, заслуженный механизатор-«аршинец», недавно сказал мне:

— Та яка теперь пыль! На комбайне ж такие форсунки, шо я тебе дам. Раньше ж было — спасу нема, только респиратор и выручал, а теперь вода бьет вовсю, мокрый уголь кусками летит вниз.

А о комбайне Михаил Покора говорит:

— То это ж разве старая забойщицька работа? На нем рубать уголь — все равно шо играть...

Нет, это «играть» по-прежнему не имеет никакого отношения к детским игрушкам. «Играть» на комбайне — значит мастерски исполнять современную шахтерскую симфонию труда по древнейшей партитуре угольных лав. И среди тех, кто особо отличился, утверждая именно такой труд, горловчане Сергей Михеев, Павел Гуржий, Алексей Бочкарев, выдвинутые в группе соавторов на соискание Ленинской премии за создание и внедрение комбайнов для механизации выемки угля на крутых пластах Донбасса.

Вячеслав КОСТЫРЯ

Горловка.
Шахта «Комсомолец».

Анатолий ЩЕРБАКОВ

Письмо матери космонавта

Скажите нам — механикам, наладчикам,—
А то покоя совесть не дает,
Вы почему украдкой, мама, плачете,
Когда ваш сын садится в звездолет?

Вы спите, мама, без тревог подспудных,
Держа давнишний снимок у щеки!
Вы верьте нам!
Отлаживая спутник,
Мы скрупулезней, чем часовщики.

Мы каждый блок, как сердце, проверяем,
По сотне раз на стапеле руля,
Как будто мы самих себя вверяем
Огнеупорным мышцам корабля.

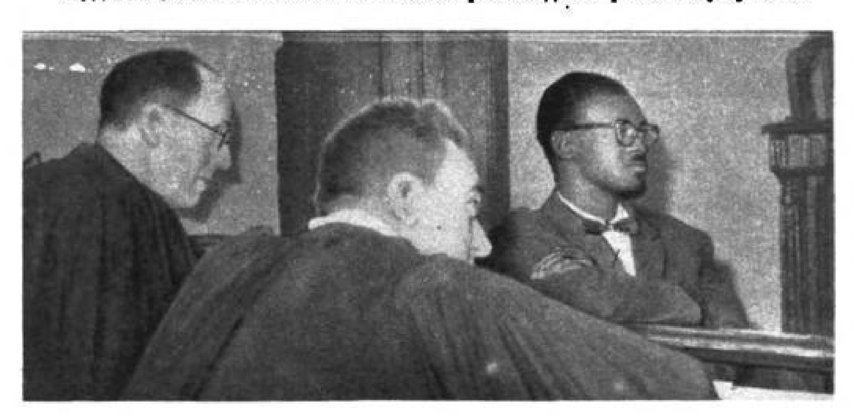

Семья Патриса Лумумбы в Каире. Слева направо: Ролэнд, Франсуа, Полин, Юлиана и Патрис.

Фото автора.

КЛЯТ ГЕРОЮ АФ

Судилище бельгийских колонизаторов над Патрисом Лумумбой.

Более трех лет назад перестало биться пламенное сердце героя Африки Патриса Лумумбы. Никогда не изгладятся из памяти африканцев те тревожные январские дни 1961 года, когда весь мир был потрясен чудовищной расправой империалистических наемников над премьер-министром молодой Конголезской республики.

Опанга Полин Лумумба — живой свидетель страшной трагедии, жертвой которой стал ее муж.

Полин еще не исполнилось 28 лет. В ее памяти хорошо сохранились детские годы, проведенные вместе с Патрисом Лумумбой в небольшой деревушке недалеко от реки Кассаи. Они учились в одной школе. Только Патрис окончил ее раньше и пешком отправился в Лулуабург, где стал учиться дальше. Она никогда не забудет тот яркий, солнечный день, когда Патрис пришел к ее родителям и попросил руки Полин.

— Я всегда,— рассказывает Полин,— стремилась быть вместе с Патрисом. Но это мне редко удавалось. Патриса беспокоила судьба не только своей семьи, но и всего конголезского народа. Он начал бороться за свободу и равенство всех людей, за изгнание иностран-

---

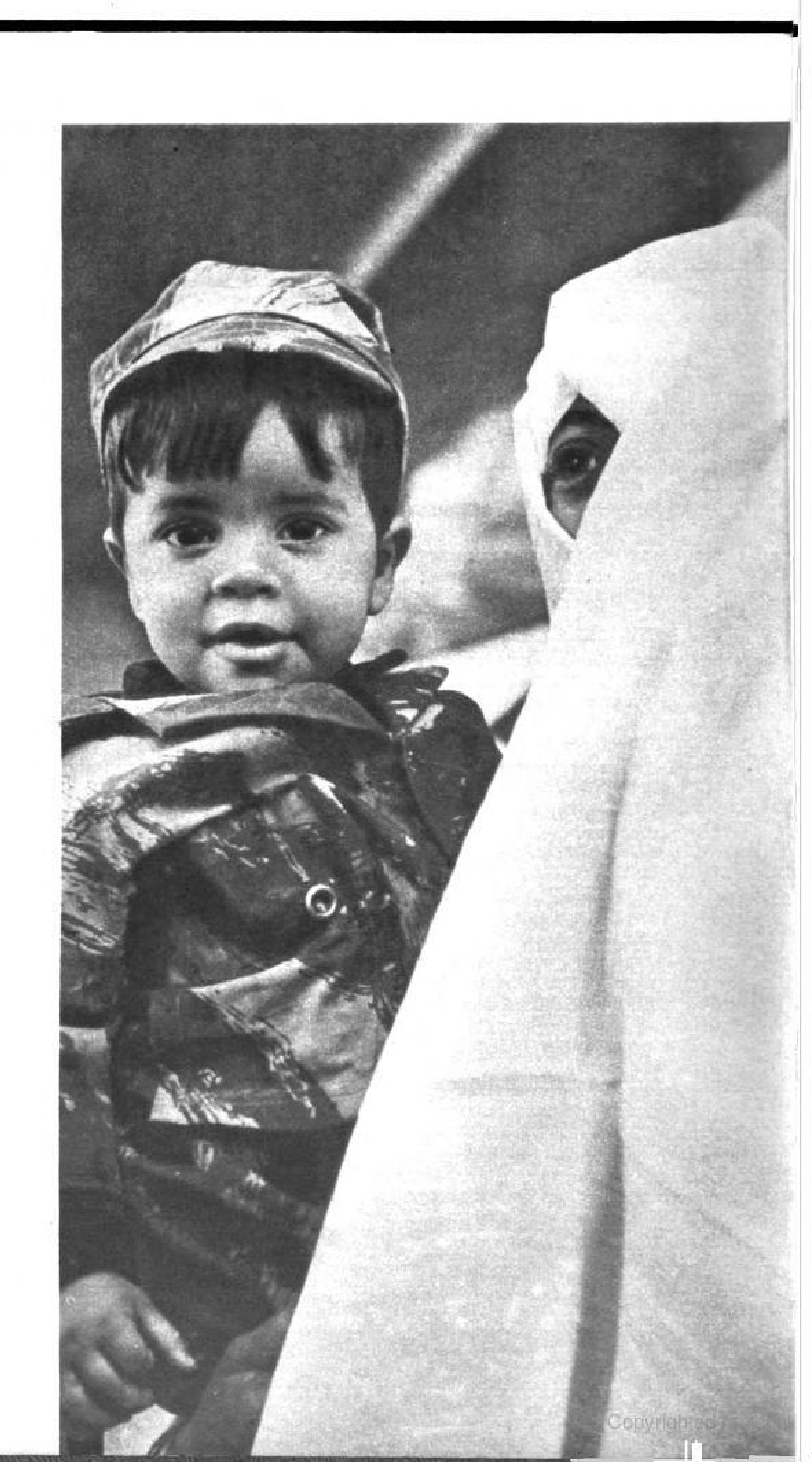
Президент Бен Белла.

Недавно Алжир отметил «Национальный день самоуправления». Год назад в этот день президент Бен Белла подписал декреты, которые закрепили передачу в руки трудящихся предприятий и земель, принадлежавших тем, кто бежал из страны. В результате значительно расширился и окреп самоуправляющийся сектор в алжирской экономике.

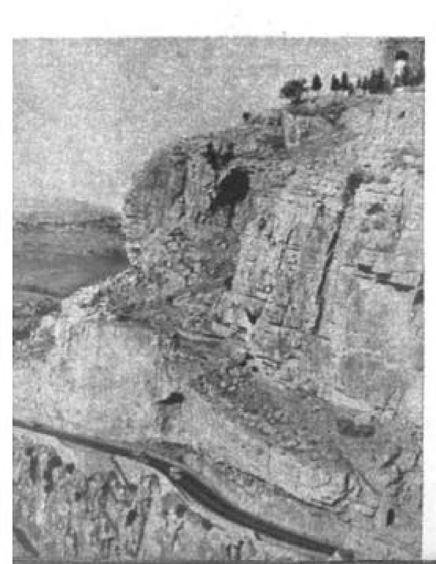
УЛЫБКА ОСВОБОЖДЕННОГО АЛЖИРА

В. ПАРХИТЬКО

Фото автора.

Этот мальчишка в костюме муджахида — бойца Фронта Национального освобождения — ровесник независимости Алжира. Его мать по традиции еще закрывает лицо. Это старая традиция. Правительство Бен Беллы много делает для того, чтобы женщины Алжира активно участвовали в жизни страны.

Стало спокойно в горах, где совсем недавно шли бои, рвались снаряды, горели леса, плавились даже камни — французские колонизаторы применяли против алжирского народа напалмовые бомбы. В результате жестокой и бесчеловечной войны в стране нет ни одной семьи, в которой не было бы погибшего.

В А
РИКИ

ных колонизаторов из Конго. В нашем доме появилось много друзей. Народ полюбил Лумумбу. Однако это не понравилось бельгийским и английским миссионерам. В 1959 году они организовали судилище над Лумумбой и запрятали его в тюрьму. Но было уже поздно. Народ выступил в его защиту, и тюремщикам ничего не оставалось, как снять оковы с рук Лумумбы. Вскоре Патрис Лумумба стал первым премьер-министром конголезского правительства.

Бурно и стремительно развивались события летом 1960 года. В то время, когда народ с песнями и танцами еще праздновал провозглашение независимости, колонизаторы, боявшиеся потерять источники доходов, уже начали плести заговор против республики.

— Я никогда не забуду тот день,— продолжает Полин,— когда в саду, прямо перед окнами нашего дома, появились голубые каски солдат ООН. Через несколько дней за забором сада уже маршировали вооруженные автоматами мобутовские часовые. Мы оказались под двойной охраной. Патрис сказал мне: «Полин, детей нужно отправить в Каир». Только тогда я поняла всю опасность, которая нависла над нами. Прошло еще несколько дней. За детьми приехала машина. Помню, как Патрис говорил еще мало понимавшим тогда детям: «Я хочу, чтобы вы выучились и вернулись на родину. Когда вы вырастете, вы узнаете, кем был ваш отец, зачем он жил и что сделал для конголезского народа». Помолчав, он добавил: «Кто знает, может быть, мы больше никогда не увидимся». Это были последние слова, которые слышали от своего отца Франсуа, Патрис и Юлиана.

В темную грозовую ночь 27 ноября 1960 года, подговорив стражу, дежурившую круглосуточно у ворот правительственной резиденции, Патрис Лумумба с Полин и двухлетним Ролэндом покинули Леопольдвиль и направились в Стэнливиль, где народ решительно выступал в поддержку законного правительства. Под проливным тропическим дождем они добрались до переправы через реку Кассаи в городе Порт-Франки. Яркие фары военного грузовика неожиданно преградили путь к парому. К машине подошли двенадцать мобутовских солдат. Они вытащили Лумумбу из машины, связали ему руки и начали избивать. На следующий день приземлился небольшой гражданский самолет бельгийской авиационной компании «Сабена». Избитого до полусмерти Лумумбу грубо втолкнули в кабину. Это было 2 декабря.

— Больше я не видела Патриса,— говорит Полин,— империалисты навсегда его отняли у меня, у наших детей, у всего конголезского народа.

Нет Патриса Лумумбы. Однако вспыхнувшее еще ярче от его подвига пламя освободительной борьбы продолжает пылать в сердцах конголезцев. Имя Лумумбы близко и дорого не только его соотечественникам. Его повторяют сегодня народы всего африканского континента, вставшие на решительную борьбу с позорными остатками колониализма. С новой силой оно прозвучало недавно в Алжире на шестой сессии Совета Организации солидарности народов Азии и Африки.

— Кем ты хочешь быть? — обратился я в Каире к старшему сыну Лумумбы, Франсуа.

— Я хочу быть политическим деятелем. Я знаю, за что погиб мой отец. Хочу, как и он, отдать свою жизнь за счастье конголезского народа, за счастье Африки.

Г. СУХАЧЕВ,
корреспондент АПН в Каире

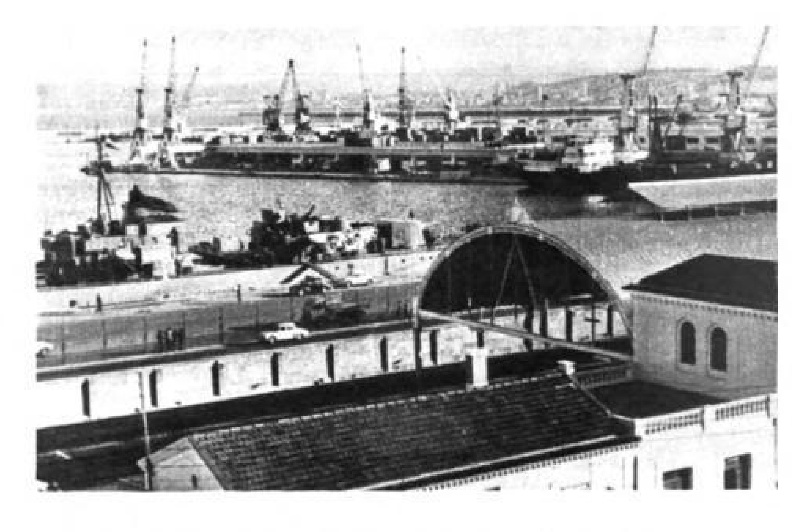
1959 год. Патрис Лумумба выходит из тюремной машины.

Многое в Алжире напоминает о прошлом. Этот католический храм в Оране в годы войны был превращен французами в тюрьму, где пытали патриотов.

Народ всем сердцем за революцию. Торговец в своей скромной уличной лавчонке вывесил плакат, призывающий поддерживать правительство президента Бен Беллы.

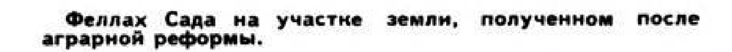

Порт Алжира — крупнейший в стране. Молодое государство успешно расширяет торговлю со всеми странами. Недавно было подписано первое в истории Алжира торговое соглашение с Советским Союзом.

Как не радоваться феллахам? Проведена аграрная реформа. Два миллиона 700 тысяч гектаров земли, принадлежавшей колонизаторам, передано в руки алжирских крестьян.

Феллах Сада на участке земли, полученном после аграрной реформы.

«Лермонтов» в Александрии.

Л. НОВИКОВ,
А. ТАРАДАНКИН

Фото авторов.

Здесь находится контора Савватов.

ДИНАСТИЯ САВ

Палуба во время рейса такая чистая, знакомая, как собственная ладонь, в порту становится похожей на строительную площадку. Так всегда бывает, когда идет разгрузка.

Теперь мы стали частичкой Александрийского порта и живем его жизнью. С левого борта к «Лермонтову» подошел неуклюжий плавучий кран и стал выгружать на баржи многотонные ящики с надписями «Сделано в СССР» и адресом «Асуан». В Александрии плавучих кранов всего два, и используют их только у тех судов, грузы которых наиболее важны.

...На палубе распоряжался незнакомый человек. В нем нетрудно было признать своего, русского — светлые волосы, голубые глаза. Он показывал, что и как сгружать в первую очередь.

Когда мы подошли к нему, он коротко отрекомендовался:

— Давыдов, представитель Асуанстроя...

Мы забросали его вопросами.

— Да, дела идут хорошо... Вот только маленький затор получился с камнедробилками. Без них сейчас не обойдешься. Ждали ваш «Лермонтов» с нетерпением. Меня послали в Александрию, чтобы срочно, в первую очередь, отправить камнедробилки... Вот я уже и платформы заказал. До Асуана — более тысячи километров, товарняк пройдет трое суток.

Вы знаете, что в мае должна быть завершена первая очередь работ: перекрытие Нила плотиной. Времени в обрез.

Мы заглянули к капитану. Анатолий Николаевич Каминский беседовал с черноглазым смуглым человеком, тот что-то записывал.

— Заходите, присаживайтесь,— пригласил капитан.— Знакомьтесь: Ахмед Савват, наш шипшандлер, или, попросту говоря, поставщик. Хорошо говорит порусски, так что переводчика не потребуется. И вообще Савваты — очень интересные люди. Советские моряки хорошо знают Савватов, и уже давно. Кстати, как здоровье вашего отца?

— Спасибо, хорошо, просил передать привет вам и вашему батюшке. А еще лучше, если заедете к нам в гости. Отец-то ваш давненько не бывал здесь.

— Он плавает сейчас на теплоходе «Урюпинск»,— ответил Каминский.— По-прежнему кок.

Нам понравился этот человек, он держался достойно, без присущего многим агентам угодничества. Приятным было и его лицо с крупными, но отнюдь не грубыми чертами лица.

— Расскажите о нем,— попросили мы Каминского.

— Савватов знают на всех советских судах, которые бывают в Александрии. Так, что ли?— обратился он к вошедшему в каюту первому помощнику Мерельянину.— Вот Василий Павлович их историю знает куда лучше меня.

— Было дело,— кивнул головой помполит.— Как-то несколько лет назад я долго просидел у них в конторе и, признаюсь, не без увлечения читал сотни добрых отзывов об их семье. Это, знаете ли, своеобразный отчет о многолетней дружбе и добром сотрудничестве между русскими моряками и арабами. Ахмед, которого вы только что видели,— представитель четвертого поколения Савватов, людей, добросовестно помогающих нашим кораблям. Начинал дело его прадед — Мухамед, потом перенял дед — Ахмед, затем отец — Мухамед. А теперь вот он.

...История рождения конторы Савватов начинается в середине девятнадцатого века. Приезжали в ту пору из России в Египет состоятельные туристы, а иногда путешественники. Требовался проводник, и рекомендовали им, как правило, Мухамеда Саввата, его сына Ахмеда Саввата с другом Ахмедом Абузетом, «людей честных и старательных, страну знающих и в языках умелых. Они верблюдов и мулов умеют обеспечить, и провиант достать хорошего качества, и показать достопримечательности страны. Савват и по-русски изъясняется...»

Трудно сказать, кто первым из русских встретился с Савватом, но к 1871 году было у него уже много знакомых из России. Этот год значится у Савватов годом рождения конторы: тогда она впервые начала снабжать русские суда.

Сохранился любопытный документ, который дает некоторое представление о связях первого Саввата с русским флотом. «Я, араб Мухамед Савват, беру на себя смелость рекомендовать себя настоящим заявлением как поставщика для кают-компании и команды судов русского флота. Относительно моей исправности, добросовестности, аккуратности и скорости поставки могут засвидетельствовать мои аттестаты начиная с 1872 года (клипера «Абрек», и шхуны «Ермак», и всех русских судов, бывших в Александрии с означенного по настоящее время). Кроме того, не могу умолчать про то, что во время бомбардировки Александрии английскими судами в 1882 году, когда находились здесь крейсер «Азия», клиперы «Забияка» и «Наместник» и не могли они достать с берега провизию, я и сын мой, будучи принимаемы на этих судах за поставщиков и перевозчиков, с немалой опасностью для себя все доставляли на эти суда в продолжение осадного положения города, что подтверждает газета «Кронштадтский вестник» 11 июля 1882 года. № 80».

Далее идет большой список русских судов, которые обслуживал Савват.

...Три толстые папки — рекомендации, письма, фотографии. Мы сидим в конторе — маленькой комнате, завешанной фотографиями. В нее попадешь прямо с узенькой улочки Эль Ламоун, неподалеку от порта. На дверях бронзовая дощечка с надписью «Мухамед Савват и сын — поставщики провизии и разных материалов для русских судов. Основано в 1871 году».

Сейчас дела ведет наш знакомый — Ахмед Савват. Мы пьем прохладный манговый сок, и он неторопливо рассказывает о своих предках. А они тут красуются на видном месте — два овальных портрета в общей застекленной рамке. Справа — прадед Ахмеда, Мухамед Савват, в тюрбане, с лихо закрученными кверху кончиками усов, слева — дед Ахмед, с такими же усами и горделивым взглядом.

— Дед не только снабжал суда провиантом, но и продолжал помогать русским путешественникам, приезжающим в Египет,— объясняет нам хозяин.— Сохранилась фирменная карточка. Взгляните...

Читаем: «Ахмед Савват, переводчик и проводник по всему Египту и Палестине». Интересны и письма того времени, присланные русскими друзьями деду Ахмеду. Доктор Евгений Михайлович Бесметов, приезжавший в Египет помогать бороться с эпидемией какой-то болезни, благодарит друга-араба за все доброе, что тот для него сделал. А вот письмо из Коломбо от сотрудника русской торговой компании Фирсова. Письмо относится уже к началу двадцатого столетия. Между строк можно почувствовать беспокойство оторванного от родины русского человека, болеющего за судьбу своей страны. Он говорит о том, «что в России появились новые люди, за которыми, может быть, и будущее государства». И видно, что Фирсов очень доверяет своему знакомому из Александрии, что отношения у них самые дружеские. Два письма от путешественников Степана Кистова и Александра Каялова из Ростова-на-Дону. И снова выражение благодарности. Аттестаты экипажей русских судов, и среди них от моряков эскадренного броненосца «Наварин».

— Третьим продолжателем дела стал мой отец Мухамед,— сказал Ахмед.— Он ждет вас наверху. Отец не пропускает случая побеседовать с моряками из Советской России, интересуется всеми новостями, особенно космосом. И вот это повесил в конторе он.— Ахмед указал на фарфоровое блюдо с портретом улыбающегося Гагарина.— Этот сувенир подарил ему кто-то из старых советских капитанов, давних знакомых. Кстати, ведь отец бывал в России, давно, правда. Дедушка мой послал его в Одессу изучать русский язык, бухгалтерское дело. Но об этом отец сам вам лучше расскажет. Есть тут письмо одно, как раз той поры — четырнадцатого года.

Ахмед порылся в папке и достал пожелтевший листок. Присяжный поверенный А. Бугаевский писал из Одессы в Александрию:

«Милостивый государь!

Сообщаю Вам, что Ваш сын оказался мальчиком послушным, способным, он знает много русских слов, пишет даже на машинке цифры. Первый день он несколько скучал, а потом освоился и теперь очень весел.

В пище он очень капризен и разборчив. Напишите ему, чтобы он ел все, что ему дают, так как пища очень здоровая, а он мало ест.

Мы несколько раз заметили, что он курит папиросы, что может отразиться на его здоровье, так как нужно принимать во внимание, что все-таки климат другой, поэтому напишите ему, пожалуйста, чтобы он непременно

Три поколения Савватов.

ВАТОВ

бросил курить. Курит он, прячась от нас. Когда ему жена моя сказала, что она Вам напишет, что он курит, он стал уверять, что это неверно, а потом я его поймал. В общем же он мальчик хороший.

С совершенным почтением

А. Бугаевский».

Сейчас Мухамеду Саввату шестьдесят пять. Годы и здоровье не позволяют ему бывать на судах, и он просит сына приглашать к себе моряков. Заходят к нему старые капитаны, с которыми он познакомился еще задолго до второй мировой войны. И тогда разговорам нет конца: старик вспоминает Одессу, школу на Троицкой улице и Ярославскую улицу, по которой ходил в гости к девочке Катюше. Он мечтал выучиться и тогда сделать Катюше предложение. Но началась первая мировая война, и Мухамед уехал в Александрию.

Потом в России произошла революция. Суда оттуда приходили редко. А в двадцатом году появились в Александрии эмигранты, проклинали большевиков. Кричали, что еще вернутся, но постепенно утихомирились. Кое-кто из бывших царских офицеров, промотав вывезенные из России драгоценности, стал служить в полиции. Все это происходило на глазах Мухамеда. Контора в те годы едва не прогорела, не стало у Савватов постоянных заказчиков, однако они верили, что наступит время и придут в Египет корабли из новой России. И что это, наверно, очень правильно, если народ взял власть в свои руки.

— Я хорошо помню день, когда в порт прибыло первое судно из Советской России,— вспоминает Мухамед.— Отец прибежал домой радостный и сообщил нам, что на рейде пароход из Ленинграда. Я навсегда запомнил его название — «Красный Профинтерн». Это было в январе 1924 года.

Служил в то время в полиции некий Николай Николаевич, по фамилии Кравченко—эмигрант, в прошлом офицер. И получилась у нас тогда с ним крепкая стычка,— вспоминал Мухамед.— Этот Кравченко и еще несколько эмигрантов решили сделать так, чтобы советским кораблям в Александрии ничем не помогали. Ни воды не давали, ни провизии. Пожаловал и к нам в контору: дескать, только попробуйте обслужить красное судно — несдобровать.

Однако отец не послушался, и поехали мы на «Красный Профинтерн». Хотел того Кравченко или нет, а с Советской страной стали уже считаться повсюду. Власти поставили пароход к причалу. И результатом был вот этот аттестат, выданный отцу.— Мухамед протянул нам листок бумаги, вырванный из тетрадки.

«Аттестат дан сей Ахмеду Саввату в том, что во время стоянки в порту Александрия п/х Государственного Балтийского пароходства «Красный Профинтерн» с 19/I по 2/II — 1924 года он, Ахмед Савват, поставил на пароход провизию для всего экипажа, все заказы выполнил аккуратно и честно, продукты давал дешево и хорошего качества, что позволяет нам рекомендовать его как добросовестного и честного человека и вполне лояльного к Советской власти».

— Так продолжали мы сотрудничать с Россией, но теперь уже с Советской Россией,— сказал старик.

Стало приплывать в Александрию все больше советских пароходов, и наша связь с ними крепчала. Приходили «Эльбрус», «Батум», «Теодор Нетте» и «Карл Либкнехт», «Леонид Красин». Да разве все упомнишь,— десятки были кораблей, тысячи встреч.

...Вечер. Ахмед провожает нас в порт. Это недалеко, и мы идем пешком. По дороге разговор заходит об ожидающейся национализации шипшандлерских контор и создании единой государственной фирмы по снабжению иностранных судов.

— Что ж, это дело хорошее,— говорит Ахмед.— Будет одна крупная организация вместо мелких частных контор. А Савваты, как и раньше, будут встречать суда из Советского Союза. Мы станем агентами государственной фирмы. Так что увидимся, если опять попадете в Александрию.

Мы попрощались с Ахмедом. Он спешил на другое советское судно —«Вторая пятилетка». Мы медленно шли и еще долго видели в стороне статную фигуру Саввата; ему приветственно махали рукой грузчики, погонщики мулов. Его хорошо знают тут. Уважают. И как не уважать человека, если у него много друзей, если он встречает корабли из России, привозящие грузы для Асуана.

ПОДВИГ ВЫСОКОГО МУЖЕСТВА

30 лет назад, 13 апреля 1934 года, была завершена героическая работа советских летчиков по спасению челюскинцев.

За два месяца до этого в 155 милях от Чукотского полуострова гигантским сжатием льда был раздавлен пароход «Челюскин». Произошла тяжелая катастрофа. Свистела пурга, ревел ураганный ветер. Вечерние сумерки сгустились над местом, где на дно ушло судно, а 104 человека стояли на льду у полыньи. Многое сумели спасти участники экспедиции: двухмесячный запас продовольствия, спальные мешки, брезентовые палатки, малицы.

На полярную станцию мыса Уэллен полетела радиограмма начальника экспедиции О. Ю. Шмидта, сообщавшая о несчастье. Это сообщение было немедленно передано в Москву заместителю Председателя Совета народных комиссаров В. В. Куйбышеву.

В Чукотском море было создано первое поселение на дрейфующем льду — лагерь Шмидта.

Седой, пасмурной погодой, штормовым ветром и пургой встретила Арктика жителей лагеря. Разбившись на бригады, все, кто мог, вытаскивали «подарки» из застывшей полыньи — бревна, бочки. Вечером под аккомпанемент завывания ветра состоялся летучий митинг. Отто Юльевич прочитал полученную с материка радиограмму: в Москве под председательством В. В. Куйбышева создана Чрезвычайная правительственная комиссия по спасению челюскинцев.

Из собранных бревен был построен барак на 50 человек. Там поселили женщин. Соорудили камбуз (все получали один раз в день горячую пищу), наблюдательную вышку с площадкой для астрономических наблюдений и для того, чтобы можно было следить за прилетом самолета летчика А. В. Ляпидевского, зимовавшего в бухте Провидения.

Каждый день, наскоро позавтракав твердокаменными галетами, промерзшими рыбными консервами и кусочком настоящего сливочного масла, все уходили на строительство аэродрома. За время существования лагеря Шмидта нам пришлось создать восемь аэродромов.

5 марта прилетел самолет «АНТ-4». Очищая заиндевевшие усы, плотный, широкоплечий Ляпидевский передал Шмидту две туши оленьего мяса, запасные аккумуляторы и масло для радиостанции лагеря. Рукопожатия, пожелания счастливого пути, и металлическая птица заскользила по льду, плавно оторвалась от поверхности аэродрома. На самолете улетали женщины и дети. Через час лагерь знал, что самолет уже в Уэллене.

Это была первая ласточка. Но больше в лагерь Ляпидевский не прилетал: в одном из рейсов у самолета вышел из строя мотор. Вынужденная посадка у острова Колючина на торосы — поломаны шасси.

Лагерю угрожали частые сжатия льдов. Разрушило барак — наш единственный деревянный дом, повредило камбуз. А 24 февраля посредине лагеря неожиданно образовалась длинная трещина, превратившаяся в широкую реку. Пришлось спасать склад бревен и радиоантенну. «Ну, чем вам не Венеция?» — шутил Отто Юльевич.

С материка поступали радостные новости: к нам на помощь летят самолеты, плывет ледокол «Красин» и пароход с дирижаблями и аэросанями на борту.

7 апреля самолеты В. С. Молокова, Н. П. Каманина и М. Т. Слепнева благополучно прилетели в Ванкарем и, заправившись горючим, вылетели в лагерь. Опрометью, стараясь обогнать друг друга, бросились к аэродрому: подумать только, сразу три самолета! В воздухе неслось «Ура!».

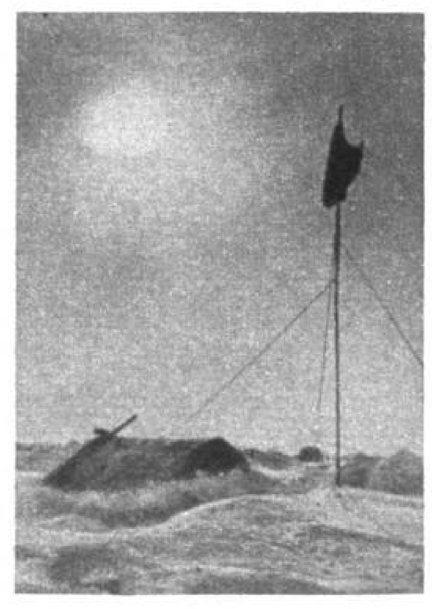
С этого дня начался воздушный штурм лагеря Шмидта. 13 апреля 1934 года героическими усилиями советских летчиков на Большую землю была доставлена последняя группа челюскинцев. Самолеты были старые, не имели на борту радиостанций и приборов, облегчающих полеты в трудных метеорологических условиях. В те времена на арктическом побережье было мало посадочных площадок и авиамастерских, где в случае поломок можно произвести срочный ремонт. Вот при таких обстоятельствах славные летчики бесстрашно летали над Арктикой и сумели спасти 104 человека. Семи пилотам — А. В. Ляпидевскому, В. С. Молокову, С. А. Леваневскому, Н. П. Каманину, М. В. Водопьянову, М. Т. Слепневу, И. В. Доронину — были присвоены первые почетные звания Героев Советского Союза.

Бор. ГРОМОВ

О. Ю. Шмидт.

Фото автора.

Так зимовали челюскинцы.

Фото А. Шафрана.

Борис ЛЬВОВ

Фото Ю. Кривоносова.

Молния в упряжке

→ Так выглядит ГИН — установка, рождающая молнию.

Что такое ГИН? Если вы не электрик, не пытайтесь ответить на этот вопрос. Не догадаетесь даже тогда, когда вам покажут эту двадцатиметровую махину — своеобразный гибрид крепостной башни и вольтова столба, увеличенного, вероятно, в тысячу раз. Это фантастическое сооружение высится в центре испытательного зала за густой вуалью металлической сетки. Откинуть вуаль с лица ГИНа и переступить запретную черту — все равно, что пойти навстречу мгновенной гибели. ГИН — установка, рождающая искусственную молнию. На ней изучаются способы укрощения ее атмосферной сестры.

Георгий Иванович Кореневский, начальник исследовательского отделения Всесоюзного института трансформаторов в Запорожье, открывает сетчатую дверь. На двери устрашающая надпись. Я с некоторым колебанием следую за ним. Кореневский улыбается.

— ГИН пока не включен...

Мы останавливаемся у внушительного цилиндра высотой в добрых два человеческих роста. Видны аккуратные витки провода, тщательно переложенные толстым лоснящимся картоном.

— На этот цилиндр и нацелен ГИН,— говорит Кореневский.— Катушечка получит щелчок в полтора миллиона вольт.

* * *

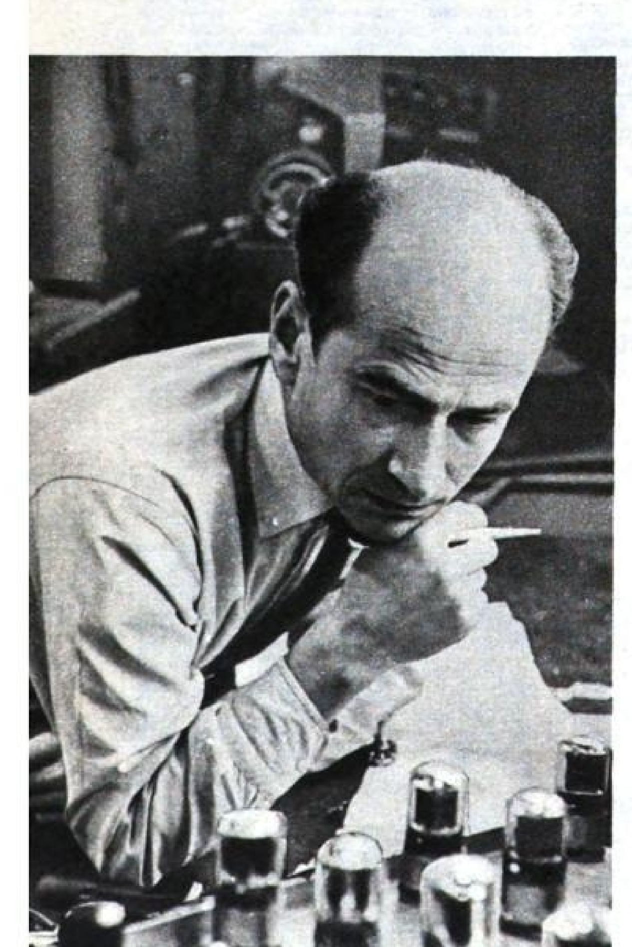
Представьте себе, что в линию электропередачи ударила молния. Это бывает достаточно часто. Напряжение должно возрасти на 30—40 миллионов вольт. Должно! Но не возрастает. Почему? Да потому, что на понизительных подстанциях установлена специальная защитная аппаратура. Она-то и укрощает молнию. Правда, не до конца. Остаточное напряжение сравнительно невелико, в нем «всего» полтора миллиона вольт. Такому напряжению и должен противостоять трансформатор.

— В своей лаборатории мы создаем условия, аналогичные удару молнии,— поясняет Кореневский.— В этом смысл всех наших исканий. Молнию рождает ГИН — генератор импульсных напряжений.

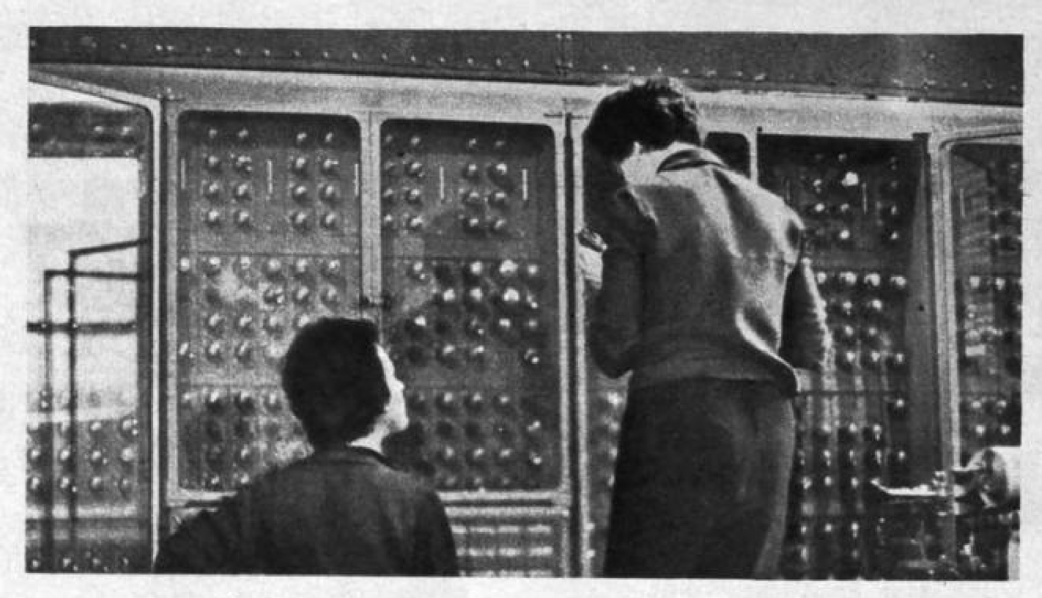
...В огромном испытательном зале тишина. Внизу несколько человек. Они проверяют настройку ГИНа. Большинство испытателей наверху, на легких балконах, повисших под самым потолком. Оттуда картина видна во всей полноте. Словно приготовившись к атаке, вздымается ввысь ГИН, сжатый с боков мощными фарфоровыми колоннами. Червонным заревом полыхают медные шары двухметрового диаметра — вольтметра гиганта.

Засветились суровые предупредительные надписи. Включен рубильник, и где-то в загадочных глубинах генератора обыкновенный промышленный ток напряжением в 380 вольт начинает свой таинственный бег, обретая новые качества, умножая свое напряжение. Засветился экран осциллографа. Вот одну горизонтальную линию пересекла другая, изогнутая словно волна. Она колеблется, то вздымаясь, то опадая. Сейчас начнется!

Ослепительно яркая вспышка молнии

Напряженный поиск — качество, которое роднит ученого и рабочего. Слесарь-электромонтажник Ф. И. Фомин разрабатывает устройства для исследования трансформаторов.

В электронно-вычислительном центре института.

взрывается между медными измерительными шарами. Громовой удар! В воздухе запахло озоном.

— Напряжение — миллион вольт... — констатирует дежурный инженер.

Новая вспышка, новый удар грома — еще выше вольтаж. А модель высоковольтной обмотки трансформатора, ради которой высекаются искусственные молнии, внешне никак не реагирует.

Молния! Удар! Новые записи в журнале испытаний. Кореневский говорит мне:

— Это только предварительная подготовка к испытаниям.

Ничего себе предварительная! Я ослеп от блеска молний, оглох от грохота разрядов, а это — только начало. Что же будет дальше?

Второе и окончательное испытание будущего трансформатора проводят еще тщательнее, в более жестких условиях. Модель сушат в специальной печи, похожей на броневую башню танка, выдерживают в вакууме, чтобы изгнать из обмотки даже мельчайшие пузырьки воздуха (воздух ухудшает диэлектрические качества изоляции). Затем помещают в испытательный бак, залитый маслом. И только после этого следуют три могучих импульса, каждый почти в два миллиона вольт. Целый каскад молний! Модель выдержала — она действительно прошла сквозь грозу.

* * *

Мы покидаем испытательный зал. Ученые с некоторым торжеством поглядывают на меня: понравилось?

— Строить модели обмоток трансформатора да еще в натуральную величину — неслыханная роскошь. Я бы лично запретил это,— неожиданно резко заявляет Георгий Рыжов, молодой научный сотрудник.

Вопросительно смотрю на Кореневского.

— Конечно, роскошь,— соглашается он.— Строим несколько моделей, затрачиваем огромный труд, материалы, средства. И все ради десятка разрядов, имитирующих грозу.

— Что же вы предлагаете?

— Уже предложено.

В лаборатории на листке бумаги Рыжов торопливо чертит схему, знакомую еще по школьным учебникам физики.

— Так это же обычная электролитическая ванна!

— Вот именно! — подтверждает Рыжов.— Правда, электродов побольше. Ванна с электродами — та же модель обмотки. Электрические измерения позволят определить наиболее напряженные места в конструкции.

Трудно переоценить перспективы, какие сулит это новшество. Оно удешевит и упростит создание новых трансформаторов, не боящихся самых свирепых гроз с их каскадами молний. Но это в будущем. А пока...

Кореневский показывает мне чертеж испытательного бака для трансформатора-гиганта, который будет обслуживать высоковольтную линию Конаково—Москва напряжением 750 тысяч вольт. Единственную подобного рода на земном шаре! Этот трансформатор уже спроектирован, как и его младшие братья гиганты-трансформаторы, для Красноярской ГЭС, Черепетской и Приднепровской ГРЭС, для подстанции «Пахра» в Подмосковье.

Знакомясь с работой этого института в Запорожье, как бы вновь просматриваешь программу великих работ по электрификации страны на ближайшее двадцатилетие с сотнями гидро- и тепловых станций.

Молния — сгусток энергии, перед которым отступает даже мощь атомных двигателей. Этому сгустку здесь, в институте, противопоставлена сила более великая — сила знаний.

Испытания начались... Г. Н. Кореневский и лауреат Ленинской премии В. Ю. Френкель внимательно следят за их ходом.

Иннокентий Иванович Бараков.
Фото Дм. Бальтерманца.

Письма из одного производственного управления

ЗЕМЛЯ ВЕЛИТ

Николай БЫКОВ

«...отправным началом нового порядка планирования должен быть объем товарной продукции.

Запретить местным партийным, советским и сельскохозяйственным органам устанавливать для колхозов и совхозов производственные задания по каким-либо показателям, кроме утвержденных государственным планом.

...последнее слово остается за правлением колхоза, за директором совхоза.

...в течение 1964—1965 годов провести работу по определению специализации каждого колхоза и совхоза...»

Бескомпромиссные, я бы сказал, державные строки. О самом главном в жизни нашей деревни. Взяты они, эти строки, из недавно опубликованного постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О фактах грубых нарушений и извращений в практике планирования колхозного и совхозного производства». Так партия продолжает большую работу по ликвидации тягостных последствий культа личности на селе. Постановление подписано 20 марта, в день, когда я уезжал из Георгиевского производственного управления Ставропольского края. Начальник управления Иннокентий Иванович Бараков вывез меня на своем «газике» на большую магистраль, связавшую Закавказье с Москвой, и тут мы распрощались. Дули сырые ветры. Ветры пахли тополевыми почками. Мы говорили о весне. И ни он, ни я — мы еще ничего тогда не знали о постановлении партии и правительства, которое, быть может, как раз в ту минуту уже было подписано. Не знали — это естественно. И все-таки знали! Все шло к тому. Мы говорили еще и еще раз о его неизбежности, как говорили до того каждый день. И о том, что у земли свои законы, что нельзя телефонограммами предопределять выезд в степь, рацион, поголовье, как это сложилось в годы до сентябрьского рубежа 1953 года. Ну, а так как дело было в канун весны, то прежде всего мы говорили о планировании наизнанку, вот о тех самых «фактах грубых нарушений и извращений...».

Я читаю и перечитываю постановление от 20 марта и вновь вижу лица георгиевцев Иннокентия Ивановича Баракова, секретаря парткома Ивана Ивановича Дьяконова, председателя колхоза имени Шаумяна Ивана Логиновича Козыря, директора совхоза «Обильненский» Ивана Степановича Давыдова, слышу их голоса, то радостные, то напрямую гневные, то многозначительно приглушенные, когда они рассказывали о недозволенных хозяйственных маневрах, совершенных в обход директив вышестоящих организаций.

Если бы Иннокентий Иванович только махал кулаками, да еще после драки, если бы мои новые друзья — бараковцы—только в минуты откровения рубали правду-матку, сейчас было бы по меньшей мере нетактично писать обо всем том, что я узнал в Георгиевске. Но разговоры наши состоялись задолго до 20 марта. Частью еще года три назад, когда Иннокентий Иванович, будучи первым секретарем Кочубеевского райкома партии, смело ставил с головы на ноги экономику района, делал первые практические шаги в сторону специализации и концентрации сельскохозяйственного производства. Я тогда писал о его степной арифметике. И вот снова приехал к Баракову. О том большом и новом, что родилось в Георгиевском производственном управлении, и будут мои письма.

* * *

В природе действует множество законов, известных и неизвестных человеку. Действует, очевидно, в природе и неписаный закон земли. Люди в разных местах и пашут и сеют по-разному. И сеют-то в разные сроки, даже в разные времена года. И разводят разную живность — разный скот, разную птицу... Творец на земле—человек. Но не по своей прихоти. Роль играют и свет, и тепло, и обилие или скудость осадков. Действует и закон земли. Это она, земля, велит делать одно и не велит делать другого. За малейшую попытку преступить этот закон земля мстит. Мстит бесплодием. Казалось бы, такая вот зависимость оскорбительна для земледельца, низводит роль царя природы до роли подневольного. Конечно, нет. Земля во многих отношениях — сама продукт труда человеческого. Плодородие, его повышение — это тоже из области творчества человека.

Так каковы же тогда подлинные отношения человека с землей, с тем самым пахотным слоем, таким подчас неглубоким и небогатым, но который пока единственный кормилец человечества? А мне кажется, эти отношения просты: будьте взаимно вежливы. Познать — да! Пренебречь — нет!

Где та граница, за которой кончается производительное использование земли и начинается варварское ее истощение? Как от земли, основного средства производства, получить больше продукции? Быть может, больше дать ей самой? Верно. Но где предел этому «больше»? Ведь есть же он, потому что всякое производство, в том числе и производство продуктов земледелия, должно быть прежде всего рентабельным!..

Отход от научной основы ведения хозяйства, забвение хотя бы одного из требований закона земли, и человек недосчитывается — пусть горсти, пусть мешка, но недосчитывается — урожая. А ведь мы подчас теряем тонны, многие тонны зерна, трав, мяса, значит, мы нередко просто грубо попираем тот великий закон! И наши современные земледельцы — жители колхозной деревни, механизаторы, агрономы и бригадиры, председатели правлений и директора совхозов — знают об этом лучше, чем кто-либо другой.

* * *

Все эти мысли пришли мне в голову, когда я слушал доклад Иннокентия Ивановича Баракова на VI пленуме парткома Георгиевского производственного управления.

Утро порадовало снегом. Снег—значит хлеб. Снег в середине марта — это на Ставрополье как подарок. И хотя на станичных улицах и на топких дорогах он не продержался и до полудня, зато в степи было по-северному белым-бело. Снег лежал неожиданно глубокий, сырой, он медленно отдавал земле свою солнечную влагу. В лесополосе обиженно орали грачи: ни проталины в полях. И только Подкумок, как выезжаешь из Георгиевска, напористо и весело скакал по камням, напоминая о весне. Она пришла. И теперь уже не миновать стойкого тепла, большой воды, жизнеспособных всходов...

Пленум проводили в клубе колхоза «Путь к коммунизму»: чтоб не тащиться большинству в бездорожье в город, да и помещения такого в райцентре нет.

Собирались не только члены пленума, но и приглашенные передовики производства.

— Все как в Москве,— подмигивает краснолицый здоровяк, только что выбравшийся из «газика».— И доклад делает министр нашего районного сельского хозяйства, впервые так-то...

В зал не торопились, стояли на крыльце, курили. Все знают друг друга, у всех одно, общее дело. С нагретой крыши лило.

— Снѐга-то, снѐга!..

— И я говорю, хоть бы полежал. Сойдет — беда: овца траву ждать будет, к силосу она тогда и не подойдет.

— Да и у меня коровы вчера кончили было солому жевать.

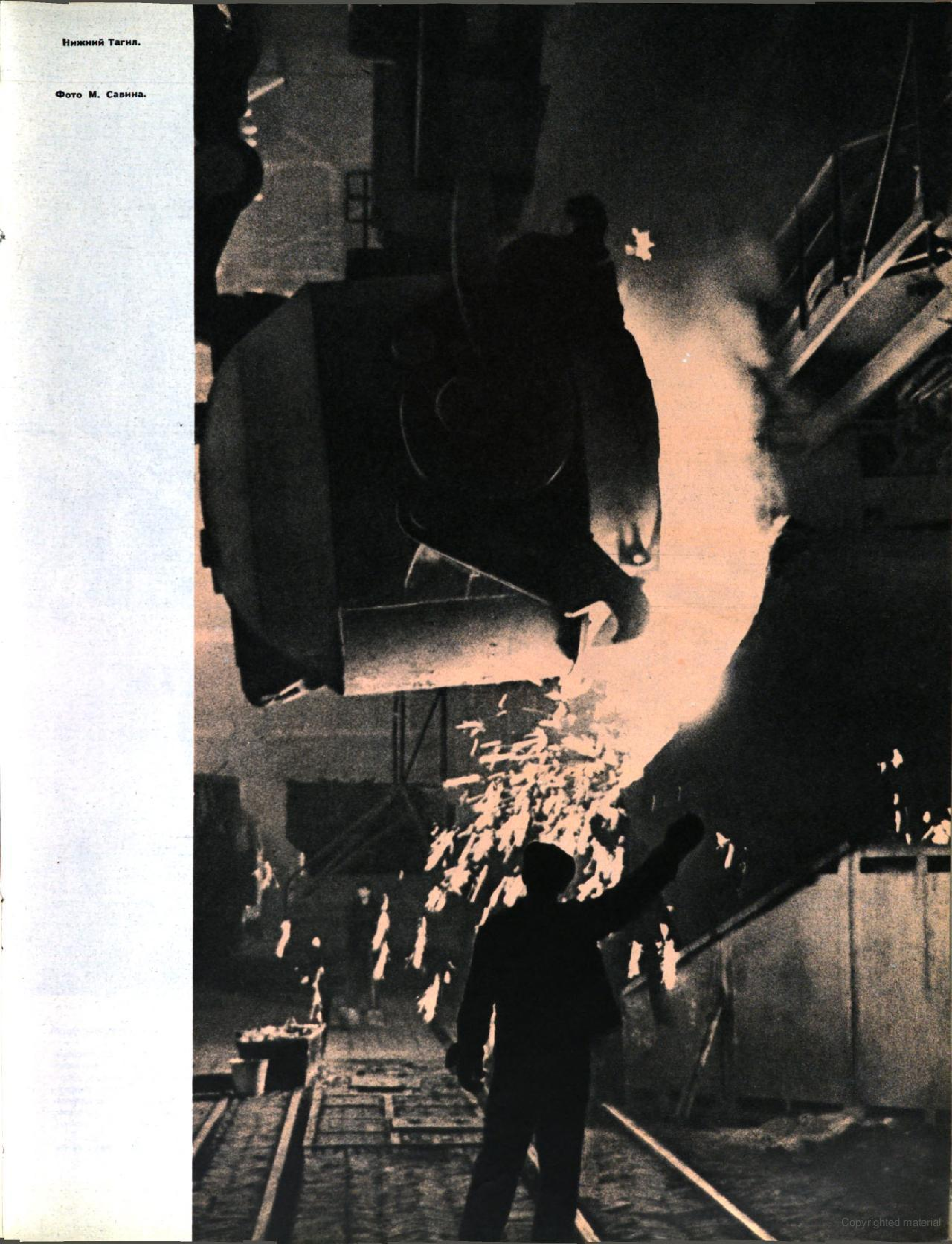
— Весну почуяли! Земля открылась, это запах земли поманывает... А теперь снежком пахнуло, она, корова-то, от соломы и погодит отворачиваться.

— А мне хоть бы и не было того снега, ей-богу,— опять хитро повел тот здоровяк, что под смех выбирался из «газика».— Пока снег — нас на разные совещания таскают. А нет? Я и газеты прочел, и радио выслушал до точки, и на краевой пленум приглашался, и в райисполкоме часов несколько высидел... А сегодня ранним утром получил бумагу из сельского крайсовпрофа—вызывают на свой пленум... Нет, уж лучше бы в степь! На самую дальнюю клетку!..

Заговорили о больном: кому какой нынче план довели по свекле, кому вернули производственный план для переделки — ни гектара кориандра кое-кто в него не вставил, кто и почему еще договора не подписал...

Я хотел еще до пленума познакомиться с Василием Васильевичем Бурлаком, председателем колхоза «40 лет Октября». Подошел к нему, заговорил о том, что его не могло не волновать: что ему мешает как председателю вести хозяйство? Бурлак, не глядя в глаза, буркнул:

— Не меня спрашивайте, я уже обжегся... А так вот и обжегся. Приехали на той неделе двое представителей и ласково тоже спрашивают, что мешает развитию, какие испытываем трудности... Откровенность, мол, за откровенность. А надо, говорю, не командовать мною, а скота, говорю, держать надо столько, сколь-

Нижний Тагил.

Фото М. Савина.

ТРИ КИТА

В Крыму, в совхозе «Красный», закончена первая очередь строительства бройлерной фабрики. Производство высококачественного птичьего мяса поставлено здесь на индустриальную основу.

Бройлерами называют механизированные цыплятники вместимостью 20 тысяч штук каждый и цыплят, выращенных в этих цыплятниках. Но само понятие «бройлер» гораздо шире. Это три кита — порода, корм и механизация.

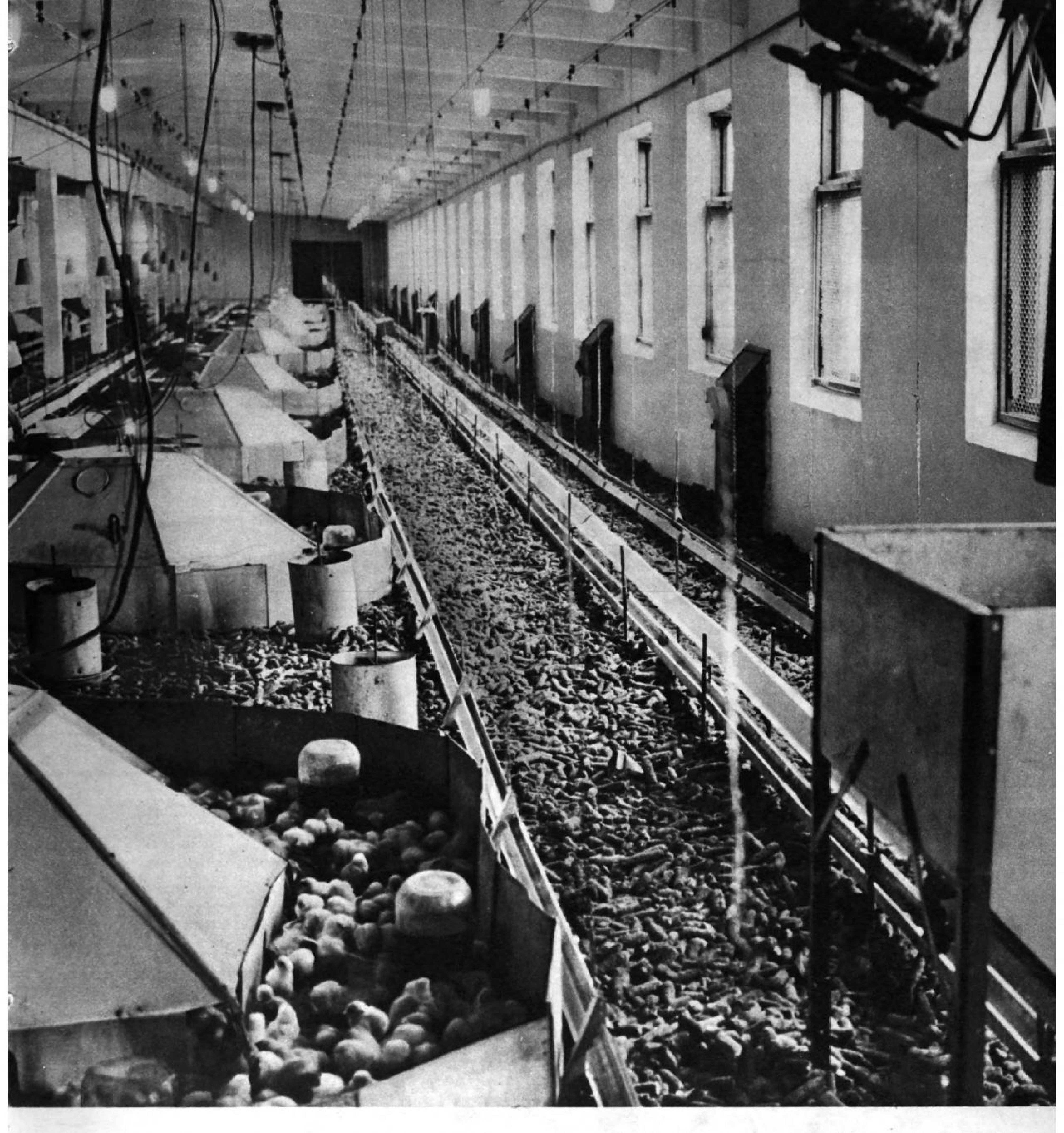
Чтобы цыпленку-бройлеру появиться на свет, нужна несушка. И не просто курочка-ряба, а курица специальной мясной и скорорастущей породы.

Зоотехники совхоза «Красный» создали у себя на фабрике племенное стадо кур. Тяжелые рыжие нью-гемпширы и белый четырехкилограммовый петух суссекс стали родоначальниками бройлеров.

Яйца от кур племенного стада, по 10 тысяч штук ежедневно, отправляются в отлично оснащенный инкубаторий. И ежедневно же инкубаторий сдает на выращивание в механизированный цыплятник-бройлер по 10 тысяч цыплят.

Как же воспитываются малыши?

Смешные желтые комочки первые семь — десять дней живут за не-

высокими ширмочками около электрических брудеров (электронаседок). Под каждым брудером по 500 штук. Заблудиться малышам не удается: ширмочки не пускают. Озябли — бегут греться: под брудером температура + 32 градуса. Захотели есть — корм на лоточках. Поилки тоже рядом. Все — 70—80 дней цыплячьей жизни проходят в одном помещении.

Что же попадает в цыплячьи кормушки?

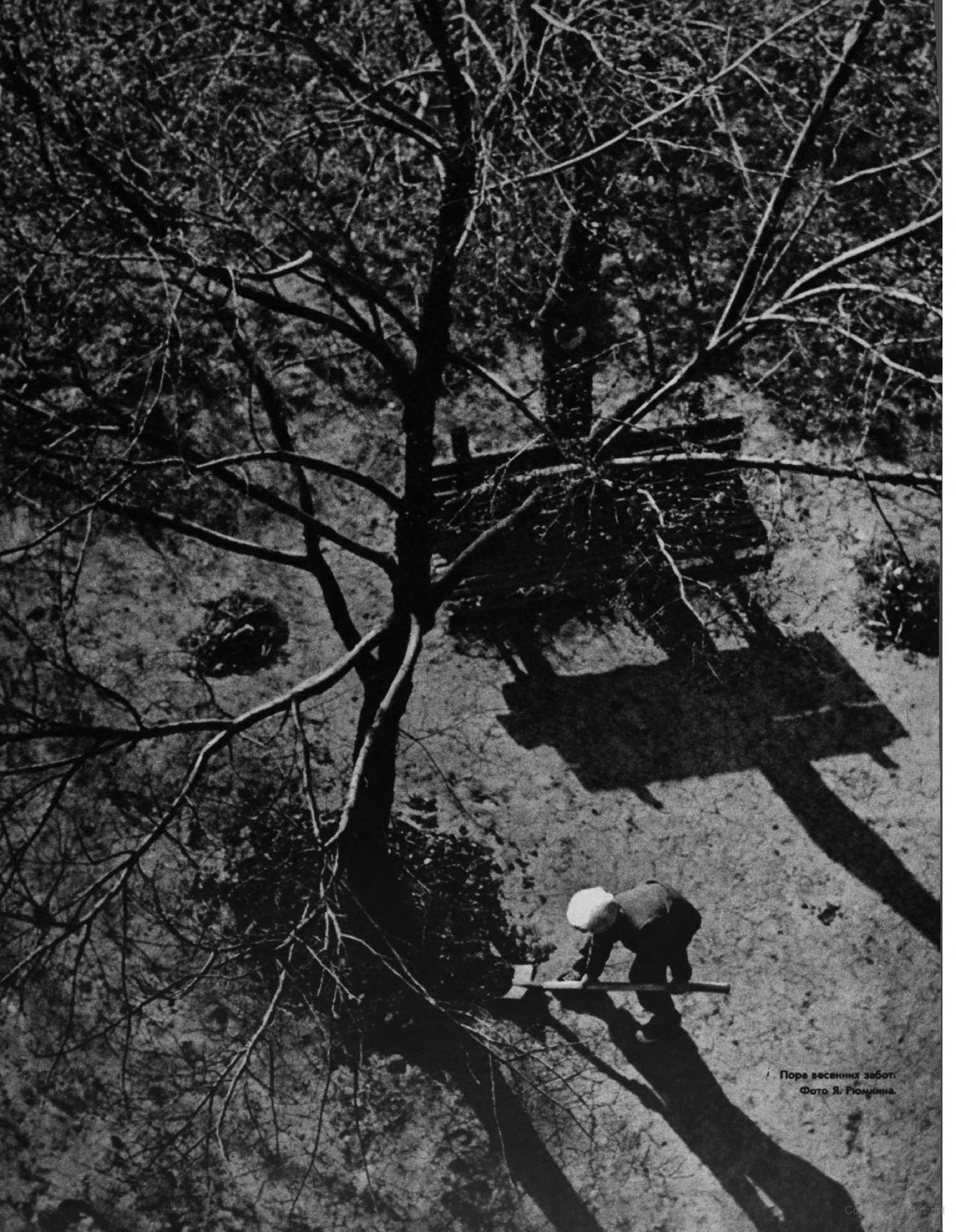
Только сухой корм. С первых же дней цыплята на сухом пайке. Он удобен для механизации кормления.

В совхозе работает комбикормовый цех производительностью 80 тонн в смену. В цыплячье меню входит дробленая кукуруза, пшеница, аминокислоты, протеин и другие микродобавки, способствующие быстрому росту.

Весь процесс труда механизирован, и птичнице-оператору остается только следить за состоянием поголовья и работой механизмов. За 70—80 дней она выращивает две партии по 10 тысяч цыплят каждая.

Десять тысяч цыплят ежедневно поступают на выращивание в бройлер из инкубатория, 10 тысяч тушек в целлофановых пакетиках ежедневно выходят с конвейера цеха — вот ритм работы фабрики.

Т. ПОЗДЕЕВА
Фото Я. Рюмкина.

Пора весенних забот.
Фото Я. Рюмкина.

ко кормов, и зерно надо закупать, а не заготавливать... И что ты думаешь? Как осерчали представители!

Вот тебе и поговорили...

Бурлака слушал не один я. Слушали все. Когда двинулись в зал, Иван Степанович, директор совхоза «Обильненский», сказал, как черту подвел: «Вот об этом на пленуме-то нашем и говорить, раз мы все тут такие смелые да партийные собрались...»

— Бараков жвачку жевать не будет: не из таких!—ответили ему.

Мне тоже помнилось, что Иннокентий Иванович не из таких, кто жует чужое да жеваное.

Бараков не обманул.

Докладчик сказал, что был участником декабрьского Пленума ЦК КПСС и сегодня изложит свои мысли по поводу дальнейшего развития хозяйств в их управлении. С первых же минут зал был охвачен неподдельным вниманием. Бараков говорил о земле и об узаконенном бессистемье земледелия. Он излагал и свое старое, давно продуманное, частью людям района знакомое по делам последних трех лет, и анализировал, сопоставлял, помогал уяснить, советовал, доказывал.

* * *

Велик скачок в развитии нашего сельского хозяйства за десять лет! Колхозы и совхозы Георгиевского управления продали в прошлом году продукции государству в четыре раза больше, чем в 1953 году. Вдвое и втрое больше у них теперь тракторов и другой техники. Больше стало крупного рогатого скота. Все это так. Но нашей стране идти дальше. И останавливаться только на этой характеристике — значит похваляться количеством, забывая о качестве. Партия сегодня учит считать.

Так вот, оказалось, что урожай зерновых по управлению снизился на два центнера с гектара. Кормовой баланс резко нарушен: например, если пять лет назад общая потребность в кормах была удовлетворена на 67 процентов, то в минувшем году—только наполовину; в частности, сена — лишь на 12 процентов, а концентрированных кормов — немногим более четверти...

— Мы, люди земли,— слышу голос Баракова,— не находили в себе сил противостоять бумажному напору чиновников. Эти силы нам придало выступление Никиты Сергеевича Хрущева на совещании после февральского Пленума. Да, сельское хозяйство — это наука. Наукой надо овладевать для того, чтобы вести дело по-научному. Не ощупью, а с открытыми глазами. Как земля велит. Как надо для коммунистического строительства в деревне...

...Не мешайте! Не мешайте хозяйствовать на земле... Одно сейчас требование. Вопиют заброшенные луга, неухоженный скот, распаханные под ноль клеверища, давно не отдыхавшая земля...

Хозяйственные и организационные функции остаются за государством. Это аксиома марксизма-ленинизма. В этом твердо убежден и Бараков. Прежде всего он, восставший против бессистемья, ибо без планирования не может быть специализации. Но планирование должно быть правильным, оно должно идти от земли, а не наоборот — от асфальта к земле.

Поиски, проникновение в тайну живой клетки, эксперименты, жаркое стремление оставить свой след на земле — то ли сад, то ли новую сорт, новую породу скота — это так понятно! Но шаблон — вот что противопоказано сельскому хозяйству. Можно и нажать. А закон земли? Закон земли действует...

Иннокентий Иванович как-то уже после говорил мне о двух главных условиях дальнейшего развития нашего сельского хозяйства: диалектика, научное познание современной сельской действительности и — «не мешайте», что значит развязанные руки подлинных хозяев земли.

* * *

В фойе в минуты перерыва большие, грузные люди резали колбасу, разливали ситро и говорили возбужденно: «Молодец!.. Не дал задремать... За живое цепляет... Так ведь он и сам бумажками завалил... Ему тоже шлют!..»

Выступавшие в прениях не славословили, а по-деловому, иногда по-степному резко говорили о том, что мешает еще управлению стать настоящим штабом производства.

— Почему в этом году Бараков отступил?— спрашивал с трибуны председатель колхоза Трофим Николаевич Жигулин.— Нам опять спустили план по культурам, а ведь мы было отвыкать от этого начали. Так дело не пойдет!..

Баракову было горячо от этих слов, но он не мог не испытывать и настоящую радость оттого, что люди обрели чувство ответственности за землю и сейчас взяли его в оборот.

Поднялся Василий Васильевич Бурлак:

— Чем помогло нам управление, когда мы доказывали, что нам не под силу обработать столько кукурузы, столько свеклы? Лучше меньше, да лучше! И дешевле! А нам одно в ответ: пойми, мол, дорогой, это пистолетная культура! Было такое?..

Было, было, Иннокентий Иванович знает: «Верно, Бурлак, пока существуют пистолетные культуры, ни о какой инициативе снизу речи не может быть». Не все, видно, знали, что Бараков получил выговор на бюро крайкома, по существу, за то, что отстаивал право председателей на самостоятельность.

Иван Логинович Козырь говорил о доверии к председателям:

— Не надо нас понукать. Что полезно, мы поймем сами, потому что интересы колхоза — наша жизнь, потому что мы коммунисты, дравшиеся за колхозы и нашу землю. Я был первый, кто не понимал аккордно-премиальной оплаты, кто был ее противником. Каюсь. Иннокентий Иванович не приказывал, он дал время нашему колхозу подумать, примериться. Мы узнали вкус нового, и теперь я первый агитатор за такую оплату! Это шаг к коммунизму! Если нас, руководителей хозяйств, не дергать, у нас сохранится моральная и физическая сила для более производительной работы на благо колхоза и страны.

Ему аплодировали, потому что все знали Козыря как тугодума, человека очень осторожного и неохочего до всяких неопробованных новшеств. Ну, а уж если Козырь сказал, значит, так оно и есть!

— Признаюсь, я ехал сюда с плохим настроением,— продолжал Козырь.— Глазам своим не поверил, когда узнал, что опять Бараков вернулся к старому, позапрошлогоднему, спускает план по культурам. И хотел я сегодня здесь заявить: раз такое дело, что нельзя нам доверять, то я перестану сопротивляться, поднимаю руки — сдаюсь и слушаю все указания... Но колхоз не игрушка, и я не сдамся!

Ему опять похлопали от души.

Но откуда эти колебания, откуда неверие в новые принципы планирования? Бараков знал. В прошлом году району дали план на свеклу — 1 тысячу гектаров. Культура новая по этим сухим местам, но ладно, смирились. Готовился каждый колхоз тщательно—землю готовили, технику, людей. Расчет — 1 тысяча гектаров. Но вдруг весной еще «довели» план на 3 тысячи гектаров. Это и был нажим, да еще какой! И Бараков встал на защиту колхозов... Тогда ему влепили тот памятный выговор. Но выговор он пережил. Более того, выговор позже сняли, а вот люди утратили веру в творческую самостоятельность.

И Баракову пришлось в конце концов взять слово еще раз:

— Хроническое ваше неверие в то, что отныне вы вольны самостоятельно вести свои хозяйства,— это плоды застарелой практики командования в сельском хозяйстве. Производственное управление всей своей деятельностью каждодневно доказывает вам и еще докажет, что оно за вас, за новые методы руководства сельским хозяйством. Если есть какие издержки, то это издержки перестройки, переходного периода. Но вы должны сохранять спокойствие, друзья. Курс на специализацию, на самостоятельность! Между моими призывами и практическими делами нет и не будет пропасти, о которой тут говорили встревоженные Жигулин и Бурлак. Я говорю: сейте! Ваши требования — это и моя мечта. Ну, а если чиновники не одумаются, мы будем вынуждены жить с двумя планами! Один для отчетов, другой для амбаров...

Да, путей отступления у него не было. Все мосты сожжены. Начав наводить порядок в организации сельского производства в хозяйствах управления, он и не думал останавливаться на полпути, как это показалось Жигулину, он не собирался подрезать расправленные было колхозные крылья. Нет, люди не имеют права сдаваться теперь, когда многое сделано; они должны по-прежнему верить ему, верить управлению. Это ведь тоже от старого, когда в таком новом органе руководства, каким является производственное управление, руководители хозяйств видят не штаб, координирующий общие усилия, а чиновничий аппарат, где якобы сидят не специалисты, а столоначальники...

Разъезжались люди по хозяйствам с хорошим настроением. Разворачивались «газики», «Волги», «Победы». Разбегалась полуденная вода из-под колес. Широко разбегалась, чистая, голубая, как расплескавшееся мартовское небо...

Последние штрихи. Роспись стен в одном из залов комбината.
Фото А. Анатольева и К. Дмитриева.

ДЕВЯТЬ ЭТАЖЕЙ УСЛУГ...

Устремленное ввысь здание — центральный бытовой комбинат «Рубин» в Свердловске. Девять этажей, почти четыре тысячи квадратных метров полезной площади, пятьдесят девять залов и кабинетов... Здесь и уютно обставленные столовые, кафе, просторные парикмахерские со специальным залом «для самых маленьких», оснащенные разнообразной аппаратурой косметические кабины, многочисленные пошивочные и ремонтные мастерские...

— В «Рубине»,— сказал его директор А. С. Перминов,— мы можем оказать жителям нашего города десятки различных услуг: быстро почистить и выгладить костюм, отремонтировать одежду и обувь, починить часы, авторучку, чемодан... Три этажа занимает пошивочное ателье. Здесь можно заказать головной убор, костюм, пальто, платье. А фасон выбрать не только по журналу: весь седьмой этаж отведен под павильон современных образцов одежды — тут демонстрируются последние моды.

А. ГРИГОРЬЕВ

Л. ВИРИНА

Фото Б. Львова.

СОЛНЦЕ — ЛЮ

В этом году их двести двадцать. Возраст — от четырех до семнадцати. Конечно, питомец детского сада завтрашнему студенту не ровня, но ко всем в одинаковой мере относится запись, сделанная в «Книге гостей» друзьями из Кубы: «Ваши работы как стихи». У юных киевлян без преувеличения — международное признание. Сотни наград завоеваны дома и за границей. Десятками флажков-искорок вспыхивает карта «Наши рисунки в странах мира»: Исландия и Бразилия, Польша, Индия, Франция, США... Из многих городов и сел спешат сюда письма. И непрерывно звонит звонок у дверей... Самые частые гости — учителя. Осматривают работы, беседуют с детьми, а потом спрашивают Н. И. Осташинского:

— Где отыскали такие таланты?

...Первые таланты он отыскал во дворе. В те послевоенные годы в Киеве, встающем из руин и пепла, не хватало детских площадок, лагерей. Утром, идя на работу, Осташинский встречал у дома слонявшихся без дела подростков. Возвращаясь, вспугивал в сумерках подъезда ту же ватагу остроглазых, быстроногих сорванцов.

Комсомольский вожак, по образованию художник, он не раздумывал долго. Надо увлечь их, пока этого не сделала улица. «Хотите учиться рисовать? Приходите ко мне в воскресенье пораньше». Обращался намеренно к самым отпетым, слушали не очень доверчиво, однако пришли. И не с пустыми руками — карандаши, бумага. «Это отложите. Сначала научимся видеть».

Каким бывает небо? Оказывается, очень разным: на рассвете, в полдень, лунной ночью. Что самое красивое в моей маме? Руки, теплые и добрые, глаза, улыбка?

Вопросы влекли к наблюдению, раздумью, спорам. Возникала увлеченность, а за ней и дружба. Нельзя было не заметить перемен во вчерашних сорвиголовах. И, когда осень, нахмурившись, напомнила, что дождливое небо — ненадежный приют, у мастерской нашлось много крыш.

Занимались в каждой семье поочередно.

У доброй славы неутомимые крылья. Уже со всех окрестных улиц сбегались ребята на занятия. Шестьдесят человек. Как быть? Не выручит и самая просторная квартира. Отобрать наиболее способных, выпроводить лишних? Очевидно, так и поступил бы холодный человек. Но тот, кто привязался к детям, кто озабочен их судьбой, судит иначе. Для него лишних нет: ведь на уроках у всех одинаково блестят глаза, жарко пылают щеки. Осташинский пришел в Дом пионеров Ленинского района: «Просимся под ваше крыло. Работать я готов».

Так затея, возникшая между делом, заполнила всю его жизнь.

Да, в нынешнем году их двести двадцать. А сколько было за все эти пятнадцать лет, с мая сорок девятого? Не подсчитать. Ведь есть еще и заочники: присылают работы, получают письменную консультацию по почте. «Верно, что со всеми успеваете вы один?» Конечно, нет. Что бы он смог в одиночку, без помощи своих ребят?

Беда застигает врасплох. Студия готовилась к празднику — десятилетие! — внезапно Осташинский заболел. Под угрозой — зрение. Месяцы в клинике с повязкой на глазах. «Возможно, следует его кем-то на время заменить?» — осторожно интересуются товарищи из Дома пионеров. «Нет,— протестует девичий голос,— мы справимся сами». Инна Лысенко, старшая из учениц, каждый вечер приходит в палату. Склонившись над больничной койкой, во всех деталях описывает новые работы, а потом слушает, что скажет педагог. Как же нужно знать своих питомцев, чтобы вот так, на ощупь, без ошибки уловить их слабости, оценить успехи! Назавтра девушка повторит в студии все, что передал он. И ребятам покажется: совсем рядом, за плечом, звучит его требовательный и ободряющий голос.

Это длилось полгода. Юбилей вместо мая отпраздновали в декабре — зато все были в сборе, ученики и учителя. Осташинского к выздоровлению ждал сюрприз: у него объявились коллеги. Старшие его воспитанники взяли шефство над всеми семью группами малышей. Даже звание себе придумали: инструкторы. А чтобы не обижать остальных, назначили лучших себе в помощники.

«Тома, как рисуется ночь?» — запросто спрашивает своего инструктора четырехлетний карапуз. Тамара Абанькова для него — авторитет. Он гордится ее рисунками на студийной выставке и тем, что она, десятиклассница, уже работает на фабрике. У Люси Ковальчук заботы попроще: удобно усадить малышей, отточить карандаши. Сколько тепла вкладывает помощница в свое нехитрое дело! Сразу видны задатки воспитателя.

Воспитывать... Очень далек смысл этого слова от понятия «поучать». Живая, часто веселая беседа — вот что такое в студии урок.

— Сколько же звездочек поставим сегодня Наташе за жарптицу?

Тянутся вверх руки. Судьи знают: оценить — мало, надо доказать справедливость оценки.

— Две звездочки! Можно было больше, но у нее перепутались краски...

И идет разговор о сказке и правде, о том, как надо смотреть рисунок, о перепутанных, а вернее, слившихся красках. Темы специальные, но изложены образно, живо. Всё поняли малыши. Глядя на их осмысленные мордочки, вспоминаю некоторых ортодоксов-педагогов. «Втолковывать законы искусства дошкольникам? Да этого никто никогда не делал!» И тут же слышу выступление Осташинского на Всесоюзном совещании в Москве: «Учить человека творчеству надо один раз — и с самого рождения. Так же, как учить жить».

— Знакомьтесь, это Толик Кущ!

Юноша неловко подает руку. Она знакома мне: полные драматизма скульптуры, стоящие у стен, хранят ее нервное, энергичное прикосновение. Да и этот застенчивый, но внимательный взгляд тоже знаю — по фотографиям, повторенным в добром десятке журналов, газет.

На республиканской выставке, посвященной 40-летию пионерии, была выставлена скульптура Толи Куща «Друг». Над умирающим бойцом низко склонил голову конь, встревоженно ржет, словно кличет: обопрись, встань!

Достоверность, героический взлет, яркая мысль слились в его композициях «Щорс под Киевом», «Переправа», «Прометей»... А вот еще одна работа этого же автора. Громоздкий всадник замер на неуклюжем коне. Намека нет на стремительную пластику, отличающую сейчас творчество Куща. Вылепил эту примитивную фигурку не новичок: два года посещал тогда Толик занятия. «Бесполезная трата времени» — на подобный вывод имел право любой педагог, если б учитывал лишь владение техникой, развитие пальцев. Но есть еще одна мера пользы. Осташинский видел: мальчик, лишенный отца, объявленный в школе неисправимым, оттаивает среди студийцев от угрюмого одиночества, тянется к познанию нового. Значит, бороться за него стоит!

Толя исчезал на месяц-два... Как привлечь мальчика прочно, отвоевать у улицы навсегда? Кто-то придумал: Толя любит животных, подарим ему Мольберта! До сих пор за мохнатым натурщиком-щенком ухаживали все, теперь доверили одному! Польщенный опекун чаще стал появляться в студии и, сидя в укромном уголке, все упрямее мял неумелыми пальцами пластилин. Однажды смущенно поставил на стол нескладную фигурку: не сразу определишь, олень или бык. Ожидал — засмеют. Никто не улыбнулся. «Терпение, Толя, упорство»,— подбодрил Осташинский. А когда со временем появился «Всадник», посоветовал: «Над этим поработай

Сейчас, заканчивая Киевский художественный институт, Инна Лысенко занимается в студии с малышами, как когда-то Осташинский с ней.

«Гимнастка». Олег Манжуло, 16 лет.

«Футбол зверей». Надя Ройцина, 8 лет.

Н. И. Осташинский ведет урок в студии.

всерьез. Дай судьбу человеку и коню». Вот откуда начинались «Друг», «Переправа», «Щорс».

Терпение, упорство... Без них разве сумел бы неисправимый, заканчивая на пятерки школу, шлифовать к шевченковскому юбилею «Прометея» — и скульптура эта стоит сейчас на выставке в Киевском музее Шевченко? В это же время он напряженно работает над новой сложной композицией и проводит в классе беседы об искусстве.

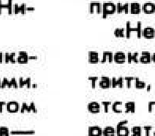
Чудо? Но чудеса, как известно, не повторяются. А рядом со скульптурами Толи стоят работы Олега Манжуло: «Гимнастка», «Лыжник», «Фигуристы». Изящество, невесомость, гармония. А ведь и Олег до студии не прикасался к пластилину. И тоже слыл трудным. К нему подбирали свой ключик: спорт...

— Нет трудных детей, есть непонятые.

Многими доказательствами подтверждена эта убежденность Осташинского. Пожалуй, самое неоспоримое — благодарность матерей. «Студия вернула мне сына, а я могла его потерять» — это о нашем знакомом Толе Кущe. «Я не мечтаю, чтобы мой мальчик стал Рафаэлем, но хорошим человеком благодаря студии он станет»,— говорит мать Сережи Тарасенко.

«Как живете, люди?» — пишет младшим товарищам художница Людмила Федоровская. На видном месте в студии висит ее дипломная работа: могучее лицо ти-

Д Я М

тана и борца, Бетховен, как символ таланта, мысли. А вошла когда-то в студию замкнутая, нелюдимая девочка, на вопрос «Расскажи, что умеешь» ответила: «Ничего».

150 студийцев стали художниками, скульпторами, архитекторами. Но, право, далеко не в одном этом смысл чуда. А Евгений Шарапов — моряк торгового флота? А зоологи и строители, медики и инженеры, открывшие здесь, что жизнь — это борьба за прекрасное? Теперь за той же наукой они приводят в студию своих детей.

«Не мешает тебе студия? Не отвлекает от учебы?» — чего греха таить, то дома, то в школе раздается порой подобный вопрос. И ребята объясняют тогда взрослым: не отвлекает, а влечет. Влечет к знаниям, труду, добрым поступкам, умножающим счастье людей.

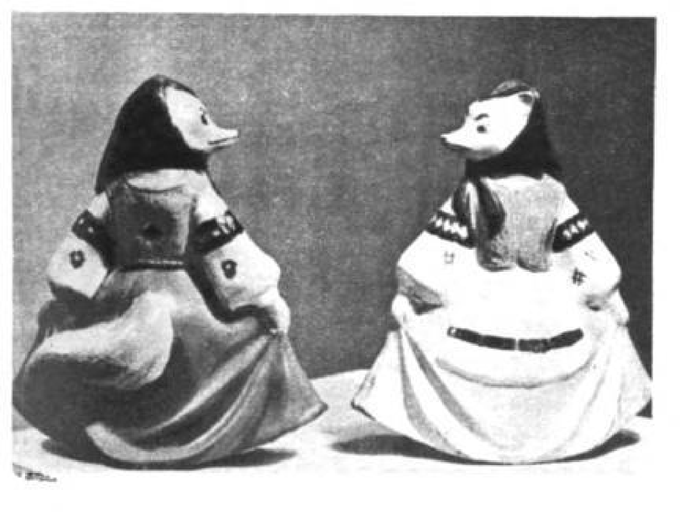
По-своему сказала об этом ученица студии Инна Муллер в стихотворении «Надо солнце отдать людям», напечатанном в «Пионерской правде».

Инна много лет прикована к постели. Но в рисунках ее — сверкание красок, море света, блеск глаз и улыбок. Она несет солнце людям.

Надо только подняться на гору,
Посильнее вытянуть руки,
Ухватить покрепче солнце,
Отнести это солнце людям.

Не отшатывайтесь в испуге,
Это совсем не диво.
У меня же волшебные руки —
Я ведь расту счастливой...

«Лисичка-танцовщица». Валя Архипова, 12 лет.

«Космические геологи». Виктор Юсенков, 12 лет.

«Переправа» (фрагмент). Анатолий Кущ, 15 лет.

Бендили МОЛОКУ

Нигерия

Звезда негасимая

На африканском черном небе,
Когда с землею небо
Сольется
И от росы высокий стебель
Травы согнется;
На африканском черном небе,
Таком же темном,
Как шахты копей
Алмазных;
На африканском черном небе,
Как символ братьев моих безгласных,
Которым только и остается
Молчать
(Так было совсем недавно)
Иль потрясать щетиной копий
Перед войсками
(Совсем недавно еще так было)
И ждать, и ждать, и ждать,
когда же
Настигнет наших врагов возмездье;
На африканском черном небе
Горят созвездья.
Они кочуют
Вокруг Полярной звезды
И гаснут
С восходом солнца
На наших спинах
И в наших реках,
Как гаснут в сердцах надежды.

Так было, братья!
Так было прежде!
Взгляните ныне на наше небо —
С восходом солнца
Звезда не гаснет
На горизонте, на небе синем,
Звезда,
как праздник,
Там, над Россией!
И отблеск этой звезды
Над нами —
Над распрямленными спинами,
Над равнинами африканскими,
Над нашими копями
Алмазными,
Над Европами и Азиями!

Привет тебе, ленинское сияние —
Знание,
Просвещающее умы,
Вырывающее у тьмы
Целые континенты.
Вся планета
Вращается ныне вокруг тебя,
Как вокруг Полярной звезды
Остальные созвездья.
Ты — возмездье,
Пришедшее к палачам,
Ты — надежда, приходящая по ночам
К еще несвободным,
Потным
рабам,
Ты — заря
Свободы,
Звезда Октября,
Родина Октября.
Имя твое — это имя,
Которым живу!

Перевел с английского
Анатолий КАШЕИДА.

АЛЬ

ПИЙСКАЯ

Повесть

Василь БЫКОВ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

17

Иван проснулся, испугавшись мысли, что уснул и дал исчезнуть чему-то необыкновенно большому и радостному. Он приподнял голову, сразу же увидел Джулию и улыбнулся оттого, что испуг его оказался напрасным: ничто не исчезло, не пропало, даже не приснилось, как показалось вначале. Впервые за много лет явь была счастливее самого радостного сна.

Джулия лежала ничком, уронив голову на вытянутую в траве руку, и спала. Дыхание ее, однако, не было ровным, как у сонных людей,— порой она замирала, будто прислушиваясь к чему-то, прерывисто вздыхала во сне. Полураскрытые губы ее все время шевелились, обнажая острые зубы. Он подумал сначала, что она шепчет что-то, но слов не было, губы, видимо, только отражали ход ее сновидений и так же, как щеки и брови, слегка вздрагивали. Все эти переживания ее были преисполнены нежности, наверно, снилось ей что-то хорошее, и на губах время от времени проступала тихая, доверчивая улыбка.

Они долго пробыли на этом поле, солнце сползло с небосклона и скрылось за потемневшими зубцами гор. Погруженный в густеющий мрак, бедно, как-то неуютно выглядел торжественно сиявший днем луг.

Даль густо обволакивалась туманом, белесая дымка подмыла сизые хребты, без остатка затопила долину. Медвежий хребет уже потерял лесное подножие и, будто подтаявший, плавал в сером туманном море. Ярко сияли, отражая невидимое солнце, лишь самые высокие пики. Это был последний прощальный свет необычного и неожиданного, как награда, сегодняшнего дня. Вдали на тусклом небосклоне уже зажглась и тихо горела одинокая, печальная звездочка.

Он снова повернулся к Джулии — надо было подниматься и идти, но она сладко спала, такая беспомощная, обессиленная, что он просто не посмел нарушить этот сон. Иван, не двигаясь, как на непостижимую тайну, смотрел и смотрел на нее — маленькое человеческое чудо, так поздно и счастливо открытое им в жизни.

А она все спала, приникнув к широкой груди земли, слабо подрагивали ее тонкие ноздри, и маленькая божья коровка медленно ползла по ее рукаву. Иван осторожно сбросил козявку, бережным прикосновением поправил на шее девушки тесемку с крестиком. Джулия не проснулась, только слегка перевела дыхание, тогда он осторожно одернул на ее спине завернувшийся край куртки и улыбнулся. Кто бы мог подумать, что она за два дня станет для него тем, чем не стала ни одна из его соотечественниц, пленит его душу в такое, казалось бы, не подходящее для этого время? Разве мог он предвидеть, что во время четвертого побега, спасаясь от гибели, неожиданно встретит первую свою любовь? Как все запуталось, переплелось на этом свете!..

Над затуманенной громадой гор в спокойном вечернем небе тихо догорал широкий Медвежий хребет. По крутым его склонам все выше ползла сизая тень ночи, и все меньше становилось розового блеска на зубцах-вершинах. Вскоре они и вовсе погасли, хребет сразу поник и осел; серыми сумерками окутались горы, и на светлом еще небе прорезались первые звезды. Однако Иван уже не видел их, он уснул с последней мыслью: надо вставать.

Разбудила его уже Джулия. Наверное, от холода она ворочалась, плотнее прижимаясь к нему, сонный Иван сразу почувствовал ее и проснулся. Она обхватила его рукой и горячо зашептала на ухо незнакомые, чужие, но теперь очень понятные ему слова.

Было уже совсем темно. Похолодало. Черными вполнеба горбами высились ближние горы, вверху ярко горели редкие звезды; ветер стих совсем, даже не шелестели маки, только, не умолкая, ровно шумел, клокотал рядом поток. Все луговые травы ночью запахли так сильно, что их аромат хмелем наполнял кровь. Земля, горы и небо дремали во тьме, а Иван, приподнявшись, склонился над девушкой и долго смотрел ей в лицо, какое-то другое теперь, не такое, как днем,— затаившееся, как ночь, и будто слегка настороженное. В больших ее глазах мерцали темные зрачки, по лицу девушки блуждали неясные тени, руки и ночью не теряли своей трепетной нежности и все гладили, ласкали его плечи, шею, затылок.

— Джулия! — тихо позвал он, прижимая ее к себе.

Она покорно отозвалась, тихо, с лаской и преданностью:

— Иванио!

— Ты не сердишься на меня?

— Нон, Иванио.

— А если я оставлю тебя?

— Нон, амико. Иванио нон оставить. Иванио руссо. Карошн, мили руссо.

Торопливо, с неожиданной для нее силой она прижала его к себе и тихо засмеялась.

— Иванио — марито! Нон синьор Дзангарини, нон Марио. Руссо Иванио — марито.

Он удовлетворенно, даже с затаенной гордостью в душе спросил:

— А ты рада? Не пожалеешь, что Иванио — марито?

Она вскинула пушистые ресницы.

— Иванио — кароши, кароши марито. Мы будем маленьки-маленьки филиё... Как это руссо, скажи?

— Ребенок?

— Нон ребьёнок. Как это маленько руссо?..

— А, сын,— слегка удивленный, догадался он.

— Да, син! Это карашо. Такой маленько-маленько, карашо син. Он будет Иванио, да?

— Иван? Ну, можно и Иван,— согласился он и, взглянув на черный массив хребта, вздохнул.

Она притихла, о чем-то думая, оба на минуту умолкли, каждый погрузился в свои мысли. А вокруг тихо лежали горы, скупо поблескивали редкие звезды, черной, непроглядной пеленой покрылся маковый луг. Было тихо-тихо, только мерно бурлил поток, но он не нарушал тишины, и Ивану казалось, что во всем мире их только трое — они и поток. Последние ее слова постепенно согнали с его лица улыбку, исчезла шутливая легкость, он наткнулся на что-то трудное и серьезное, впервые обнаружив еще одно осложнение в их и без того непростых отношениях. А Джулия, наоборот, что-то осмыслив, снова радостно встрепенулась и сжала его в объятиях.

— Иванио! Иванио, карашо! Как ето карашо — филиё! Син! Маленьки син!

Потом разняла руки, повернулась лицом вниз — звезды в ее зрачках исчезли, и лицо тускло засерело светлым пятном, на котором в глубоких тенях чуть заметно мерцали глаза. Короткое возбуждение ее внезапно сменилось тревогой.

— Иванио, а где ми будем жить?— Она немного подумала.— Нон Рома. Рома отэц бёзе! Триесте?..

— Что наперед загадывать!..— сказал он.

— О!— вдруг тихо воскликнула она.— Джулия знат. Мы будем жит Белоруссио. Дэрэвня Тэрэшки, близко-близко два озера... Правда?

— Может быть, что ж...

Всей пятерней он взъерошил ее жесткие густые волосы, она, уклоняясь, высвободила голову и пригладила ее.

— Джулия растет большой кароши волёс. Большой волёс красиво, да?

— Да,— согласился он.— Красиво.

Она помолчала немного и потом, возвращаясь к прежнему разговору, сказала:

— Иванио будет лаворарe фаттория. Ми сделаем много-много маки. Как этот люг!

— Да, да,— задумчиво соглашался Иван. У него очень заломила нога, надо было поправить повязку, но он не хотел лишний раз беспокоить девушку. Он лишь выпрямил ногу, рассеянно слушая Джулию.

— Ми будет много-много фортуна. Я очен хочу фортуна. Должен бить человек фортуна, правда, Иванио?

— Да, да...

Джулию одолевал сон, голос ее становился все тише, мысли путались, и вскоре девушка умолкла. Он тихонько погладил ее плечо, подумал: надо дать ей отдохнуть, выспаться, все равно, сколько уж осталось той ночи — первой и, пожалуй, последней ночи их счастья! А завтра идти. Только кто знает, что уготовило им это завтра?

18

Иван проснулся и в то же мгновение услышал близкий нелепый крик:

— Во бист ду, русс? Зи гебен дир брот! Зи гебен филь брот [1].

Светало, солнце еще не взошло, было неуютно и серо. На луг накатилось облако, скрывшее горы; клубчатые пряди тумана, цепляясь за поникшие росистые маки, поползли вдоль склона. Иван взял с Джулиных ног тужурку, девушка вскочила, испуганно заговорила о чем-то, а он, стоя на четвереньках, во все глаза вглядывался вниз, откуда доносились эти слова. Через несколько секунд он догадался, что это сумасшедший, но сразу же показалось: не один, с ним люди. И действительно, не успел он сквозь туман что-либо увидеть, как услышал сердитый приглушенный окрик:

— Хальт мауль! [2]

Окончание. См. «Огонек» №№ 12, 13, 14, 15.

[1] Где ты есть, русский? Они дадут тебе хлеб. Они дадут много хлеба.
[2] Заткнись! (Нем.)

БАЛЛАДА

Джулия также услышала, поняла все и бросилась к Ивану. Вцепившись в рукав его куртки, она неистово всматривалась в месиво тумана, в котором мелькнули тени. Иван схватил ее за руку и, пригнувшись, бросился вниз к ручью. В другой его руке была тужурка, колодки же остались в маках.

Молча они побежали вдоль ручья вверх.

Иван не выпускал из своей руки пальцев Джулии; девушка, растерянно оглядываясь, едва поспевала за ним. Он старался найти подходящее место, чтобы перебраться на ту сторону потока,— там можно было укрыться в скалах и густых зарослях рододендрона. Но поток бешено мчался с гор, бросаться в его быстрину было бессмысленно.

«Хорошо, что облако! Хорошо, что облако!» — стучала в голове обнадеживающая мысль. Туман пока что укрывал их, не давал немцам их заметить. «Проклятый безумец, почему я не убил его? Все они, сволочи, одного поля ягода!» — в отчаянии думал Иван, настойчиво увлекая Джулию вверх. Они уже миновали поворот потока, взобрались на обрывистый берег — дальше было открытое место. Со страшной силой несся поток по камням, и намерение перейти на ту сторону пришлось оставить, Иван упал на колени, обернулся — туман заметно редел, уже стали видны дальние камни в маках, голое пятно плешины, где он вчера дожидался Джулию. И тогда в тумане Иван различил силуэты солдат: неширокой цепью рассыпавшись по лугу, они приближались к месту, где Иван с Джулией провели ночь.

Немцы еще не заметили их: беглецы далеко отошли от цепи. Иван взглянул на Джулию — ее полусонное лицо отражало испуг и крайнюю усталость. «Хотя бы выдержала! Хотя бы она выдержала!» — думал он. И, отдышавшись, снова потянул ее за руку. Джулия бежала с огромным напряжением, но не отставала от него.

Задыхаясь, они выбрались на верхний участок луга, ноги их намокли от росы. С каждой минутой Иван все сильнее прихрамывал на правую ногу, которая странно отяжелела, будто стала чужой. Джулия вскоре заметила его хромоту и испуганно дернула Ивана за руку.

— Иванио, нога?

Он протащил ногу по траве, стараясь ступать как можно осторожнее, но ему это плохо удавалось. Тогда Джулия, оглянувшись, бросилась на колени и вцепилась в штанину, намереваясь осмотреть рану.

— Надо вязать, да? Я немножко вязать, да?

Он решительно отвел ее руки.

— Ничего не надо. Давай быстрей.

Превозмогая боль, он торопливо заковылял дальше; рука Джулии выскользнула из его пальцев; девушка, поминутно оглядываясь, бежала следом.

— Иванио, амико, ми будет жить? Скажи, будет? — в отчаянии, от которого разрывалось сердце, спрашивала она.

Иван взглянул на нее, не зная, что ответить, и увидел в ее взгляде столько мольбы и надежды, что поспешил утешить:

— Будем, конечно. Быстрей только...

— Иванио, я бистро. Я бистро. Я карашо...

— Хорошо, хорошо...

Они уже добежали до верхней границы луга, где-то здесь, в камнях, начиналась тропинка, по которой они пришли сюда ночью; в скалах, пожалуй, можно было бы укрыться. Но облако уже сползало с луга, становилось светлее, туман на глазах редел, в прояснившихся разрывах его отчетливо мелькали пятна маков, камни. Разрывы все увеличивались. «Черт, неужели не вырвемся? Неужели увидят? Нет, этого не должно быть!» — тревожился Иван, шагая все выше и выше.

Тропы, однако, не было, они взбирались по травянистому косогору. Хорошо еще, что подъем был не очень крутой, мешали только низкорослые заросли рододендрона, которые вконец искололи их ноги. Правда, чуть выше начинался густой хвойный стланик. В нем уже можно было укрыться. Джулия не отставала, напрасно он беспокоился об этом. Босая, с окровавленными ступнями, она пробиралась чуть впереди него, и, когда оглядывалась, он видел на ее лице такую решимость избежать беды, которой не замечал за все время их пути. Теперь ей не мешали ни камни, ни усталость, ни колючки — словно тигрица, она яростно боролась за жизнь.

— Иванио! Скора, скора...

Она уже торопит его! Заметив это, Иван сжал зубы — кажется, его дела становились все хуже. Нога еще больше налилась тяжестью, распухла в колене, он украдкой поднял разорванную штанину и сразу же опустил — колено раздулось и посинело. «Что за напасть, неужто заражение?»

Но тут как назло последние клочья облака проплыли мимо и совершенно открыли край луга, ярко зардевший маками. И сразу же внизу из тумана выскользнула одна, вторая, третья, темные, как камни, фигуры. Человек восемь устало шли лугом, подминая цветы и настороженно вглядываясь в склоны гор.

Теперь уже можно было не скрываться...

Иван сел, бросив тужурку, рядом остановилась поникшая, растерянная Джулия — несколько секунд они не могли вымолвить ни слова от усталости, молча смотрели на преследователей. А те сразу же загалдели, кто-то, вскинув руку, указал на них, донесся зычный голос команды. Посредине цепи тащился человек в полосатом, руки его, кажется, были связаны за спиной, и двое конвоиров, когда он остановился, толкнули его сзади. Это был сумасшедший.

Немцы засуетились и с гиканьем кинулись вверх.

— Ну что ж,— сказал Иван.— Ты только не бойся. Не бойся. Пусть идут!

Чтобы не мешала тужурка, он надел ее в рукава и достал из кармана пистолет, вынул магазин и сосчитал патроны: их было пять, шестой сидел в стволе.

— Шиссен? — удивленно спросила Джулия, словно только теперь поняв, что им угрожает.

— Стрелять далеко. Пусть стреляют, если патронов много.

Действительно, немцы пока не стреляли, они только кричали: «Хальт!» — но беглецы торопливо поднимались выше, к зарослям стланика. Оправившись от первого испуга, Джулия опять стала подвижной, быстрой и, казалось, готовой ко всему.

— Пусть шиссен! Я не боялся. Пусть шиссен! — говорила девушка.

Непрестанно оглядываясь, она подбежала к Ивану и взяла его за руку. Он благодарно пожал ее холодные пальчики и не выпустил их.

— Иванио, эсэсман шиссен — ми шиссен! Ми нон лягер, да? Да?

Он озабоченно шевельнул бровью.

— Конечно. Ты только не бойся.

— Я не бойся. Руссо Иван не бойся — Джулия не бойся.

Он не боялся. Слишком много страха пережил он за годы войны, чтобы теперь бояться. Как только немцы обнаружили их, он почувствовал странное облегчение и внутренне подобрался: хитростью тут уже не возьмешь, теперь только бы дал бог силы. И еще, конечно, чтобы рядом оставалась Джулия. С этого момента начинался поединок в ловкости, меткости, быстроте — надо было уходить и беречь силы, не подпустить немцев на выстрел, пробиваться к облакам, с ночи неподвижно лежащим на вершинах гор, и там оторваться от преследователей. Иного выхода у них не было.

19

Наконец они добрались до стланика, но прятаться в нем не стали: в укрытии уже не было надобности. Осыпая ногами песок и щебень, хватаясь за колючие ветки, Джулия первой взобралась на край крутой осыпи и остановилась. Иван, с усилием занося больную ногу, карабкался следом. На самом крутом месте у верха обрыва он просто не знал, как ступить, чтобы выбраться отсюда: так болела нога. Тогда девушка, встав на колени, протянула ему свою руку. Он увидел прожилки вен на ее тонкой руке и сделал еще одну попытку подняться — разве она смогла бы вытащить его? Но Джулия что-то затараторила на смеси итальянских, немецких и русских слов, настойчиво подхватила его под мышки, поддержала, и он в конце концов взвалил на край обрыва свое отяжелевшее тело.

— Скоро, Иванио, скоро! Эсэс!

Действительно, немцы нагоняли их, передние уже перешли луг и поднимались по крутизне; остальные старались не отставать. Последним со связанными за спиной руками, спотыкаясь, брел сумасшедший, которого подталкивал конвоир. Кто-то из солдат, увидев беглецов возле стланика, закричал и выпустил очередь из автомата. Выстрелы протрещали в утреннем воздухе и, подхваченные эхом, гулко разнеслись по далеким ущельям. Иван оглянулся — конечно, до немцев было далековато, а когда снова шагнул вперед, чуть не наткнулся на Джулию, лежавшую на склоне.

— Ты что?

— Нон, нон! Нон эршиссен! — оглядываясь, с радостным блеском в глазах сказала она и вскочила. Лицо ее загорелось злым озорством.—Сволячи эсэс!—звонким, негодующим голосом закричала она преследователям.— Ферфлюхтер! Швайн!

— Ладно, брось ты! — сказал Иван. Надо было беречь силы, что пользы дразнить этих сволочей.

Но Джулия, видно, не хотела просто так умирать: злость и наболевшие обиды пересиливали всякое благоразумие.

— Гитлер капут! Гитлер кретино!

Немцы выпустили еще несколько очередей, но беглецы находились намного выше преследователей, и в таком положении (Иван это знал), согласно законам баллистики, попасть из автоматов было почти невозможно. Это почувствовала и Джулия.

— Шиссен! Шиссен! Фашисто! Унтэрмэнш! Бриганти! [1]

Она раскраснелась от бега и гнева, в глазах ее вспыхивал злой огонек, короткие густые волосы трепыхались на ветру. Исчерпав свой запас бранных слов, она схватила из-под ног камень и, неумело размахнувшись, швырнула его.

Кое-как они карабкались вдоль стланика, подъем становился все круче. Черт бы их побрал, эти заросли, хорошо, если бы они были там, внизу, где еще можно было укрыться от погони, а теперь они только кололись, мешали передвигаться! Лезть же через них напрямик было просто страшно — так густо переплелись жесткие, как проволока, смоляные ветки. То и дело бросая тревожный взгляд вверх, Иван искал более удобного пути, но ничего лучшего тут не было. Вверху их ждал новый, еще более сыпучий обрыв, и он понял, что влезть на него они не смогут...

Джулия, однако, этого не видела и не понимала; она немного отстала и теперь торопливо нагоняла его. Он, запыхавшись, присел и вытянул на камнях больную ногу.

— Иванио, нóга? — испуганно крикнула она снизу.

Он не ответил.

— Нóга! Дай нóга!

Он молча встал и снова взглянул вверх на обрыв, она проследила за его взглядом, осмотрела сыпучую стену и насторожилась.

— Иванио!

— Ладно. Пошли.

— Иванио!

Ее лицо передернулось, будто от боли, она оглянулась — немцы поднимались по их следам.

— Иванио, морто будем! Нон Тэрэшки. Аллес нон!

— Давай быстрей! Быстрей! — строго прикрикнул он, понимая, что иного выхода, как повернуть в стланик, у них уже нет.

И, закусив губу, Иван бросился в непролазные дебри, которых чурались даже звери. Колючие иглы сотнями впились в ноги — он не замечал этого, оберегал только колено; от боли и напряжения на лбу выступил холодный пот. Не очень остерегаясь колючек и камней, он яростно полез через стланик в обход кручи.

— Ой, ой! — с отчаянием восклицала Джулия и лезла за ним, то и дело цепляясь за сучья и падая. Он не успокаивал ее и не торопил, лишь посматривал на край обрыва, где вот-вот должны были показаться немцы.

Правда, на этот раз беглецам повезло, они добрались почти до верхней границы зарослей, когда внизу из-за кручи вылез первый эсэсовец. Теперь он уже был опасен, потому что разница в высоте между ними стала не-

[1] Стреляйте! Стреляйте! Фашисты! Разбойники!

значительной. Как только немец поднял голову, Иван быстро прицелился из пистолета и выстрелил.

В горах прокатилось гулкое эхо.

Он, разумеется, не попал: было далеко,— но немец из предосторожности шмыгнул под обрыв, и вслед за тем раздалась длинная автоматная очередь. Внезапный пистолетный выстрел, наверно, испугал гитлеровцев, и на круче какое-то время никто не появлялся. Потом из-за обрыва показалась полосатая фигура — первой ее увидела Джулия.

— Иванио, хефтлинг!

Сумасшедший, широко расставляя ноги, влез на обрыв и, шатаясь, закричал отвратительным, сорванным голосом:

— Русс! Русс! Хальт! Варум гэйст ду вэг! Зи волен брот гебен! [1]

— Цурюк! — крикнул Иван.

Сумасшедший испуганно пригнулся и попятился назад. Там на него закричали немцы, немного погодя они почти все сразу, сколько их было, высыпали из-за обрыва.

Положение ухудшалось. До седловины, где кончался стланик, казалось, рукой подать, но тут немцы могли уже достать их и из автоматов. Надо было во что бы то ни стало задержать эсэсовцев и прорваться за седловину. Иван опустился на колено, прислонил ствол пистолета к шаткому суку стланика и выстрелил второй раз, затем третий. Потом, пригнувшись, затаился в низких зарослях; к нему подползла Джулия.

— Иванио, нон аллес патрон! Нон аллес! [2]

Он понял, прикоснулся к ее худенькому плечу, желая тем самым успокоить девушку,— два патрона он, конечно, оставит. Иван ждал выстрелов в ответ, но немцы молчали; широкой цепью они также полезли в стланик. Тогда он вскочил и, пригибаясь, заковылял вверх, к седловине над кручей.

Видно, немцы все же допустили ошибку, когда, глядя на них, подались в стланик. Заросли не только задерживали движение, они мешали видеть противника, прицелиться, и, пока эсэсовцы возились там, Иван с Джулией понемногу пробирались вверх. Они наконец выскочили из стланика, задыхаясь, добежали до седловины и почти скатились на другую ее сторону. Отсюда Иван прежде всего окинул взглядом местность: с одной стороны под низко нависшими облаками поднимался такой же, как и сзади, крутой каменистый склон; прямо из-под ног катился спуск в лощину, за которой начиналась новая невысокая горная складка. Там и сям над горами, как овечьи стада, плыли белые облака, а над ними сплошная навесь туч закрывала снежные вершины.

Едва они выбежали из седловины, Джулия, сложив на груди ладони, упала на колени, и губы ее быстро-быстро зашептали какие-то слова.

— Ты что? Быстрей!— крикнул он.

Она не ответила, прошептала еще несколько слов, и он, сильно хромая, побежал вниз. Она торопливо вскочила и быстро догнала его.

— Санта Мария поможет. Я просит очен, очен...

Он искренне удивился:

— Брось ты! Кто поможет?

Не зная, куда податься, и не в силах уже лезть вверх, они спустились наискосок по склону в лощину. Седловина с кручей пока еще прикрывала их от немцев. Бежать вниз было легче, тело, казалось, само неслось вперед, только от усталости подгибались колени. Иван все же не мог совладать с ногой и сильно хромал. Джулия опережала его, но далеко не отбегала и часто оглядывалась. То, что они вырвались чуть не из-под самого носа немцев, вызвало у девушки неудержимый азарт. Задорно оглядываясь на Ивана, она лепетала с надеждой и радостью:

— Иванио, ми будет жит! Жит, Иванио! Я очен хотел жит! Браво, вита! [3]

«Рано, рано радоваться!» — думал Иван, только он не возражал — пусть. Оглянувшись, он сразу увидел, как в седловине появился первый немец, с трудом вылез из-за камней, высокий, в подтянутых бриджах, мундир на нем был расстегнут, и на груди белела рубашка. Нет, он не спешил стрелять, хотя они были и не очень далеко от него и намного ниже. С полминуты он смотрел на них, стоя на месте, а потом крикнул что-то остальным, подходившим к нему сзади, и захохотал. Смеялся он долго, что-то крича вдогонку беглецам. Потом сел на камни и снял пилотку.

Джулия подскочила к Ивану и затормошила его.

— Иванио, Иванио, смотри! Он кароши тэдэско! Он пустил нас! Пустил... Смотри!

Иван не мог понять, почему они не стреляли и не преследовали, почему они оставили их и, собравшись вместе, остановились. Один из них, отойдя в сторону и замахав автоматом, начал даже кричать:

— Шнеллер! Шнеллер! Ляуф шнеллер! [4]

— Иванио, тэдэско пускай нас! — на бегу с загоревшейся радостью лепетала Джулия.— Ми жит! Ми жит!

Иван молчал. Он был уверен, что это неспроста, что немцы не от доброты своей остановили погоню.

Иван с Джулией добежали до самого дна лощины, сквозь рододендрон пробрались на другую ее сторону — невысокий, пологий склон — взлобок и обессиленно поплелись наверх. Выветрившийся песчаник и колючки низкорослой травы до крови искололи их ноги, но теперь они не ощущали жесткости земли — Джулия то забегала вперед, то возвращалась, оглядываясь на немцев. Радость ее возрастала по мере того, как они отходили от седловины. Однако обеспокоенный вид Ивана в конце концов не мог не обратить на себя ее внимания.

— Иванио, почему фурьёзо? Нога, да? — обеспокоенно спросила она.

— Не нога...

— Почему? Ми будет жит, Иванио, ми убегаль...

Кажется, он уже догадался, в чем дело. Не отвечая ей, Иван торопливо ковылял по взлобку, который впереди круто загибался вниз. Он скрывал их от немцев, и это было хорошо. Они вышли из-за пригорка, и тут Джулия, также о чем-то догадавшись, остановилась. Горы впереди расступились, на пути беглецов необъятным простором засинел воздух: внизу лежало мрачное ущелье, из которого, клубясь, полз к небу туман.

С похолодевшими сердцами они молча добежали до обрыва и отшатнулись: склон круто падал в затуманенную бездну, в которой кое-где серели пятна нерастаявшего зимнего снега.

20

Джулия лежала на каменном карнизе в пяти шагах от обрыва и плакала. Иван не успокаивал ее, не утешал — сидел рядом, опершись руками на замшелые камни, и думал, что, наверно, все уже кончено. Впереди и сбоку подступал обрыв, с другой стороны начинался крутой скалистый подъем под самые облака, сзади в седловине сидели немцы. Получалась самая отменная западня — надо же было угодить в такую!

Из пропасти несло промозглой сыростью; их разгоряченные тела начали быстро остывать; в скалах, словно в гигантских трубах, выл, гудел ветер, было облачно и мрачно. Но почему эсэсовцы не идут, не стреляют, столпились вверху на седловине — одни сидят, другие стоят, обступив полосатую фигуру безумца? Иван всмотрелся и понял: они развлекались, раскуривая, тыкали в хефтлинга сигаретами — в лоб, в шею, в спину,— и хефтлинг со связанными руками вьюном вертелся между ними, плевался, брыкался, а они ржали, обжигая его сигаретами.

— Русс! Рэттэ! Русс! [5] — летел оттуда истошный крик сумасшедшего.

Похоже было, немцы чего-то ждали, только чего? Возможно, какой-либо подмоги? Но теперь ничто уже не страшно, теперь явная финита, как говорит Джулия, четвертый его побег, видимо, станет последним. Жаль только вот это маленькое человеческое чудо — эту черноглазую говорунью, счастье с которой было таким хмельным и таким мимолетным. Хотя он и так был благодарен случаю, который послал ему такую спутницу в самые последние и самые памятные часы его жизни. Теперь, после всего, что случилось, как это ни странно, а умирать рядом с ней было все же легче, чем в ненасытной печи крематория.

Джулия, кажется, выплакалась, плечи ее перестали вздрагивать, только изредка подергивались от холода. Он снял с себя тужурку и, потянувшись к девушке, бережно укрыл ее. Джулия встрепенулась, пересилила себя, села и в ссадинах, запачканными, кулачками начала вытирать заплаканные глаза.

— Плёхо, Иванио. Ой, ой плёхо!..

— Ничего, не бойся! Тут два патрона,— показал он пистолет.

— Нон фортуна, Джулия,— в отчаянии говорила она.

Он неподвижно сидел на земле, неотрывно следя за немцами, и все внутри у него разрывалось от горя и беспомощности. Перед собственной совестью он чувствовал себя ответственным за ее судьбу — только что он мог сделать? Если бы хоть немного доступнее был обрыв, а то проклятый, нависший над бездной карниз, за ним еще один, а дна так и не было видно в мрачном тумане, даже не прослушивался шум потока. Опять же нога,— разве можно удержаться на такой крутизне?

— Русс! Рэттэ! Рэттэ! Русс! — доносился из седловины тот же голос.

Джулия привстала на колени и вскинула маленькие кулачки.

— Фашисто! Бриганти! Сволячь! Нэмэн зи унс! Нун? [6]

Немцы выслушали долетевшие до них сквозь ветер слова, и один за другим начали выкрикивать непристойности. Джулия только кусала губы. Тогда Иван взял ее за плечи и прижал к себе; девушка послушно подалась, припала к его груди в безысходном отчаянии и, как дитя, снова заплакала.

— Ну, не надо. Не надо. Ничего,— неловко успокаивал он, едва подавляя в себе приступ злобного отчаяния.

Джулия вскоре затихла, и он долго держал ее в своих объятиях, думая, как здорово все началось и как нелепо кончается. Наверно, он абсолютный неудачник, самый несчастный из всех людей: не смог воспользоваться такой благоприятной возможностью спастись. Голодай, Янушка и другие сделали бы это куда лучше — добрались бы до Триеста и били бы фашистов в партизанах. А он вот завяз тут, в этих проклятых горах, да еще, как волка, дал загнать себя в западню. И еще погубил Джулию, которая поверила в него, побежала за ним, полюбила... Оправдал ее надежды, нечего сказать!

Он прижимал к груди ее заплаканное лицо, сквозь собственную боль ощущая трепет ее рук на своих плечах. Это вместе с отчаянием по-прежнему вызывало в нем невысказанную нежность к ней.

Потом Джулия села рядом, поправила рукой растрепанные ветром волосы.

— Мало, мало волёс. Нон большой волёс. Никогда!

От горя он только стиснул зубы. Рассудок его никак не мог примириться с неотвратимостью гибели, но что сделать? Что?

— Иванио! — вдруг оживившись, воскликнула она.— Давай манджаре хляб. Ест хляб!

Она достала из кармана остатки хлеба и с неожиданно вспыхнувшей радостью в заплаканных глазах разломила его пополам.

— На, Иванио.

Он взял бóльший кусок и на этот раз не стал делить, уравнивать порции: теперь это не имело смысла. С наслаждением они проглотили хлеб — последний остаток своего запаса, который берегли до Медвежьего хребта. И тут Иван с новой остротой почувствовал неизбежность конца. Его охватила скорбь при мысли о напрасной трате стольких усилий, и в такое время! Ребята на востоке уже освободили родную землю, вышли за границы Союза, идут сюда, и он уж не встретит их, хотя так рвался навстречу...

Джулия бросала полные отчаяния взгляды на мрачные ущелья, то и дело посматривала на тех, вверху, что караулили их.

---

[1] Русский! Русский! Стой! Почему ты убегаешь? Они хотят дать тебе хлеба.
[2] Иван, только не все патроны! Не все! (Нем.)
[3] Да здравствует жизнь! (Итал.)
[4] Быстрей! Быстрей! Удирай быстрей! (Нем.)
[5] Русский! Спаси! Русский! (Нем.)
[6] Берите нас, ну! (Нем).

— Иванио! Где ест бог? Где ест мадонна? Где ест справядливость? Почему нон кара фашизм? — спрашивала она, в горе ломая тонкие смугловатые руки.

— Есть справедливость! — точно очнувшись, крикнул он.— Будет им кара! Будет!

В неудержимом порыве он сорвал с камня жесткий мох и больше ничего не мог сказать, чувствуя, что готов заплакать, чего никогда с ним не случалось. Джулия, видно, поняла это и ласково прикоснулась к его колену.

Долго подавляемый гнев вдруг прорвался в Иване, он поднялся на широко расставленных ногах и встал во весь рост.

— Звери! — закричал он на немцев.— Звери! Сами боитесь — помощников ведете! Все равно вам нас не взять! Вот! Поняли?

Конечно, они легко могли застрелить его, но не стреляли — кажется, они старались понять, что прокричал им этот флюгпункт. От нервного возбуждения Иван весь трясся, его знобило, должно быть, у него начинался жар. Он оглянулся — вверху немного прояснилось, в разрывах облаков стали видны блестящие от утренних лучей просветы голубизны. Казалось, вот-вот должен был выплыть из туч Медвежий хребет, до которого они не дошли. Очень хотелось увидеть его и солнце, но их все не было, и оттого стало невыносимо горько.

Иван опустился на землю. То, что вот-вот должно было произойти, уже не интересовало его, он знал все наперед. Он даже не оглянулся, когда собаки появились на седловине, овчарки шли по их следу, разъяренные погоней. Джулия вдруг бросилась к Ивану, прижалась к нему и закрыла лицо руками.

— Нон собак! Нон собак! Иванио, эршиссен! Скоро!.. Эршиссен!

Гнев и первое потрясение, прорвавшиеся в нем, сразу исчезли, он снова стал спокойным. Убить себя было просто, куда страшнее поступить так же с Джулией, но он должен это сделать. Только так. Нельзя было позволить эсэсовцам взять их живыми и повесить в лагере — пусть волокут мертвых!

В это время немцы пустили собак.

Одна, две, три, четыре, пять пегих, спущенных с поводков овчарок, распластавшись, устремились по склону вниз; за ними бежали немцы. Иван вскочил, схватил за руку Джулию, та бросилась ему на шею и захлебнулась в плаче. Он чувствовал, что надо что-то сказать,— самое главное, самое важное осталось у него в сердце, но слова почему-то исчезли, а собаки с визгом неслись уже по лощине. Тогда он оторвал ее от себя, толкнул к обрыву — на самый край пропасти. Девушка не сопротивлялась, лишь слабо всхлипывала, будто задыхаясь, глаза ее стали огромными, но слез в них не было — стыл только страх и подавляемый крик.

Он кинул взгляд в глубь ущелья — оно попрежнему было мрачным, сырым и холодным; тумана там стало меньше, и в пропасти ярко забелели снежные пятна. Одно из них узким длинным языком поднималось вверх, и в сознании Ивана вдруг сверкнула рискованная мысль-надежда. Боясь, что не успеет, он ничего так и не сказал Джулии, а опустил уже поднятый было пистолет и толкнул девушку на самый край пропасти.

— Прыгай!

Джулия испуганно отшатнулась, он еще раз крикнул: «Прыгай на снег!» Но она снова качнулась назад и закрыла руками глаза.

Собаки тем временем выскочили на взлобок, Иван почувствовал это по их лаю, который громко раздался за самой спиной. Тогда он сунул в зубы пистолет и подскочил к девушке. С внезапной яростной силой он схватил ее за воротник и штаны и отчаянно толкнул вперед. В последнее мгновение успел увидеть, как распластанное в воздухе тело ее пролетело над обрывом, но попало ли оно на снег, он уже не заметил. Он только понял, что самому с больной ногой прыгнуть не удастся.

Собаки бешено взвыли, увидев его тут, и Иван отступил несколько шагов от обрыва. Впереди всех на него мчался широкогрудый поджарый волкодав, перескочил через камни и взвился на дыбы уже совсем рядом. Иван не целился, но с нетороплимым, почти нечеловеческим вниманием, на которое был еще способен, выстрелил в его раскрытую пасть и, не удержавшись, сразу же в следующего. Первый с лета, юзом пронесся мимо него в пропасть, а второй, на беду, был не один — с ним рядом бежали еще два пса, и Иван не успел увидеть, попал он в него или нет.

Его недоумение оборвал бешеный удар в грудь, нестерпимая боль пронзила горло, на миг мелькнуло в глазах хмурое небо — и все навсегда погасло...

Вместо эпилога

«Здравствуйте, родные Иванио, здравствуйте, люди, знавшие Его, здравствуй, деревня Терешки у Двух Голубых Озер в Белоруссии.

Это пишет Джулия Новелли из Рима и просит вас не удивляться, что незнакомая вам синьора знает вашего земляка, знает Терешки у Двух Голубых Озер в Белоруссии и имеет возможность сегодня, после нескольких лет поисков, послать вам это письмо.

Конечно, вы не забыли то страшное время в мире — черную ночь человечества, когда, зачастую приходя в отчаяние, тысячами умирали люди. Одни, уходя из жизни, принимали смерть как благословенное освобождение от мук, уготованных им фашизмом,— это давало им силы достойно встретить смерть и не погрешить перед своей совестью. Другие же в героическом единоборстве сами ставили смерть на колени и погибали, удивляя даже врагов, которые, и победив, не чувствовали удовлетворения: столь относительной была их победа.

Таким человеком был и ваш соотечественник Иван Терешка, с которым судьба свела меня на трудных путях победной борьбы и огромных утрат. Мне пришлось разделить с Ним последние три дня Его жизни — три огромных, как вечность, дня побега, любви и невообразимого счастья. Судьбе неугодно было, чтобы я разделила с Ним и смерть — случай или обычный нерастаявший сугроб снега на склоне горы не дали мне разбиться в пропасти, в которую в последний свой миг он столкнул меня. Потом меня подобрали добрые люди — отогрели и спасли. Конечно, это случилось позже, а в тот первый после моего падения миг, когда я открыла глаза и поняла, что жива, Иванио в живых уже не было; вверху утихал вой собак, и лишь эхо Его последних двух выстрелов грохотало в ущелье.

Постепенно я возвратилась к жизни. Она поначалу казалась мне лишенной всякого смысла без Него, и долгие месяцы моего одиночества были полны лишь теми скорбными и счастливыми днями, прожитыми с Ним. Я бы могла рассказать вам, какой это был человек, но, думаю, вы лучше меня знаете Его. Я хочу только сообщить, что вся моя последующая жизнь была неразрывно связана с Ним, так же как и моя скромная общественная деятельность в Союзе борьбы за мир, в издании профсоюзной газеты. Память о вашем соотечественнике помогала мне воспитывать и моего сына Джиованни, которому уже восемнадцать лет,— он готовится стать журналистом. (Между прочим, это он перевел на русский язык мое письмо, хотя и я изучила ваш язык, но, конечно, не столь совершенно, как сын.) Еще в моей комнате висит карта Белоруссии — страны, так горячо любимой Иванио. Жаль, что у меня нет его фотографии. Хоть бы какая-нибудь — детская, юношеская или, еще лучше, солдатская...

Иногда, вспоминая Иванио, я содрогаюсь от мысли, что могла бы не встретиться с Ним, попасть в другой лагерь, не увидеть Его схватки с командофюрером, не побежать за Ним после страшного взрыва — пройти в жизни где-то мимо Него и не соприкоснуться с Ним. Но этого не случилось, и теперь я говорю спасибо всем испытаниям, выпавшим на мою долю, спасибо случаю, сведшему меня с Ним. Вот и все. Финита.

С благодарностью ко всем — родившим, воспитавшим и знавшим Человека, истинно русского по доброте и достойного восхищения в своем мужестве. Не забывайте сына вашей великой Родины, как не забываю Его я.

Спасибо, спасибо за все. Уважающая вас

Джулия Новелли из Рима».

Авторизованный перевод с белорусского Мих. ГОРБАЧЕВА.

Олег **ШЕСТИНСКИЙ**

Родина

Она всегда со мною шла,
в краю чужом, краю далеком,
пусть не была она под боком,
но в сердце у меня жила.

На псковские зеленые поля
ложится сумрак, умолкают птицы,
рожь дымчатая шелестит под ветром,
кузнечики затихли, наскакавшись,
и только все стрекочет да стрекочет
на ближнем поле одинокий трактор.

Я вспомнил детства давний-давний день,
я вспомнил день жестокий сентября...

...По вымокшему клеверу, хмельные,
прорвав с налету нашу оборону,
они всё шли...
А я из узкой щели
смотрел на их приплюснутые каски
и автомат, прижатый к животу.

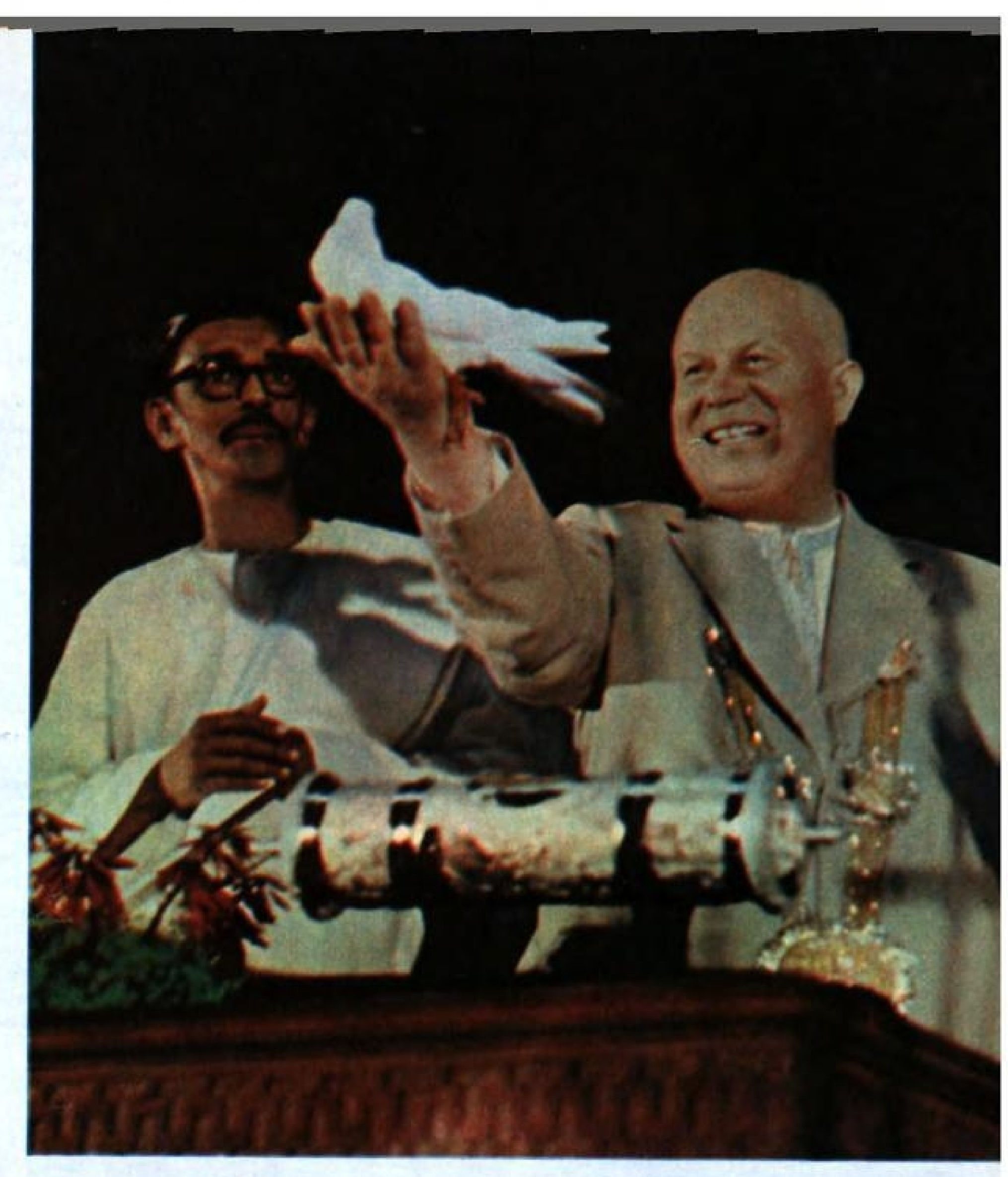
А те пятнадцать,
что в живых остались
и все же назывались батальоном,
в орешнике осеннем залегли
и приняли удар...
И лейтенант,
веснушчатый двадцатилетний парень,
все повторял:
— Поддай, ребята, жару!..
И вдруг осел на желтую траву.
Когда враги, уже не пригибаясь,
горланя, подошли к молчавшей роще
и бодрый марш насвистывали флейты,
в разорванной навеки гимнастерке
встал пулеметчик и навстречу немцам
швырнул гранату, крикнув:
— За Россию!

Тогда мне и запало это слово.
И вся моя мальчишеская жизнь —
моя земля с гречихою цветущей,
грибным дождем,
грачиной майской песней
заполнили то слово до краев.

Я стал мужчиной в мирные года,
и жизнь за дело правое не надо
мне отдавать сегодня
и не надо
швырять гранаты в гусеницы танка.
И, начиная по утрам дела,
мы не кричим сегодня: «За Россию!»,—
но думы все о Родине, о ней...
Не только за ромашки на лугу,
за голубые крапинки во ржи
она нам дорога.
Но за горенье,
за мужественность,
за пытливость мысли,
которой с детства учит нас она.

Ленинград.

Миру — мир!
Никита Сергеевич Хрущев на городском митинге в Калькутте (Индия).

Встреча Н. С. Хрущева с Генеральным секретарем ООН У Таном на Черноморском побережье.

Товарищи В. Гомулка, Н. С. Хрущев и А. Новотный.

Братская встреча Никиты Сергеевича Хрущева с Морисом Торезом в Париже.

РОДИНА ПОМНИТ

«ОБЪЯВЛЕНИЕ.

В последние дни увеличились нападения цивильных особ на лиц, принадлежащих к немецкой и союзным армиям.

Поэтому воспрещается всем цивильным гражданам оставлять свои квартиры.

Окна должны быть закрыты. Двери тоже, но не на ключ.

Кто в противовес этого появится на улице или покажется на окне или у открытых ворот, будет без предупреждения расстрелян.

Это распоряжение вступает в силу сегодня с 15 ч. дня.

Одесса, 9.IV.1944 г.

Боевой комендант г. Б. Одесса».

Для молодых людей, не знавших войны, истинный смысл этого страшного объявления скрыт под слоем минувших двадцати лет. Расшифровать его несложно, надо лишь обратиться к строгой памяти тех, кто носил тогда солдатскую шинель или принадлежал к рядам «цивильных особ».

...Странное дело: гитлеровский комендант обещал пулю каждому, кто захотел бы просто выглянуть в окно и посмотреть, какая погода на дворе,— а подобные обещания фашисты исполняли точно,— однако одесситы утром 9 апреля читали объявление со счастливым выражением лиц. Они улыбались друг другу, как будто им сообщили самую радостную весть.

Они были счастливы потому, что еще раньше успели прочесть другой документ.

«Одесситы! Родина помнит и высоко ценит вашу самоотверженную борьбу во время героической обороны города в 1941 году. Правительство СССР учредило специальную медаль «За оборону Одессы». Родина знает, что в черные дни оккупации одесситы героически боролись против захватчиков. Родина, советский народ и Красная Армия уверены, что одесситы и теперь не подведут.

Привет вам, товарищи одесситы и одесситки!

До скорой встречи!»

Это была листовка — обращение командования армии, с боем рвавшейся к городу. Одесситы уже слышали весенний гром нашей артиллерии. Слышали по ночам стрельбу на своих улицах и знали: это бьют оккупантов городские подпольщики.

Не было причин пугаться зловещих слов объявления утром 9 апреля...

Кто они, эти «цивильные особы», заставившие «боевого коменданта г. Б. Одесса» подписать его последнее распоряжение?

Их имена известны не одним лишь одесситам. Как героя помнит народ коммуниста В. Д. Авдеева (Черноморского), руководившего боевым подпольем Одессы в самые тяжкие дни оккупации. Неумирающей легендой останутся операции партизанского отряда Героя Советского Союза В. А. Молодцова (Бадаева).

Одесса не была бы Одессой, если бы она не превратила свои знаменитые катакомбы в партизанскую крепость, которая не давала врагу покоя ни днем, ни ночью, если бы не росли в Одессе отчаянные ребята подпольной комсомольской группы Лени Бачинского и не стучали по ее улицам каблуки бесстрашных девчат, вроде той девчонки, которая даже в тюрьме для смертников оставалась такой красивой, что приговоренный к смерти безвестный художник не мог не нарисовать ее портрет,— он рисовал на носовом платке огрызком красного карандаша.

Гитлеровские оккупанты пытались замуровывать выходы из катакомб и не гнушались прибегать к удушающим газам; они вешали шестнадцатилетних юношей и жгли паяльными лампами прекрасные тела девушек. Но сломить волю и покорить душу города им не удалось ни на один миг.

Небо над крышами города пятнали гитлеровские флаги с черной свастикой, и одесситы, проходя по улицам, смотрели под ноги. Но не потому, что их подавляла тень чужих флагов: на тротуарах каждый день появлялись маленькие металлические звездочки, которые неустанно выплавлялись комсомольцами из подпольной группы М. Винницкой. Каждый символ имеет свою особую власть и силу. Человеку, подобравшему с асфальта пятиконечный кусочек металла и согревшему его в зажатом кулаке, не страшна была никакая свастика.

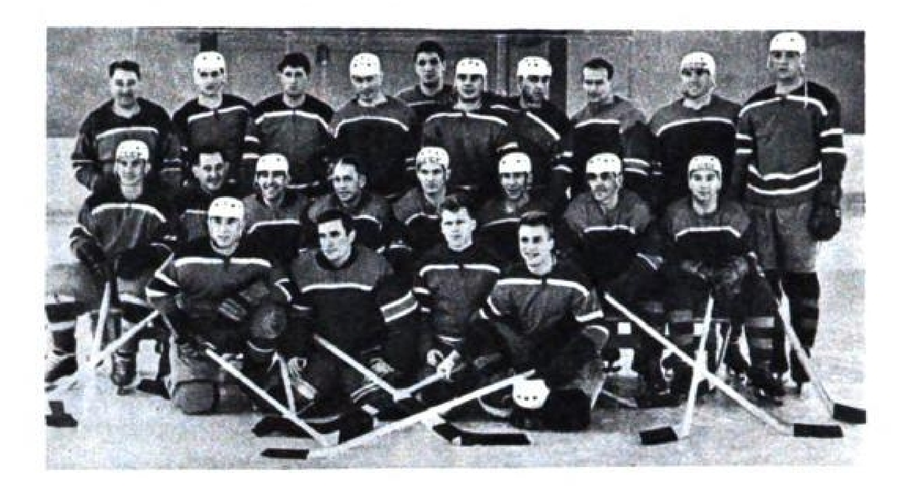
Удар советских армий был жесток и решителен, да и городские партизаны подкинули оккупантам огня с тыла. Краска на последнем распоряжении «боевого коменданта г. Б. Одесса» еще мазалась, если перечеркнуть его пальцем, когда первые колонны советских войск ступили на площадь перед неповторимым одесским оперным театром. Это было 10 апреля 1944 года.

О. МИХАЙЛОВ

10 апреля 1944 года. Советские войска вступили в Одессу.

Фото С. Гурария.

Армейцы—чемпионы СССР

Чемпионат страны по хоккею еще не окончен, а команда, которой будут вручены золотые медали, уже известна. Армейцы, выиграв у динамовцев свой очередной 29-й матч, набрали 55 очков и стали недосягаемы для своих соперников. Хоккеисты ЦСКА в 11-й раз чемпионы СССР.

Фото А. Бочинина.

ЯРКИЕ КРАСКИ ЖИЗНИ

Стихи читает Егор Исаев.

Выступает Александр Аверкин.

Среди подарков, бережно хранимых в редакции «Огонька», появился еще один — альбом образцов тканей комбината имени III Интернационала. На плотных листах из полукартона наклеены небольшие квадратики ситца и сатина, но какая большая красота открывается перед каждым, кто листает страницы альбома! В этой красоте — яркие краски трудовой жизни многотысячного рабочего коллектива.

Хлопчатобумажный комбинат-гигант находится во Владимирской области. Он раскинул свои корпуса на окраине города Карабаново. Предприятию свыше ста лет. В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» упоминает фабрику как одну из крупных в России, насчитывавшую уже в 1879 году 4 248 рабочих. Комбинат богат революционными традициями. Славными трудовыми свершениями озарено его настоящее.

Когда университет культуры комбината предложил посвятить свое очередное занятие встрече с редакцией «Огонька», сотрудники журнала и его авторы с радостью откликнулись на приглашение. Зал Дворца культуры до отказа заполнили около тысячи тружеников комбината. Главный редактор журнала А. Софронов рассказал о работе и планах «Огонька». О кубинских встречах говорил Г. Боровик, о поездке в Египет — Б. Иванов. Д. Бальтерманц вспомнил о своих путешествиях с фотоаппаратом по Советскому Союзу. Эстетическому воспитанию посвятил выступление И. Долгополов.

Поэты Д. Ковалев и Г. Регистан прочитали свои новые стихи. Очень тепло встретил зал Егора Исаева, который читал отрывки из поэмы «Суд памяти», выдвинутой на соискание Ленинской премии. Встречу завершил композитор А. Аверкин. Это было не совсем обычное выступление. Композитор запевал, а весь зал подхватывал его песни, которые уже успели завоевать в народе широкую популярность. А одна новая песня А. Аверкина впервые прозвучала на этом вечере, встретила горячее одобрение, и первые ее слушатели сами дали песне название — «Россия».

Поздним вечером закончилась эта дружеская встреча.

АНТЕЙ

Бордэн ДИЛ

Рассказ

Рисунок С. КРАВЧЕНКО.

Это было во время войны, когда народ толпами устремился на север — на фабрики и военные заводы, когда люди разъезжали по стране куда больше, чем теперь, и когда ребятишки волей-неволей оказывались подчас в совсем чужой компании и в совсем непривычных условиях. Мне вспоминается один такой парнишка. Его звали Т. Д., и родом он был откуда-то с юга. В один прекрасный день семья его въехала в дом, где жили мы. Прикатили они все на допотопном автомобиле; удивляться надо, как он вообще мог проделать такой путь на север. Все свое имущество они привезли с собой; оно было свалено на заднем сиденье, и на куче этого барахла тряслись Т. Д. и три его маленькие сестренки.

Наш дом был не хуже и не лучше других — в каждом теснилось по нескольку семей. Кажется мне, что в одном только нашем доме обитало тогда по меньшей мере двадцать — тридцать ребят моего возраста. Ну и, конечно, мы, мальчишки, сколотили шайку и после школы носились все вместе по улицам. Собственно, я и познакомил Т. Д. с остальными и затеял всю эту историю.

К нашему дому примыкала фабрика заводных кукол. Здание ее возвышалось над всеми прилегающими домами. Было оно с плоской крышей, обнесенной высоким парапетом, и мы очень скоро сообразили, что никто — даже сторож — не может видеть, что творится на фабричной крыше, и что никому до этого нет никакого дела. Ну и, естественно, эта крыша стала штаб-квартирой нашей шайки. Мы перекидывали доску с крыши нашего дома на их пожарную лестницу и уж по ней забирались наверх. Мы считали крышу своим потайным убежищем, куда без нашего разрешения не смеет проникнуть никто.

Помню, как я в первый раз взял туда с собой Т. Д., чтобы познакомить его с шайкой. Т. Д. был коренастый крепыш с копной светлых, почти белых волос. Не какая-нибудь размазня, вовсе нет. Вот только голос... мы таких прежде не слыхали. Он говорил певуче и мягко, совсем не так, как все мы,— это сразу было заметно. Но мне он все равно понравился, и я позвал его с собой.

Мы забрались на парапет и спрыгнули на крышу. Шайка была уже в сборе.

— Здорово! — сказал я и ткнул большим пальцем в сторону Т. Д.— Он вчера к нам въехал.

Т. Д. стоял рядом, вид у него был вовсе не испуганный, нет, мне только показалось, что он не совсем уверен, придутся ли ребята ему по душе или нет.

— Здорово! — сказал Блэйки.— Ты откуда?

— Из Марион-каунти,— ответил Т. Д.

Мы захохотали.

— Марион-каунти? — сказал я.— Это где ж такое?

Он и на меня взглянул чужим взглядом.

— В Алабаме,— сказал он таким тоном, будто я должен был знать.

— А звать тебя как? — спросил Чарли.

— Т. Д.,— ответил он.

Глаза у него были светло-голубые, словно выцветшие, но взгляд твердый. Он смотрел на Чарли в упор и ждал, что тот скажет. «Он ничего,— думал я,— подойдет. Кажется, не нюня. Вот только голос... Никогда не слыхал, чтобы ребята так говорили».

— Т. Д.? — переспросил Блэйки.— Это же инициалы. А полностью тебя как звать? Так не бывает, чтобы только инициалы.

— Бывает,— ответил он,— меня зовут Т. Д. Другого имени у меня нет.

Он сказал это очень решительно, с полной уверенностью в своей правоте, и никто не нашелся, что бы возразить ему. Т. Д. огляделся по сторонам, посмотрел себе под ноги на черный гудрон, которым была залита крыша.

— А у нас, откуда я приехал,— сказал он,— мы всегда в лесу играли. Разве у вас леса нет?

— Нету,— сказал Блэйки,— тут парк есть недалеко, да там проходу нет от маленьких, да полицейских, да старух. Там не развернешься.

Т. Д. по-прежнему смотрел на гудрон у себя под ногами.

— Что ж, у вас, выходит, ничего и посадить нельзя? Ни арбузов, ни чего другого?

— Нельзя,— пренебрежительно ответил я.— А зачем это надо — сажать? Кому нужно, может в лавке купить.

Он опять посмотрел на меня странным взглядом, словно не узнавая.

— В Марион-каунти,— сказал он,— у меня был свой собственный акр земли под хлопок и свой собственный акр земли под кукурузу. Я там каждый год сеял и урожай собирал.

Он сказал это так, словно тут было чем гордиться, и неизвестно, почему его слова задели нас.

— Господи! — воскликнул Блэйки.— Больно мне нужна земля под хлопок и под кукурузу! Работать я, что ли, захотел? Ну для чего тебе твой хлопок и кукуруза?

Т. Д. посмотрел на него.

— С одного акра можно треть тюка хлопка собрать,— серьезно ответил он.— А кукурузой со своего акра я телка кормил.

До нас как-то не дошло, о чем, собственно, он говорит, поэтому мы скорее удивились, чем рассердились, иначе мы, наверное, сразу же прогнали бы его с крыши и не приняли бы в свою шайку. Но в нем было что-то необычное, что-то отличавшее его от нас. Нам понравилась его непоколебимая уверенность в своей правоте и то, как свободно он разговаривает с нами. Понравилась, возможно, и непривычная мягкость его речи, еще больше подчеркивавшая резкий звук наших голосов.

Т. Д. провел ногой по гудрону.

— А ведь здесь мы могли бы устроить себе поле,— задумчиво и негромко сказал он.— Придет весна, можно было бы что захочешь, то и посеять... арбузы там и всякие овощи. Все, что угодно.

— Ну, чтобы вырастить арбузы на гудроне, надо не знаю, каким хорошим фермером быть,— сказал я.

Все расхохотались.

Но Т. Д. остался серьезным.

— Можно натаскать сюда земли,— сказал он,— разровнять ее, поливать... В два счета все вырастет.— Он пристально смотрел на нас.— Здорово было бы, а?

— Как же, дадут они нам...— возразил Блэйки.

— Ты же мне говорил, что это вас всех крыша,— сказал Т. Д., обращаясь ко мне,— что вы все, что захотите, то тут и делаете.

— Они нас здесь никогда не трогали,— ответил я.

Я начал зажигаться его идеей. Идея была стоящая. Я ее, правда, ухватил не сразу, но чем дальше, тем она больше мне нравилась.

— Слушайте, ребята,— обратился я к шайке.— А ведь он дело говорит. Давайте устроим здесь настоящий сад с цветами, с травой, с деревьями... Все как следует. Чтобы он был наш и ничей больше. Мы в него будем пускать только кого захотим.

— Деревьев так скоро не вырастишь,— тут же возразил мне Т. Д., но теперь уж мы на него не обращали никакого внимания.

Теперь, когда я так преподнес им дело, все загалдели, заговорили, перебивая друг друга. Мы все знали, что сады на крышах бывают только у богатых, и мысль о возможности иметь собственное владение страшно взбудоражила нас.

— Землю можно будет приносить сюда в мешках и в коробках,— сказал Блэйки.— Нужно будет только смотреть в оба, чтобы никто нас не накрыл: таскать-то ведь придется сначала на нашу крышу и уж оттуда сюда.

— А где мы землю достанем? — озабоченно спросил кто-то.

— На пустырях около школы,— ответил Блэйки.— Там можно сколько угодно накопать, никто и не заметит.

Я хлопнул Т. Д. по плечу.

— Ну, парень, ты это здорово придумал,— сказал я, и все заулыбались, вспомнив, что придумал-то все действительно он.— Собственный сад на крыше. Наш!

Он улыбнулся в ответ.

— А то нет! Наш и будет.

Затем лицо у него снова стало задумчивым.

Американский писатель Бордэн Дил родился в 1922 году в небольшом городке Понтоток в штате Миссисипи. Во время второй мировой войны служил во флоте. После окончания войны поступил в Алабамский университет, который и окончил в 1949 году. Первый его рассказ, «Исход», вошел в сборник «Best American Short Stories 1949». Его перу принадлежит несколько романов: «Дорога, усыпанная блестками», «Дерзкое племя» и др. В числе других литературных премий Бордэну Дилу была присуждена премия имени Гуггенхейма.

Рассказ «Антей» напечатан в сборнике «Best American Short Stories 1962».

— Может, мне и семян хлопка раздобыть удастся. Ты думаешь, смогли бы мы здесь вырастить немного хлопка, а?

Великие идеи рождались у нас и прежде — покажите мне компанию мальчишек, у которых они не рождались бы,— только обычно они кончались ничем за недостатком организованности и отсутствием руководителя. Не то было на этот раз... Всеми правдами и неправдами Т. Д. ухитрялся поддерживать в нас энтузиазм всю зиму напролет. Он неустанно расписывал нам арбузы и хлопок, который мы вырастим,— вот только погоди, придет весна,— а если видел, что ребят этим не проймешь, переключался на мой проект и начинал говорить о цветах, траве и деревьях, не забывая добавить, однако, каждый раз, что деревья, что там ни говори, скоро не вырастишь. Он думал об этом неотрывно. Даже в школе можно было постоянно услышать, как он разглагольствует на этот счет, сбивая шайку таскать землю на крышу после обеда, роняя мимоходом, что еще, глядишь, недели две-три — и работа будет закончена.

Наш маленький «собственный» участок хоть и медленно, но рос. Т. Д. распорядился очень умно: всю землю ссыпали в один угол и разравнивали, делая пласт толщиной фута в два-три. Результаты наших трудов сказывались, таким образом, незамедлительно, и мы с благоговейным трепетом взирали на них. Бывали вечера, когда Т. Д. таскал землю на крышу фабрики в одиночку, потому что шайка отвлекалась чем-то посторонним, и ей было не до него, но он упорно занимался своим делом, и в конце концов мы снова являлись, и тогда наше будущее поле начинало увеличиваться в размерах быстрее.

Он был очень разборчив насчет земли и не раз, случалось, высыпал содержимое мешка через парапет в глухой фабричный тупик внизу только потому, что, по его мнению, она была недостаточно хороша. Он рыскал по всем пустырям, в окрестностях и находил именно те сорта почвы, какие надо. Он разминал комочки в руках, нюхал их — даже промерзшие насквозь — и затем веско говорил, что это хорошая, плодородная земля или же что она никуда не годится и нужно пойти поискать в другом месте.

Когда я думаю об этом сейчас, у меня просто в голове не укладывается, как это ему удалось заставить нас довести дело до конца. Нам было совсем не легко таскать бумажные мешки и коробки с землей сначала наверх по лестнице нашего дома, все время прячась от взрослых, чтобы они не заинтересовались, чем это мы заняты. По всей вероятности, они вообще этим не заинтересовались бы, так как не обращали на нас почти никакого внимания, но мы были твердо намерены сохранить свою затею в тайне. Затем мы вылезали через люк, балансируя, перебирались по доске на пожарную лестницу, карабкались по этой лестнице два или три этажа до парапета и уже оттуда спрыгивали на фабричную крышу. И все для того, чтобы доставить туда кучку земли, такую жалкую, что, право же, иногда казалось, она не стоит затраченных усилий. Но Т. Д. не давал мечте погаснуть. Меткими, вовремя брошенными фразами он подстегивал нас, заставляя стремиться к ее осуществлению. И, кроме того, сам он работал больше всех нас. Казалось, его влечет к себе какая-то невидимая нам цель, какая-то точка во времени, отмеченная удивительными приметами, доступными лишь его взору.

Земля, добытая нами с такими мучениями, всю зиму пролежала на крыше холодными твердыми комьями, безжизненная и инертная. Но вот прошел дождь, и после него в воздухе словно разлилась нежность, и земля ожила и сделалась влажной, и теплой, и податливой. В тот вечер Т. Д. глубоко, полной грудью вдохнул запах земли, лежащей у него под ногами.

— Весна! — сказал он, и в голосе его прозвучала такая радость, что она невольно передалась и нам.— Хоть и поздняя, а все весна. Я уж думал, она никогда не придет.

Мы все тоже стали нюхать воздух, подражая Т. Д., и я до сих пор помню чудесный запах, подымавшийся от земли. Первый раз в жизни весна и земля весной говорили мне что-то. Я смотрел на Т. Д., смутно догадываясь, как страстно ждал он этой минуты все эти месяцы, догадываясь о чудесном видении, манившем его всю зиму. Передо мной был современный Антей, готовящий себе дарующее силы ложе.

— Самое время сеять,— сказал он.— Надо добывать семена.

— А что нам надо делать? — спросил Блэйки.— Как это делается?

— Сначала надо разбить комья,— сказал Т. Д.,— это совсем не трудно. Потом мы посеем семена, и немного погодя они взойдут. А потом получим урожай.— Он нахмурился.— Только сначала посевы нужно вырастить. Нужно ухаживать за ними, разрыхлять землю и заботиться о них, а они тем временем будут расти и расти... и днем и ночью, когда все спят. А потом, когда они вырастут, их не надо трогать, потому что они будут созревать. Вот вам и урожай.

— На Шестой улице есть склады семян,— сказал я,— можно будет спереть там немного для газона.

Т. Д. посмотрел на землю.

— Все траву хотите сеять,— сказал он,— не знаю... Я-то всю жизнь старался, чтобы травы поменьше росло...

— Так ведь это ж красиво,— сказал Блэйки,— можно играть на ней и загорать. Будто у нас собственная лужайка. У многих ведь есть собственные лужайки.

— Ладно,— сказал Т. Д. Впервые во взгляде, который он бросил на нас, отразилось колебание. С минуту он молчал.— Я-то хотел посадить кукурузу, ну и там овощей всяких. Но мы посеем траву.

Он был не дурак. Понимал, когда нужно уступить. И потом, мне кажется, ему было, в общем-то, все равно. Лишь бы что-то растить, пусть даже траву.

— Но, конечно,— добавил он,— грядку арбузов мы все-таки сделаем. Знаете, как вкусно их есть, когда валяешься на траве!

Мы рассмеялись.

— Ладно,— сказал я.— Сделаем грядку арбузов.

После этого события стали разворачиваться быстрее. Землей была покрыта приблизительно половина крыши — та ее часть, где не было вентиляционных труб. По субботам и в будние дни во время большой перемены мы смешивались с толпой покупателей и набивали карманы семенами из открытых ларей на складе. Т. Д. показывал нам, как готовить землю, и мы разбивали комья и разравнивали и затем сеяли. Теперь земля казалась нам жирной, и черной, и влажной — она охотно принимала семена и буквально в мгновение ока зазеленела, покрылась бледной травкой ранней весны. Мы не могли отвести от нее глаз, не могли поверить, что эти нежные побеги обязаны жизнью нам. И мы с сочувствием смотрели на Т. Д., понимая, о чем он мечтал, какой замысел вынашивал в голове сам, один. Мы работали, не понимая, что даст нам наш труд, он же знал это с самого начала.

Оказалось, что ходить по хрупким стебелькам или играть на них, как мы думали когда-то, нельзя. Но нас это ничуть не расстраивало. С нас было довольно смотреть на них, сознавая, что это — дело наших рук, и каждый вечер шайка в полном составе собиралась на крыше и старательно измеряла, на сколько выросла трава за день.

Один только раз ступила нога на нашу лужайку, один только раз! Блэйки с каким-то даже вызовом вдруг сделал шаг по ней. Затем он взглянул на смятые, поломанные стебельки, и на лице его отразился стыд. Больше он этого никогда не делал. Никто ничего не сказал ему: это было не нужно.

Т. Д. сберег небольшой участочек под арбузы и всюду искал семена для них. На складе арбузных семян не оказалось, и мы просто не представляли себе, где бы стащить их. Т. Д. уже сгреб землю в кучки, и три холмика выстроились один за другим по краю лужайки. Все было готово, остановка была только за семенами.

В конце концов мы решили, что раз уж так, ничего не поделаешь, придется семена купить. Это шло вразрез с нашими принципами, но нам не терпелось скорее посадить арбузы. Т. Д. удалось раздобыть где-то каталог семян, и как-то вечером он притащил его с собой на крышу.

— Теперь мы сможем заказать их,— сказал он, показывая нам каталог.— Поглядите!

Мы столпились вокруг, рассматривая цветные изображения громадных зеленых арбузов. Некоторые были расколоты и выставляли напоказ мякоть, такую красную и сочную, что у нас потекли слюнки.

— Придется собрать деньги на семена,— сказал Т. Д.— У меня есть двадцать пять центов. А у вас у всех сколько?

Набралось что-то около двух долларов. Т. Д. кивнул.

— Больше, чем надо,— заявил он.— Теперь давайте решим, какой сорт брать. По-моему, хорошо бы «Сахарные Клекли». А вы все как думаете?

Но это он зашел в сферы, недоступные нашему пониманию. Мы и не подозревали, что существуют разные сорта арбузов. Поэтому мы только покивали и сказали, что тоже подумывали о «Сахарных Клекли».

— Сегодня же и закажу,— сказал Т. Д.— Через несколько дней они уже у нас будут.

— А вы что тут делаете, ребята? — раздался позади нас взрослый голос.

Мы вздрогнули от неожиданности. За все то время, что мы владели крышей, никто ни разу не подымался сюда. Мы резко повернулись и увидели трех мужчин, которые стояли около раскрытого люка у противоположного края крыши. Это были не полицейские и даже не сторожа, просто трое мужчин в ворсистых светлых костюмах. Они постояли, посмотрели на нас. Затем двинулись к нам.

— Вы что тут, ребята, делаете?— повторил тот, который шел в середине.

Мы стояли неподвижно, проникнутые сознанием собственной вины, подавленные тоном его голоса, и смотрели на незнакомцев.

Они с недоумением уставились на травяной ковер, расстилавшийся позади нас.

— Это еще что такое?— спросил все тот же человек.— Откуда это здесь взялось?

— Хорошая травка выросла, правда?— любезно сказал Т. Д.— Это мы посеяли.

Мужчины продолжали смотреть на траву, будто не верили своим глазам. Она густо покрывала землю, и изумрудно-зеленый ковер ярким пятном выделялся на фоне голого и безрадостного фабричного предместья.

— Да, сэр,— гордо продолжал Т. Д.— Мы сами натаскали сюда земли и посеяли траву.— Он помахал каталогом.— И мы еще как раз сейчас решили, что посадим немного арбузов.

Человек смотрел на него ничего не выражающим, рассеянным взглядом.

— Кто вам позволил устраивать все это на крыше здания, которое принадлежит мне?— сказал он.— В тюрьму захотели?

У Т. Д. сделался растерянный вид. Мы же все молчали, перепуганные властным тоном этого человека. Мы выросли в сознании неоспоримости власти полицейских, и ночных сторожей, и учителей. Этот человек им не уступал. Но Т. Д., по-видимому, к такому не привык.

— Так вы ж крышей не пользуетесь,— сказал он и, помолчав секунду, лукаво добавил: — Вот мы и решили ее немного украсить.

— И заодно продавить, чтобы мне ее потом ремонтировать!— оборвал его человек. Он повернулся, чтобы идти, бросив через плечо тому, что шел за ним:— Распорядитесь, чтобы завтра же этот мусор поскидывали вниз.

— Слушаюсь, сэр,— сказал тот.

Т. Д. выступил вперед.

— Какое вы имеете право! — сказал он.— Мы сами натаскали сюда земли, и, значит, она наша. Мы натаскали земли, и посеяли траву, и вырастили ее.

Человек холодно посмотрел на него.

— На здании, принадлежащем мне,— сказал он.— Завтра все это отсюда поскидывают.

— Это наша земля,— сказал Т. Д. в отчаянии.— Вы не имеете права...

Мужчины шли, не слушая его, и, подойдя к люку, стали неловко спускаться вниз. Т. Д., белый от злости, смотрел им вслед, пока они не скрылись из виду. Они не пожелали выслушать его, не дали ему ничего сказать в защиту своего права на землю.

Он повернулся к нам.

— Мы им не дадим! — с бешенством сказал он.— Мы не уйдем отсюда весь день завтра и весь день послезавтра и не дадим им.

Но мы только молча смотрели на него. Мы знали, что ничего тут не поделаешь. Он прочел это в наших глазах, и лицо его дрогнуло, но он овладел собой.

— Они не имеют права! — сказал он.— Это наша земля. Наша! Разве можно трогать чужую землю?

Мы продолжали молча смотреть на него. Мы знали, что все это ни к чему. Мир взрослых обрушился на нас и уничтожил самую чудесную мечту, которую мы когда-либо имели, и мы знали, что не в наших силах ни понять этот взрослый мир, ни бороться против него, ни тем более победить его.

Мы начали потихоньку подвигаться к парапету и к пожарной лестнице, стараясь не смотреть на землю, которую Т. Д. одел для нас в волшебный зеленый убор, изменив заодно все наше видение мира. Мы медленно, гуськом направились к пожарной лестнице и стали спускаться. Т. Д. лез последним, и тяжесть его горя давила нас.

— Погодите! — сдавленно и напряженно сказал он вдруг.

Что-то в звуке его голоса заставило нас остановиться. Мы посмотрели наверх, туда, где он стоял на ступеньке пожарной лестницы.

— Значит, не остановить их? — спросил он.

— Нет,— категорически сказал Блэйки.— Дом-то ведь их.

Минуту мы не двигались и, не отводя глаз, смотрели на Т. Д., парализованные выражением решимости в его глазах. Он тоже смотрел на нас. Сейчас, в сером, сумеречном освещении, он был очень бледен, что-то неприятное появилось в его лице, вдруг ставшем бесцветным и обтянутым, какими бывают иногда лица калек.

— Не тронут они мою землю,— сказал он с ненавистью,— они ее пальцем не коснутся. Айда назад!

Он повернулся и снова полез наверх; теперь он не карабкался, а почти бежал. Мы полезли за ним, хоть и не так быстро. Мы не представляли себе, что он еще задумал. К тому времени, как мы его нагнали, он уже вооружился доской, и, действуя ею, как лопатой, подхватывал землю, и швырял вниз через парапет. Он выпрямился и посмотрел на нас.

— Они ее не тронут,— сказал он.— Я не позволю, чтобы они ее своими грязными лапами трогали.

Тут мы поняли. Он снова взялся за работу, и мы последовали его примеру. Вспышки его злости словно заражали нас, и мы работали как одержимые. Рассыпавшись по краю лужайки, мы подхватывали землю и перекидывали ее через парапет, с яростью уничтожая ту самую траву, которую сами вырастили с такой нежной заботой. Земля, с таким трудом поднятая сюда, к свету и солнцу, черным каскадом низвергалась вниз, в темный тупик, и зеленые стебельки, съежившиеся и перекрученные, летели туда же.

Это заняло совсем немного времени... Разрушать всегда несравненно легче, чем созидать. Когда мы наконец остановились, на крыше оставалось только немного земли, просыпанной во время работы. Мы перекидали вниз и ее, и тогда тишина опустилась на нас и на всю фабрику. Мы посмотрели вниз на голый, бесплодный гудрон, потрогали ногой его твердую поверхность, и злость покинула нас, оставив лишь тупую, ноющую боль в мозгу — точь-в-точь как бывает при растяжении мышцы.

Т. Д., с трудом переводивший дух от злости и усилий, тоже не отводил глаз от картины разрушения. Он медленно нагнулся, подобрал растоптанную травинку, взял ее между зубами и стал высасывать из нее зеленый сок. Затем не успели мы опомниться, как он быстро зашагал к пожарной лестнице и исчез за краем крыши.

Мы пошли за ним, но он был уже далеко. Он не перебрался на доску, по которой мы перелезали к себе на крышу, и продолжал спускаться в тупик. Мы видели, как качнулся под его весом последний отрезок лестницы, и вот уже он стоял на залитом бетоном дворике рядом с небрежно накиданной кучкой никому не нужной земли, сброшенной нами сверху. Затем он исчез из поля нашего зрения и скрылся в направлении улицы, так и не оглянувшись, не посмотрев наверх на нас.

Его не могли найти целых две недели. Потом уж полиция Нэшвилля поймала его недалеко от товарного двора. Он шел вдоль линии железной дороги, держа курс на юг, держа курс домой.

Что же касается нас, не помнящих дома, не знающих, что такое тоска по дому... то никто из нас ни разу больше не залез по пожарной лестнице на ту крышу.

Перевела с английского
В. ЕФАНОВА.

ТАНКИ НА УЛИЦАХ РИО

На улицах Рио-де-Жанейро — танки, броневики, солдаты. Бразильская реакция, совершив государственный переворот, обрушилась с репрессиями на патриотические силы страны. Тюрьмы и полицейские участки переполнены. Преследованиям подвергают всех, кто выступает за прогресс и независимость Бразилии, за демократические реформы. «Антикоммунизм — основное знамя, которым прикрывались антиконституционные силы при осуществлении заговора в Бразилии», — заявил Жоао Гуларт на пресс-конференции в Уругвае.

Войска разгоняют демонстрацию сторонников Гуларта.

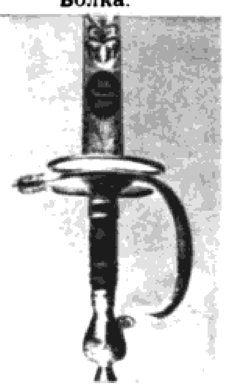

Солдаты и полиция охраняют резиденцию Карлоса Ласерды, губернатора штата Гуанабара, одного из лидеров мятежников.

Фото ЮПИ.

Сабля атамана Волка.

Эфес шпаги А. Балашова.

БОЕВЫЕ РЕЛИКВИИ

На территории Белоруссии в 1944 году разведчики 3-го гвардейского танкового корпуса в разгромленном штабе фашистов нашли шпагу с узким клинком и позолоченной рукоятной.

На клинке вырезан дворянский герб, вензель и названия нескольких городов на русском языке. Шпагу разведчики подарили командиру корпуса генерал-майору И. А. Вовченко.

Как удалось выяснить, шпага принадлежала участнику Отечественной войны 1812 года русскому генералу А. Балашову, о котором писал Л. Н. Толстой в романе «Война и мир».

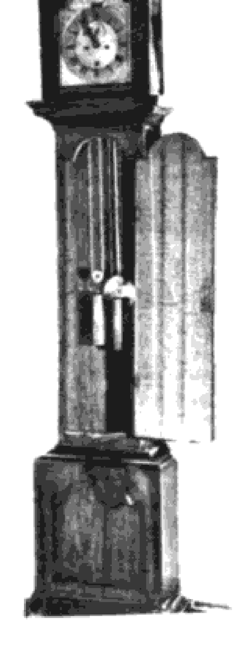
У И. А. Вовченко хранилась еще одна реликвия — сабля, принадлежавшая его далекому предку — куренному атаману Запорожской Сечи Волку.

Шпагу А. Балашова и саблю Волка И. А. Вовченко подарил Киевскому Государственному историческому музею.

В. СИДОРЕНКО

Киев.

Через 188 лет

Бывший слесарь, а ныне пенсионер И. Н. Трубицын подарил Елецкому краеведческому музею старинные часы ручной работы. Часы не работали, и мы обратились к мастеру. Очищая от ржавчины и грязи механизм, тот наткнулся на монограмму: «Тула, 1776 год, мастер Иван Кобылин».

И вот сделанный 188 лет назад механизм вновь возвращен к жизни. Часы отсчитывают секунды, минуты, часы, сутки.

Высота дубового корпуса футляра с маятником и гирями равна двум метрам и сорока сантиметрам. Часы имеют двухнедельный завод.

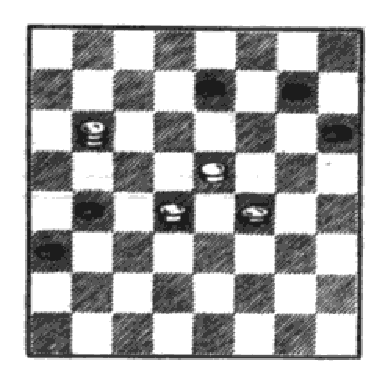
А. ХЛУДЕНЕВ

Елец.

ШАШКИ

под редакцией мастера Г. Я. ТОРЧИНСКОГО

ЭТЮД

Н. Б. Городецкий (Бобруйск)
Белые начинают и выигрывают.

Решение концовки А. Аюпова, помещенной в № 12 «Огонька». 1. e5 — d6!! c7 : c3 2. a5 — b6. g5 : e3 3. b6 — c7 h2 : f4 4. g1 — f2! e3 : g1 5. c7 — d8 g1 : b6 6. d8 : d8 и выигрывают.

Решение концовки З. И. Цирика, помещенной в № 14 «Огонька». 1. a3 — b4! c5 : a3 2. c1 — d2! a3 : c1 3. a1 — b2 c1 : a3 4. f2 — g3!! h2 : f4 5. c3 — b4 a3 : f2 6. e1 : g7 h6 : f8 7. h4 : a5 и выигрывают.

Побывать бы на Луне

Музыка К. ЛИСТОВА.

Слова А. ЖАРОВА.

Что нам обещает новая весна?
В синем-синем небе полная луна.
Мы идем по парку, где прохожих нет...
С неба тихо льется теплый лунный свет.
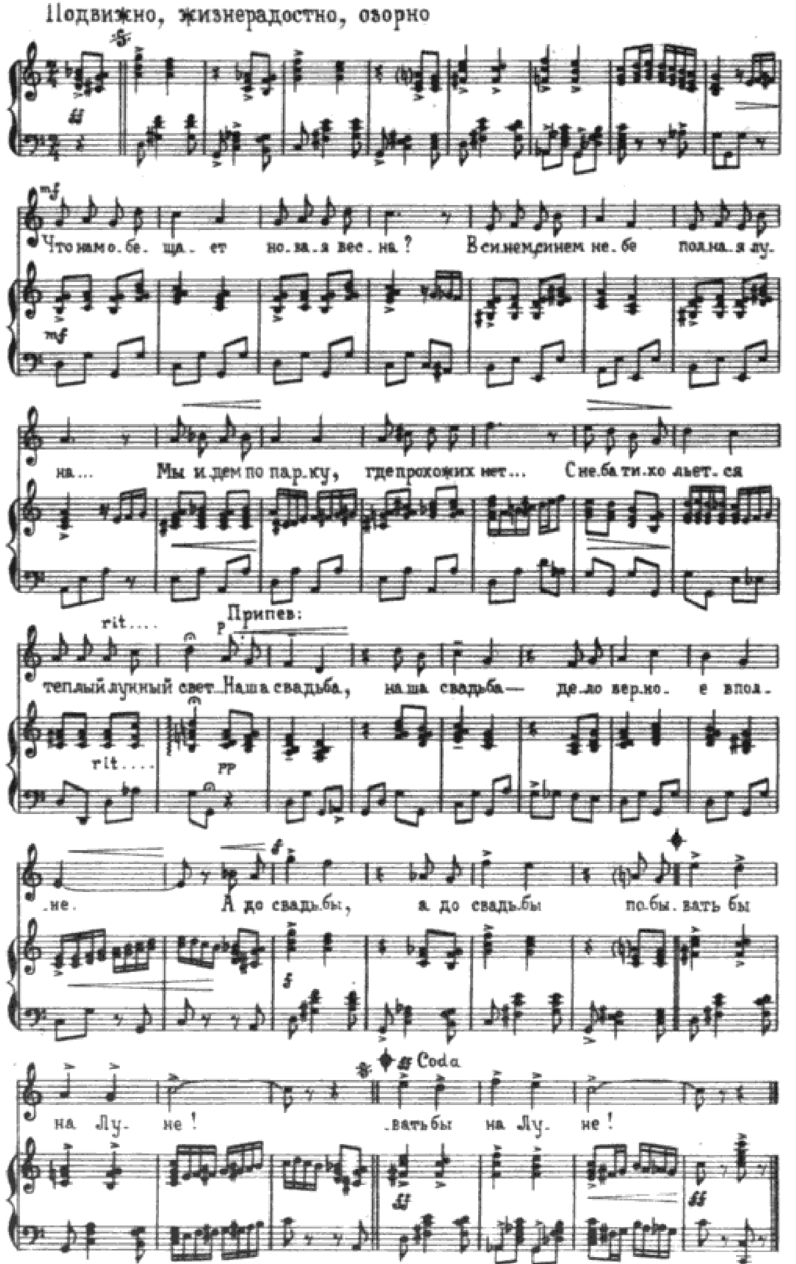
Припев:
Наша свадьба, наша свадьба —
Дело верное вполне.
А до свадьбы, а до свадьбы
Побывать бы
На Луне!

Добрый путь большому чудо-кораблю!
В космосе скажу я, что тебя люблю.
Нежно объяснимся где-то в лунной мгле,
Ну, а целоваться будем на Земле!

Припев.

Все друзья, подруги будут видеть нас.
Праздник на орбите справим в добрый час.
На виду у Марса и других планет
Нашим космонавтам мы пошлем привет!

Припев.

Комсомольский запевала

Александру Жарову, поэту первого комсомольского поколения, исполняется шестьдесят лет. Героические двадцатые годы с их пафосом созидания формировали талант Жарова. «Молодость Советской страны была главной темой моей поэтической работы»,— писал позднее поэт. И это так.

Наши годы не сковать покоем.
В наши годы только бурям петь!
В наших годах что-то есть такое,
Вечное,
Великое,
Живое,
Что никак не может умереть!..

В поэзии Жарова нашли свое художественное воплощение чувства и мысли молодых строителей социализма.

А. Луначарский, человек безупречного художественного вкуса, увидел в первых стихах молодого Жарова и виртуозную форму и словесный блеск и тут же отметил, что «центр тяжести внимания читателя всегда на содержании...». В предисловии к книге стихов А. Жарова «Ледоход» (1924) Луначарский писал: «...Книжечка небольшая, но сколько в ней солнечного света, сколько в ней утреннего смеха и как часто попадаются в ней изысканные порой самой своей молодостью образы и чувства!»

Автор поэм «Гармонь» и «Варя Одинцова», Жаров одним из первых советских поэтов смело разрабатывал темы новой революционной деревни. Чем дальше мы отходим от времени действия «Вари Одинцовой» и «Гармони», тем явственнее проступают неповторимые черты первых десятилетий советской деревни.

В годы Великой Отечественной войны Жаров создает поэмы, прославляющие подвиги советских людей: «Богатырь», «Керим» и другие. Они посвящены героям войны — матросу Северного флота Ивану Сивко, капитану-подводнику Магомету Гаджиеву.

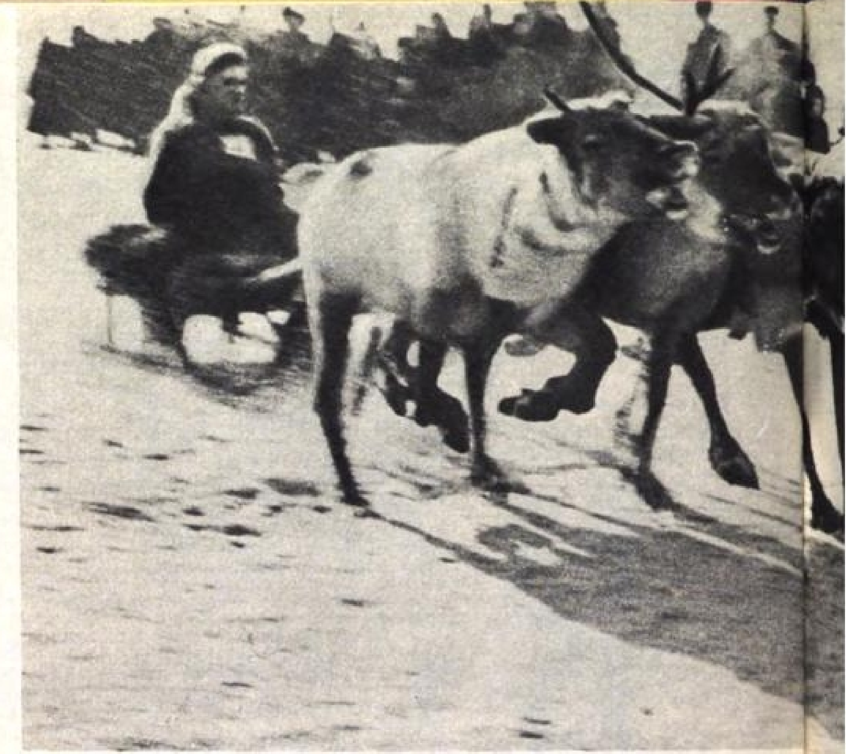
Широко известны в народе песни Жарова: «Взвейтесь кострами, синие ночи!», «Песня былых походов», «Заветный камень»...

Много песен написал Жаров с композитором Константином Листовым. Их творческая дружба, начавшаяся еще до войны, особенно укрепилась в военные годы, когда поэт и композитор служили в рядах Военно-Морского Флота, бывали и на Черном море, и на Балтике, на море Баренца и Тихом океане.

Из песен, написанных ими, широко известными стали: «Ходили мы походами», «Паренек с Байкала», «Пой, моя хорошая», «Сквозь туман-ураган», «Амурский вальс», «Над волною голубою», «Сад-виноград», «Братья-великаны»...

Сегодня мы публикуем их новую песню «Побывать бы на Луне».

В. АННЕНКОВ

← Карнавал на улицах Мурманска.

Весеннее

По-прежнему на кольской земле снежной белизной сверкают сопки, озера. И все же весна уже пришла в Заполярье: снег немного тускнеет, кое-где даже обнажилась земля, на голубом весеннем небе улыбается яркое солнце. Здесь сейчас самый большой день в стране. И жители Мурманска чувствуют себя по-весеннему. В последнее воскресенье марта они по традиции справили праздник Севера: проводили зиму и встретили весну.

Этот праздник возник в столице Заполярья 30 лет назад. Тогда в «краю непуганых птиц» только начиналась новая жизнь. Комсомольцы, молодежь приехали на Крайний Север добывать апатит, строить электростанции, выплавлять никель, создавать мощный рыбопромысловый флот. В 1934 году создатели индустриального Заполярья, энтузиасты-физкультурники проводили свой первый праздник Севера. Старожилы рассказывают, что с тех пор всегда в этот день ярко сияло ослепительное северное солнце. Не знаем, все ли, но нынешний, юбилейный был действительно ярким, солнечным, веселым, по-весеннему сказочно красивым днем.

Как бы догоняя уходящую зиму, лыжники Украины, Москвы, Ленинграда, Ярославля, Урала, Башкирии приехали сюда помериться своими силами.

А у подножия Горелой горы стартовали погонщики оленьих упряжек. С любопытством зрители наблюдали, как опытнейший оленевод колхоза «Тундра» Владимир Шаршин взял в руку хорей — длинную палку погонщика — и ловко прыгнул

В этот день танцевали всюду.

Старт взят. Фото Г. Копосова.

настроение

в сани. Мгновенно, пулей сорвались с места олени и исчезли из виду. Владимир Шаршин, сын потомственного пастуха, прошел на оленях по тундре тысячи километров. На последних трех праздниках Севера он неизменно выходил в соревнованиях победителем.

Вслед за Шаршиным садятся в сани Кузьмины, Егор Игнатьевич и его жена Ольга Тимофеевна. На старт выходят оленеводы из далекого села Краснощелье Иван и Алексей Терентьевы. Вот показались еще олени. Но где же сани? За оленями человек на лыжах. Это вид спорта для ловких и сильных.

В долине еще продолжается спортивное сражение, а улицы города заполнены народом. У ярко оформленных домиков-киосков жарятся блины, пекутся пирожки с рыбой. Двигаются машины с героями русских сказок, мчатся русские тройки. Три богатыря в серебристых кольчугах, сверкающих на солнце, радостно приветствуют рыбаков, химиков, металлургов — покорителей Арктики. Медленно плывет зеленый лес-сад, а над ним большое улыбающееся нарисованное солнце. А настоящее светило так, что даже несколько испортило программу праздника: не удалось выставить на улице скульптуры из снега. Растаяли бы сразу.

Может быть, метельная, морозная зима заглянет еще в Заполярье, но никого уже это не страшит: жители Севера встретили праздник солнца и ощутили его тепло. У них хорошее, весеннее настроение.

К. ЧЕРЕВКОВ

Искусная погонщица оленьих упряжек саами — Ольга Тимофеевна Кузьмина.

Зловещая старуха

В. НИКОЛАЕВ

При встрече с Викторией Вудхалл людям сразу бросался в глаза ее монументальный бюст. Но не эта достопримечательность прославила Викторию. Она стала известна широким массам американцев, когда выдвинула свою кандидатуру во время президентских выборов. Ее политическая программа была, мягко говоря, экстравагантной. Она ратовала за спиритизм, вегетарианство, короткие юбки, узаконенную проституцию и свободную любовь. Несмотря на столь широкую и разнообразную программу, в президенты ее не избрали. Кстати, о неутешительных итогах выборов мятежная Виктория Вудхалл узнала в тюрьме, куда попала за непристойное поведение.

Нелепый, казалось бы, случай. А вот въехала на нем Виктория в историю. Она участвовала в выборах 1872 года, а имя ее до сих пор не забыто! Сегодня оно вновь замелькало на страницах американских газет и журналов.

В 1964 году о Виктории Вудхалл вспомнили не случайно. Еще одна женщина посягает на президентское кресло.

При встрече с теперешней претенденткой вам в глаза ничего выдающегося не бросится. Под косметической маской трудно угадать ее возраст, но она не просто женщина, а политический деятель, и поэтому доподлинно известно, что ей 66 лет. И зовут ее Маргарет Чейз Смит.

В отличие от Вудхалл она не получит сообщение об итогах выборов в тюрьме. Маргарет Смит — американский сенатор! В отличие от героини избирательной кампании 1872 года новую кандидатку в президенты не интересует ни длина юбок, ни свободная любовь. Но аналогия между ней и Викторией Вудхалл отнюдь не формальная. Их роднит неукротимое желание попасть в историю. И непристойность, если не сказать хуже.

«Мне хотелось бы стать президентом,— оповещает современников Маргарет Смит.— Я думаю, что у меня больше опыта и знаний, чем у любого из кандидатов в президенты — и тех, которые уже названы, и тех, которые еще будут выдвинуты».

Маргарет Смит учла печальный опыт своей непосредственной предшественницы, которая в общем-то была просто скандалисткой-идеалисткой. Смит решила въехать в историю на стальной колеснице атомной войны.

Имя ее впервые широко прозвучало в 1961 году. Воинствующая сенаторша, ослепленная дикой ненавистью к содружеству социалистических стран, потребовала от американского правительства ни много, ни мало — пустить в ход ядерное оружие.

Н. С. Хрущев в своем Ответе на письмо лейбористов — членов английского парламента в 1961 году писал по поводу этого поджигательского призыва Смит: «Просто не укладывается в голове, как может женщина, если это не сатана в образе женщины, выступать с такими злобными, человеконенавистническими призывами».

Страсть зловещей старухи к атомной бомбе с новой силой вспыхнула, когда в американском сенате в прошлом году обсуждался договор о частичном запрещении ядерных испытаний. Смит стала одним из самых ярых противников договора и голосовала против него.

Столь агрессивное поведение Смит не следствие возрастного склероза. И год, и два, и десять лет назад она не отличалась ни миролюбием, ни здравым смыслом.

В 1955 году подполковник запаса Маргарет Смит лобызалась с Чан Кай-ши и лично инспектировала воинские части «генералиссимуса».

Когда западногерманские реваншисты и их заокеанские покровители накалили атмосферу вокруг Западного Берлина, Смит потребовала от американского правительства подкрепить «смелые слова смелыми делами».

Смит неустанно призывает к гонке вооружений и агрессии против свободной Кубы, выступает против развития торговли между США и СССР.

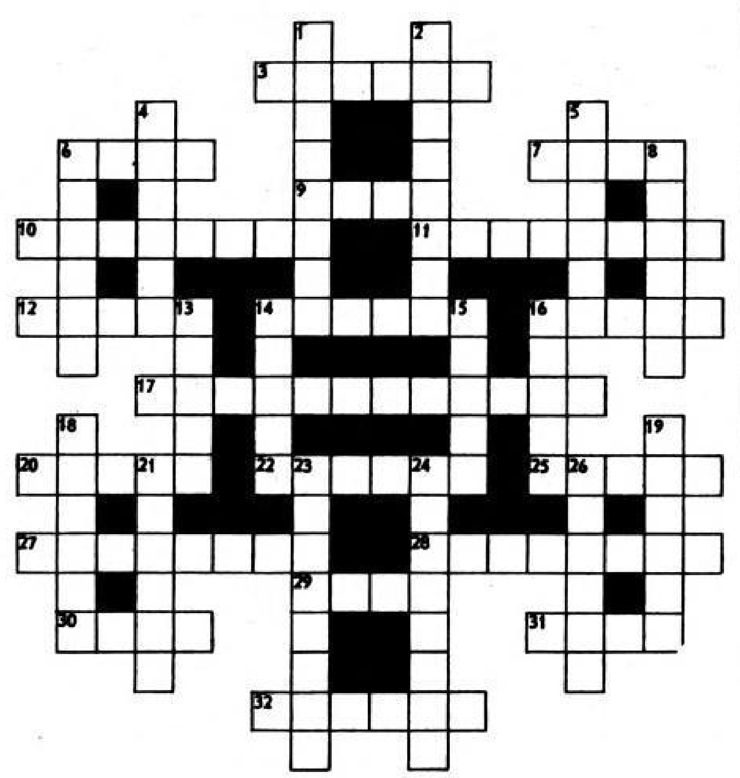
Черный послужной список! Однако он вполне устраивает определенные силы в США. И Смит, опираясь на них, возмечтала ныне о Белом доме. Свою политическую позицию она определяет так: «Правее Рокфеллера и левее Голдуотера». А свои надежды на будущее связывает с тем, что (по ее подсчетам) «женщины в среднем живут на 7 лет дольше мужчин».

Расчувствовавшись как-то, в предвыборном угаре она разоткровенничалась: «Когда люди без конца твердят тебе, что ты ничего не можешь, хочется попытаться доказать обратное».

Не надо! Лучше не пытайтесь, миссис Смит! Прислушайтесь к тем, кто вас предостерегает.

Жаклин Монтгомери, простая американская женщина из Бруклина (штат Нью-Йорк), пишет миссис Смит через газету «Нью-Йорк таймс» от имени многих женщин: «Я возмущена вами. Я молодая мать, и я хочу во что бы то ни стало сохранить детей. Мы хотим мира и только мира, и о ядерной войне не может быть и речи. Это единственная реалистическая и гуманная позиция. Это единственная надежда для наших детей».

Мы знаем, миссис Смит, что в личной жизни вы одиноки. У вас нет ни мужа, ни детей, ни внуков. Но тем не менее неужели вы не слышите в словах американской матери ту же тревогу, тот же гнев, что и у советского премьера? Жаклин Монтгомери, все здравомыслящие американцы не позволят, чтобы ваша рука дотянулась до атомной бомбы.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Цветной камень. 6. Канат. 7. Хищная рыба. 9. Состязание. 10. Поэт, автор эпопеи «Шахнаме». 11. Высшее учебное заведение. 12. Водяной вал. 14. Остов здания. 16. Река в Колумбии. 17. Итальянский художник Возрождения. 20. Плодовое дерево. 22. Ввоз товаров из-за границы. 25. Дорожка в парке, в саду. 27. Перерыв, пауза. 28. Раздел механики. 29. Город в Сибири. 30. Сольное вокальное произведение. 31. Химический элемент. 32. Атмосферный вихрь.

По вертикали:

1. Многогранник. 2. Изгиб реки. 4. Американский писатель. 5. Пушной зверек. 6. Спутник планеты Нептун. 8. Курорт в Крыму. 13. Залив Охотского моря. 14. Ручной инструмент. 15. Совокупность действий, событий в художественном произведении. 16. Лабораторный сосуд. 18. Сплав меди с другими металлами. 19. Русский актер. 21. Государство на Скандинавском полуострове. 23. Персонаж комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». 24. Руководитель издания. 26. Французский естествоиспытатель.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

По горизонтали:

7. Бутлеров. 8. Барометр. 9. Астрахань. 10. Кедр. 12. Гусь. 13. Норка. 15. Кеттут. 17. Плакат. 18. Каталог. 21. «Мачеха». 22. Стакан. 23. Жакет. 25. Кант. 26. «Аида». 27. Архипелаг. 29. Маскарад. 30. Антрацит.

По вертикали:

1. Тургенев. 2. Дека. 3. Понтон. 4. Шарада. 5. Толь. 6. Аттестат. 11. Регламент. 12. Гватемала. 14. Рубанок. 16. Такса. 17. Пегас. 19. Параграф. 20. Мандарин. 23. Жухрай. 24. Тюлень. 27. Аган. 28. Герб.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Юные строители Петя Курашов и Володя Нестерчук с увлечением занимаются в кружке судомодельщиков Гомельского Дворца пионеров.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Весеннее половодье.
Фото М. Савина.

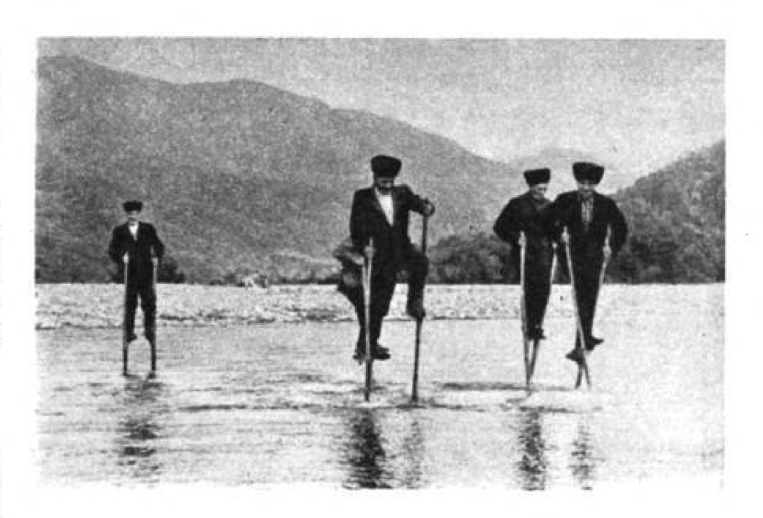

ЛЮБИТЕЛЯМ СТАРИНЫ

В Югославии выпущена вторая серия марок на тему «Античное искусство Югославии». (Первая серия была представлена в № 38 нашего журнала за 1963 год.)

На марках: архангел Михаил, фреска из церкви в Бераме, стилизованное изображение человека, деталь фонтана в Любляне, группа всадников, мозаичное изображение бискупа Евфразия.

Н. САТАРОВ

ВТОРЫЕ НОГИ

Как перейти горную речку, если нет моста? Оказывается, очень просто.

На снимке вы видите, как жители аула Большой Кичмай, Сочинского района, переходят горный поток на ходулях.

Горцы этого аула с детства учатся ходить на «пхэлано» — деревянных ногах.

В. НАУМОВ

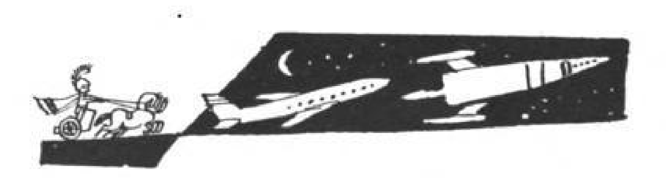
Почему мы так говорим

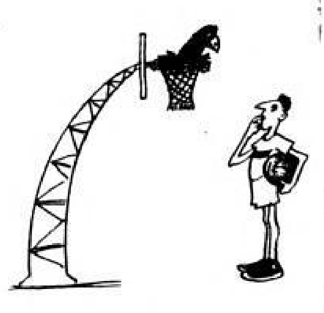
ИППОДРОМ, АЭРОДРОМ

Слово «ипподром» (от греческого «иппос» — «конь» и «дромос» — «бег») давно вошло в языки. Оно известно из истории Греции, Древнего Рима и Византии. В 443 году до нашей эры на ипподромах уже устраивались конные состязания. Слово «ипподром» стало международным. У нас первый ипподром был организован в 1826 году. В прошлом веке по образцу ипподрома назвали и другие места состязаний — «циклодром», «велодром». А потом появился и «аэродром», а в наши дни и «космодром».

Греческое «аэр» — «воздух» — уже было в древнерусском языке, в Лаврентьевской летописи 1223 года.

И. УРАЗОВ

Начало сезона.

Запасной игрок.

Рисунки Г. и В. Караваевых.

РЕМОНТ МЕХОВЫХ ИЗДЕЛИЙ

Без слов.

Рисунок Б. Боссарта.

Футбольный сезон настал. «Спартак»... «Динамо»... «Спартак»... «Динамо»...

— А теперь скушай за деда тети свекрови жены брата племянника свояка по линии папы Шуры.

Рисунки В. Воеводина.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Михайлина.

Траулер Эстонской базы океанического рыболовного флота во время шторма в Северном море.

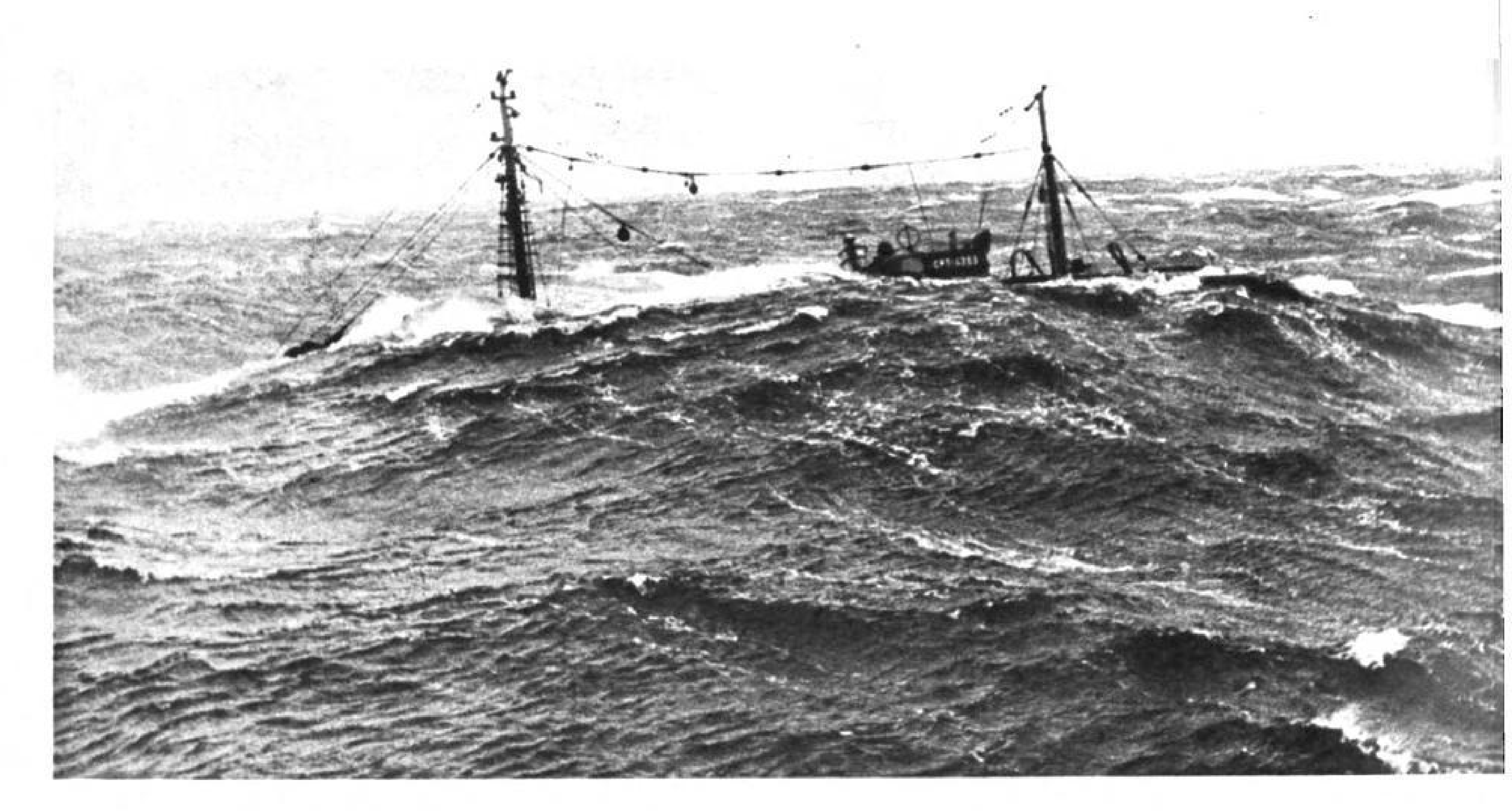

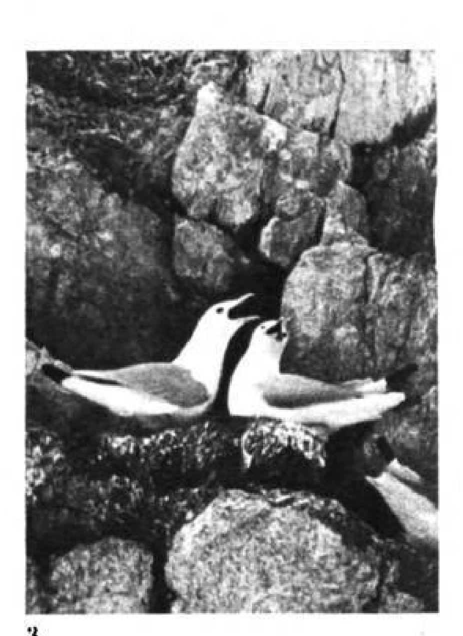
Фото старшего механика рефрижератора «Нева» В. Федорова.

РАЗБУЖЕННАЯ ТИШИНА

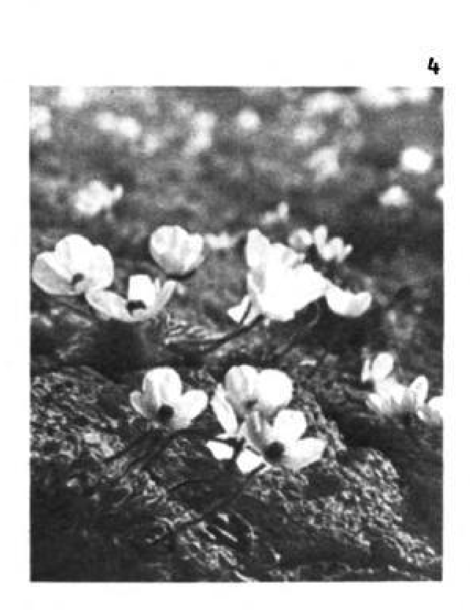
1

2

3

4

И до Арктики дотянулась весна. Исчезла ночь, которая хозяйничала здесь почти полгода. Теперь солнце, едва коснувшись горизонта, опять устремляется вверх. Полярный день!

Весна разбудила спящую страну. Вот вышел погреться на солнышке белый медведь (фото 1).

Пожалуй, нет приятнее музыки, чем нарастающий свист птичьих крыльев в морозном воздухе и звонкая трель крохотной птички-пеночки — весеннего звонаря. Птицы летят сюда со всех сторон, летят стаями вполнеба и поодиночке. Одни остаются в тундре, другие держат путь дальше — на острова. И эти седые скалы (фото 2) загудели от гомона птичьих базаров.

— Кто, кто, кто,— надрываются чайки, стерегущие гнездо (фото 3). Такая суматоха стоит — поди узнай своего.

Разбойничьим посвистом оглашается тундра, свист переходит в истошный крик — ухнула сова. Желтые маки, уже появившиеся на подсохшем бугре, укоризненно покачивают головками: разве так поют? (Фото 4.)

Стаял почти весь снег. Бухают у скал обвалы, ветер с треском рвет лед на море, рушатся айсберги — салютует весна.

В. ОРЛОВ

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00667. Подписано к печати 8/IV 1964 г. Формат бум. 70 × 108¹/₈. 2,5 бум. л.— 6.85 печ. л. Тираж 2 050 000. Изд. № 737. Заказ 901.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663